

Милана Шторм

Немая и Туз

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Ее зовут Сиэлла Ремур, дочь обнищавшего дворянина, предназначение которой – удачно выйти замуж, чтобы помочь семье. Но Сиэлла хочет изменить свою судьбу. Одержимая желанием быть нужной обществу, она мечтает помочь магической полиции с расследованием дела о маньяке по прозвищу Туз. А когда жертвой становится возлюбленный Сиэллы, желание превращается в одержимость.

Она пойдет на все ради достижения цели. Сбежит из дома, станет немой служанкой того, кто ведет дело Туза, даже инсценирует собственную смерть!

Она найдет Туза.

Но не будет ли цена слишком высока?

-
- [Милана Шторм](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Эпилог](#)
-

Милана Шторм
Немая и Туз

Пролог

В воздухе пахнет полынной горечью и мокрым песком. Бескрайняя степь вокруг Омирши дышит стыло, прощаясь с летом до следующего года. Дождь прошел совсем недавно, но он был настолько коротким, что не смог даже умыть мостовую. Только слегка намочил ее. Дожди в Омирше не такая уж и редкость, но они – лишь эхо, отзвуки того, что творится в столице или Дирне, городе на болотах.

Омирша любит солнце, а солнце – любит этот город, смело встречающий все тяготы степных пожаров и вечной засухи.

Дождь прошел совсем недавно. Но пятна на мостовой он так и не смыл... Глина, грязь, кровь... все осталось.

Алые капли падают на камень и разбиваются на десятки брызг. Слышится тихий стон и странный звук: как будто крысиные лапки перебирают по карнизу.

– Нет... пожалуйста... – Стон переходит в шепот. Отчаянный, умоляющий. Безнадежный.

Цыки-цыки-цыки-цыки-цык.

– Я все отдам... все отдам!

Странный цокающий звук прерывается. Сменяется шорохом ткани.

Фигура в черном плаще стоит перед молодым мужчиной, прижавшимся спиной к стене. Мужчина тяжело дышит, и из его рта вырывается пар. Лето еще не закончилось, но до заморозков не так уж и далеко.

Мужчина прижимает руку к груди, и даже в скудном освещении можно заметить, что пальцы отрублены. Он пытается остановить кровь, но она все равно течет. И капли продолжают падать на камни мостовой.

И разбиваться...

Фигура в черном плаще делает шаг вперед, и по ее очертаниям невозможно определить, кто именно скрывается за чернильной тьмой бесформенной одежды. В Омирше, где ментальных колдунов едва ли не четверть от всего населения, трудно уйти от правосудия.

Но стонущий человек без пальцев не видит лица своего мучителя, и его тело не выдаст его потом. Потом, когда мучитель превратится в убийцу...

А это – самое главное.

– Прошу вас... пожалуйста... я все отдам... только дайте время!

Человек больше не в силах стоять... он сползает по стене вниз и беспомощно смотрит, как фигура в плаще склоняется над ним.

– Пожалуйста... пощади, – шепчет он. – Дай мне время...

Сухой ветер играет с Омиршей. Он налетает шквалом и заставляет свежие капли крови засохнуть вмиг.

Человек придерживает капюшон, чтобы ветер не выдал его, а потом садится на корточки напротив жертвы.

Ветер стихает так же резко, как и появился. Вновь слышится цокающий звук.

– Твое время закончилось, – хриплым шепотом говорит фигура в плаще. – И началось мое!

Цоканье сменяется чавканьем, раздается стук металла о камень, и стоны затихают.

Утром, когда тело обнаружит прачка, которой не суждено будет в тот день дойти до места работы, в кармане мужчины найдут то, что взбудоражит Омиршу на несколько месяцев вперед.

Игральную карту.

Туз трэф.

Глава 1

Молчание было вязким, словно гречишный мед на куске прожаренного хлеба. Тяжелым, словно бархатное одеяло. Удушающим, словно чересчур стянутый корсет.

Хруст и деликатное почавкивание заставляли Силь скрежетать зубами от бессильного бешенства, а ее желудок – сжиматься от сосущего голода.

Но она решила, что не притронется к еде. Она поклялась себе самой: пока отец не поменяет своего решения, она будет голодать. Пусть от недостатка еды у нее уже кружится голова, но она выстоит.

Отец всегда говорил, что она унаследовала его упрямство, так пусть же теперь он поймет, что она еще упрямей! В тысячу раз упрямей, чем он!

– Ты бледна, Сиэлла, – заметила Элис, ее новая «мама», которая была старше ее всего на пять лет. – Возможно, стоит умерить свой характер и все же поесть?

Силь сглотнула слюну и пригубила кофе из миниатюрной чашечки. Несколько капель черного, как тьма в ее душе, напитка утром и пара глотков зеленого чая перед сном – все, что она позволяла себе вот уже пятый день.

С тех пор как отец объявил о дате ее помолвки. Помолвки с человеком, который согласился взять в жены ее, бесприданницу. И поправить незавидное положение ее семьи.

Что ж, отец хотя бы может быть точно уверен, что его молодая жена действительно его любит. Потому что Элис согласилась когда-то выйти замуж за нищего вдовца с двумя дочерьми. Но, кажется, поддержки от мачехи сейчас не дождешься.

Всем надоела нищета.

– Твое поведение ни к чему не приведет, – продолжила Элис, хмурясь и изящно закусывая губу. – Если ты продолжишь голодать – просто упадешь в обморок. И поверь: пока ты будешь без сознания, я успею тебя хорошенько накормить.

Силь кинула на молодую женщину взгляд исподлобья. Мачеха сидела прямо, будто насаженная на кол, темно-рыжие волосы ее были

собраны в сложную прическу, из которой кокетливо выбивались волнистые пряди. Облаченная в недорогое, но справное платье темно-синего цвета, Элис выглядела... жутко. И виной тому была карминовая помада, совершенно неуместная в свете утреннего солнца.

Шестнадцатилетняя Эви, сидевшая напротив отца, тоже выглядела неуместно шикарно, во всем подражая мачехе. И отец был рад, что его жена и младшая дочь сохраняют облик знатных леди. А вот Сиэллой он был недоволен. И не только потому, что она заупрямилась, отказавшись выходить замуж непонятно за кого. Нет. В отличие от мачехи и младшей сестры она вышла к завтраку в самом простом платье, а волосы собрала в косу, не желая отвлекать и так измученную горничную. В доме, где работает одна кухарка, одна горничная и один садовник, являющийся по совместительству чернорабочим, плотником и лакеем, нельзя делать вид, что все в порядке.

И Силь не понимала, почему остальные этого не осознают, цепляясь за внешний лоск, когда нужно смотреть в самую суть. Знатность. Графский титул. Вот и все, что у них осталось.

И отбирать у горничной лишние минуты драгоценного сна ради ненужной прически Силь считала верхом неблагодарности к девушке, которая оставалась с ними только из преданности – вот уже третий месяц она получала урезанное жалованье.

Сиэлла допила кофе, поставила чашку на стол и посмотрела мимо Элис, будто задумавшись.

Элдж, выполняющий по дому всю тяжелую работу, остановился в дверях столовой. Пока никто, кроме Силь, его не заметил, он светло улыбнулся ей, и от этой улыбки в груди стало тепло. На целое мгновение она почувствовала себя почти счастливой. Щемящее чувство нежности разлилось по телу, и она приподняла уголки губ в ответной улыбке.

А потом уткнулась в пустую чашку.

Когда же закончится этот бесконечный завтрак? Ей нужно уйти отсюда. Оказаться в своей комнате, лечь поверх покрывала и заснуть.

Во сне голод не мучает ее.

Во сне к ней приходит Элдж. Тот Элдж, с которым она может быть вместе.

Ирония судьбы: тот, кого она любит всем сердцем – беден как церковная мышь. Но зато ей можно не опасаться подвоха с его стороны: она тоже бедна. И поэтому знает точно, что Элдж любит именно ее. А не деньги, которых у нее нет.

– Сиэлла, – отец отложил недоеденный хрустящий тост и сурово посмотрел на нее, – ты должна понимать, что твоя голодовка ничего не изменит. Желаеть ты этого или нет, но завтра ты будешь помолвлена с Нейтаном Тинклером.

При упоминании имени жениха Силь сжала зубы. В горле и груди поселился холод. Жуткий мороз, уничтоживший все тепло от улыбки Элджа.

Младший брат мэра Омирши, Нейтан Тинклер слыл богатым повесой, любящим азартные игры и вино.

Говорили, что он не выходит из-за покерного стола. Говорили, что за последние пять лет он ни разу не проиграл. Когда-то лишенный наследства за бесконечное пьянство и разврат, он заново сколотил состояние. Играя в покер.

Этот человек мог спасти ее семью от нищеты. Так считал отец, но Сиэлла думала по-другому. С чего ему делиться своим состоянием, шатким, как и у любого заядлого игрока?

С чего Нейтан Тинклер вообще вздумал жениться? И почему именно на ней?

О том, что она привлекла его как женщина, Сиэлла и не думала. Они встречались-то всего пару раз на каких-то пышных приемах, куда время от времени приглашали отца благодаря его благородному происхождению. Да, однажды он пригласил ее на танец, но Силь не захотела с ним танцевать. Ей было противно находиться рядом с ним. Она ненавидела игроков и уж точно не могла предположить, что самый знаменитый игрок Омирши предложит ей выйти за него замуж. Нет, не ей. Он предложит это ее отцу.

Силь никогда не пользовалась популярностью на подобных мероприятиях. Наверное, потому что предпочитала прятаться по углам вместо того, чтобы кружить в танце по гостиной. Она не любила танцевать. Она любила петь. Она хотела бы блистать на таких праздниках и званых вечерах, даря каждому немного радости волшебством музыки.

Но отец был непреклонен: знатной леди не пристало стоять на возвышении возле рояля и продавать себя, подобно уличной девке.

К сожалению, салонные разговоры и сплетни Сиэлли утомляли своей пустотой и однообразностью, поэтому на званых вечерах она предпочитала притворяться немой.

Как она могла привлечь внимание Нейтана Тинклера, циничного ублюдка, рядом с которым вились самые ослепительные красавицы Омирши? Да и разница в возрасте у них была довольно большой... Тинклеру было тридцать пять, и разгульный образ жизни уже оставил свои следы на его лице: вечные темные круги под глазами и морщины возле губ отталкивали двадцатитрехлетнюю Сиэлли. Он для нее слишком стар!

А еще она его боялась. До дрожи в коленках, до головокружения и обморока. Эти его глаза... Черные как ночь, они заставляли Сиэлли цепенеть. Это были глаза змеи. Глаза убийцы.

Будущий муж внушал ей откровенный ужас. И именно эти цепкие, заставляющие холодеть все внутри глаза были, пожалуй, самой главной причиной, по которой Сиэлла не хотела выходить замуж за Тинклера.

Со всем остальным можно было смириться, даже с тем, что ее, по сути, продают... но не с этим.

А в свете последних событий...

Шесть дней назад общество содрогнулось от известия, что неподалеку от ратуши, в самом сердце огромного города, было найдено тело Кирана Крейна, молодого и безрассудного виконта, который вот-вот должен был жениться на одной из самых богатых наследниц Омирши. В самом факте убийства не было ничего странного: добившись руки Зиры Мейнар, он перешел дорогу слишком многим, но способ убийства был ужасен.

Бедняге отрубили пальцы, а потом каким-то страшным клинком разворошили внутренности, вытащили из живота печень и уложили пальцы на ее место. А печень засунули в рот. Газеты буквально трубили об этом, и крики разносчиков раздавались на каждом шагу. Пожалуй, впервые за долгое время тираж разлетелся еще до обеда. В кармане сюртука жертвы убийца оставил «подарок». Игральную карту, туза треф. И газетчики тут же дали убийце прозвище Туз.

Сиэлла помнила, как страшно ей было читать ту статью. А еще она помнила, что после обеда в их дом пришел Нейтан Тинклер. И отец объявил о предстоящей помолвке.

Эти два события никак не были связаны между собой. Но совпадение пугало.

Три дня назад таким же образом убили еще одного. Какого-то простолюдина, торговца рыбой. Но снова – неподалеку от ратуши. И снова – в кармане туз. Червонный.

Омирша, город, за которым кончался Хортелл и начинались владения степняков – кровожадных кочевников, чьи набеги прекратились лишь полсотни лет назад, был привычен к странным обрядам беспокойных соседей. И к их жутким культам.

Но Туз точно не был кочевником. Степняки не играли в карты.

Только в кости.

Устав от совершенно бессмысленного соблюдения приличий, Сиэлла резко встала из-за стола, несколько раз моргнула, справляясь с головокружением, и твердо посмотрела на отца. Судя по его взгляду, он был очень недоволен тем, что она покинула завтрак раньше его.

– Я никогда не думала, что такое скажу. Я ненавижу тебя. Ты используешь меня, чтобы поправить свое положение. Ненавижу...

Глаза защипало от подступающих слез, и Силь поспешила выбежать из столовой, не слушая окриков отца и мачехи.

Надежды нет. Ее просто продают, как породистую сучку. Красивую собачку с хорошей родословной. И чувства собачки никому не интересны. Никому!

Важна лишь ее цена.

Ноги сами понесли ее на улицу, где она встретила покорившиеся первому дню осени и первым же заморозкам поникшие цветы.

Только бархатцы оранжевыми всполохами раскрашивали царящее вокруг уныние. Скоро и листья станут желтыми, сгорят в собственном пожаре и опадут, оставив остовы деревьев чернеть. Это произойдет быстро: степные ветра уже идут на Омиршу, и скоро в городе станет очень холодно.

Солнце еще не знало, что лето закончилось, поэтому, несмотря на то что ночная стылость еще не полностью ушла, Сиэлла не замерзла, хотя и была в одном платье. Впрочем, она в любом случае не стала бы возвращаться за накидкой.

Так и не позволив слезам вырваться, она судорожно вздохнула, провела ладонями по лицу и шагнула к воротам отделяющей владения графа Ремур от остального мира невысокой, чуть выше двух метров, каменной стены.

Ворота давно скрипели: Эдж никак не мог добраться до них, потому что отец не давал денег на смазку, и это почему-то разозлило Сиэлла еще больше.

На наряды для приемов деньги есть, а просто смазать механизм ворот – нет!

Она покинула владения отца, и на нее тут же нахлынули запахи давно уже проснувшегося города, его шум и гвалт. Создавалось впечатление, что ее дом и сад находились под куполом, скрывающим их от внешнего мира.

– Слушайте все! Туз снова вышел на охоту! Динар Крейн мертв! Скольких еще убьет маньяк, пока магполиция бездействует?! – сквозь грохот проезжающего мимо экипажа услышала Сиэлла.

На другой стороне улицы Мятного Хлеба стоял мальчишка-разносчик.

Еще одно убийство? Третье за пять дней?

Крейн... это же брат первой жертвы! Скромный парень, Сиэлла помнила его по салонным сборищам. Тоже прятался по углам.

Сиэлла почувствовала, как ее начинает бить озноб. И прохлада первого дня осени здесь была ни при чем.

Словно замороженная, она пересекла улицу, не обращая внимания ни на что, чем сильно рассердила возницу очередного экипажа, едва не попав под копыта несущихся лошадей. Пропустив мимо ушей грязную ругань, она подошла к мальчишке и сунула руку в карман. Нашупав ассигнацию, протянула ее разносчику.

– Дай одну, – отрывисто сказала она.

Разносчик глянул на достоинство ассигнации и скривился. Пять медянок, ровно столько, сколько стоит один экземпляр. И не скажешь теперь, что сдачи нет, «но ведь вы же так щедры, благородная госпожа!».

Как только газета оказалась в ее руках, Сиэлла впилась взглядом в центральный заголовок.

«Новое убийство благородного. У Крейна остался последний сын, неужели и его ждет страшная участь?»

Статья была большой, и яд в адрес магполиции буквально сочился из страниц. На самом деле Силь не считала это правильным. Она была уверена, что детективы делают все, что могут. Такое громкое дело... если бы маньяк убивал простолюдинов, возможно, такой шумихи бы и не было...

Но третьей жертвой опять стал благородный. Из статьи было понятно, что газетчикам удалось увидеть тело, но комментариев от магполиции они не дождались. Со вкусом и подробностями было расписано то, что и так было известно наперед. У жертвы отрубили пальцы правой руки, распотрошили и вытащили печень. В сюртуке был туз пик. И опять тело нашли неподалеку от ратуши.

Как будто в насмешку над мэром.

Сиэлла нахмурилась. Правая рука... она хорошо помнила, что первую жертву лишили пальцев левой руки. А что насчет торговца рыбой? Кажется, про него не было написано ничего...

Но одно было понятно точно. Теперь – это было ясно как день.

Туз не остановится. Кем бы он ни был.

– Силь! – На плечи опустилась тяжелая ткань, и Сиэлла, испуганно вздрогнув, обернулась.

Элдж виновато смотрел на нее, и в его глазах плескалось отчаяние.

– Ты зачем убежала? Холодно...

Он, оказывается, накинул на нее свой плащ, и только сейчас Сиэлла поняла, что первый день осени действительно выдался холодным. Потому что сейчас по ее телу разливалось блаженное тепло.

И она не знала, что именно ее сейчас согревает: теплая ткань или присутствие Элджа.

Сиэлла свернула газету и сунула ее под мышку.

– Они сильно рассердились, да? – спросила она.

Элдж криво усмехнулся.

– А как ты думаешь? Твой отец не любит непослушания. Тебе лучше вернуться.

Чувство полнейшей безнадежности охватило ее. Она знала, почему Элдж выглядит виноватым. Он любил ее, но не мог помешать отцу сломать ей жизнь.

Сиэлла судорожно выдохнула и скинула плащ. Выпрямилась, расправила плечи и вздернула подбородок.

Омирша будто бы затихла, затаила дыхание, наблюдая за ней. Гвалт и шум заволокло пеленой, и звуки достигали ее слуха словно сквозь затычки. Единственное, что она слышала ясно и четко, – дыхание Элджа. Ей казалось, что, если она прислушается, сможет разобрать биение его сердца.

Сердца, рядом с которым ее собственное начинало биться быстрее.

Но им нельзя.

Не судьба.

Еще раз выдохнув, Сиэлла похлопала Элжа по руке и двинулась к воротам. Сейчас она зайдет в дом, закроется в своей комнате и немного поспит. При этой мысли резь в желудке стала невыносимой...

Да она лучше умрет, но не выйдет замуж за циничного ублюдка и игрока! Но смерть от голода – это слишком долго.

И мучительно.

Отгоняя малодушное желание отправиться на кухню и съесть хотя бы краюшку черного хлеба, Сиэлла быстро прошла по каменной дорожке через сад, поднялась на крыльцо и... нос к носу столкнулась с отцом.

Прищуренные глаза и гневно раздувавшиеся ноздри не обещали ничего хорошего, и она решила, что лучшая защита – это нападение.

– Вот! – Она вытащила газету и помахала ею перед носом опешившего отца. – Третье убийство! Вы собираетесь выдать меня замуж в то время, когда по улицам Омирши бродит маньяк!

К сожалению, отец быстро пришел в себя. Он вырвал газету из ее рук и уставился на заголовок.

– При чем здесь Туз? – скривив губы, спросил он. Его тоже впечатлила статья, как бы он ни пытался это скрыть.

– При том, что я не собираюсь играть свадьбу в темное время! Я знала Динара Крейна...

– Ты была едва с ним знакома... – процедил отец. – Собираешься носить по нему траур?

– А может быть, и да! – беспомощно воскликнула Силь, понимая, что проиграла. С чего ей вообще пришло в голову приводить подобный аргумент? К сожалению, серийный убийца никак с ней не связан и она не может использовать его против нежеланной свадьбы.

Интересно, а если Тузом окажется Нейтан Тинклер? Сиэлла даже усмехнулась этой неожиданной мысли. Тогда уж отец точно не сможет ее ему продать. И как было бы приятно сказать: я же говорила, что он мне не подходит.

Увы, отец не дал ей власть насладиться этими мыслями, сказав:

– Отправляйся в комнату и приведи себя в порядок. Твой будущий жених прислал записку. Он хочет посетить нас, обсудить кое-что. И я хочу, чтобы сегодня ты встречала его рядом со мной.

– Нет! – вскричала Сиэлла. – Папа, пожалуйста!

– Хватит, Силь, – непреклонно ответил отец. – Ты избежала уже двух встреч, притворяясь больной или уставшей. Сегодня ты с ним встретишься. И мне все равно, как ты себя чувствуешь.

С этими словами отец развернулся и пошел в гостиную, оставив Сиэлле одну.

Только сейчас она обнаружила, что все это время они разговаривали через порог.

А обернувшись, увидела, что Эдж стоит у ворот и на его лице застыло отчаяние.

Она горестно вздохнула и зашла в дом.

Ей хотелось умереть.

Больше никого не встретив, она добралась до своей комнаты и закрыла дверь на ключ.

Что же делать? Встретаться с Нейтаном ей не просто не хотелось – даже мимолетная мысль о нем бросала в дрожь.

Сев на кровать, она вытянула руки и стала бездумно разглядывать свои ладони. Разум будто покрылся слоем степной пыли, мысли текли медленно, вязко, словно сосновая смола.

Наверное, это от голода. Скорее всего, это именно так. Энергии почти не осталось, она истратила все на пробежку за газетой. Может быть, стоит прикинуться сумасшедшей?

Кажется, у нее это получится очень хорошо! Просто отпустить себя... наговорить Тинклеру странных вещей... он сам сбежит!

Или, может быть, попробовать договориться?

О чем? О чем она может с ним договориться? Ей нечего ему предложить взамен! Нечего! Убедить его в ненужности этого брака? Как? Он ее совсем не знает, а она... боится его.

Силь подумала, что вряд ли сможет нормально поговорить с будущим мужем.

А что она будет делать потом, когда... если они поженятся?

А что будет делать он?

При мысли о том, что эти глаза будут смотреть на нее всю оставшуюся жизнь, Сиэлле стало совсем плохо.

Так ничего и не придумав, она закрыла лицо руками, уткнулась лбом в колени и затихла. Хотелось расплакаться, но не получалось. Ничего не получалось. Даже думать.

Поэтому когда кто-то тихо подошел к ее комнате, она услышала. Кто-то не решался постучать, и как бы Сиэлла ни хотела, но это был не Элдж.

Она узнала это дыхание.

Оторвав руки от лица, она поднялась и подошла к двери.

– Что тебе нужно, Элис? – спросила она.

Мачеха переступила с ноги на ногу, Силь слышала это так ясно, будто между ними не было закрытой двери.

– Я... я попросила твоего отца не заставлять тебя встречаться с Нейтаном... сегодня. – А вот голос Элис звучал глухо.

На Сиэлле накатило странное безразличие.

– А завтра? – спросила она. – Или на собственную помолвку я тоже могу не приходить?

– Силь... открой, пожалуйста.

Пожав плечами, Сиэлла подчинилась. Элис стояла на пороге, а в ее глазах можно было прочесть искреннее сочувствие.

– Так что же? Я могу и завтра не приходить? – спросила Сиэлла жестко.

– Силь... мне очень жаль. Правда жаль! Я не представляю, каково тебе. Я люблю твоего отца, я... мне действительно очень жаль. Я бы хотела тебя поддержать...

– ...но ты не хочешь прожить всю оставшуюся жизнь в нищете, когда есть такой прекрасный шанс, да? – усмехнулась Сиэлла.

Как бы она ни хотела услышать в интонациях мачехи фальшь – ее не было. Но это ничего не меняло. Элис искренне сочувствовала ей, но при этом не собиралась уговаривать мужа отменить помолвку.

Она, Сиэлла, должна стать овцой на алтаре Старухи – одного из самых жестоких божеств степняков, чтобы остальные обрели

желаемое.

В который раз за сегодняшний день она почувствовала себя вещью.

– Убирайся, Элис. И Эви передай, чтобы не приходила. Мне не нужна поддержка, – спокойно сказала Силь.

– Но... – В глазах мачехи появились слезы. – Послушай... я... я тебя поддержу... если он будет тебя обижать, мы... твой отец...

– Моему отцу все равно, – безжизненно ответила Сиэлла. – Он сам так сказал. Да и тебе все равно. Ты сочувствуешь мне, да, но, если бы был шанс остановить все это и Нейтан Тинклер отказался от свадьбы, оставив все как есть, что бы ты выбрала? Меня или деньги?

Элис закусила губу.

– Силь...

– Я так и думала, – спокойно сказала Сиэлла. – Я тебя не осуждаю, Элис. На твоём месте я думала бы так же.

И она закрыла перед мачехой дверь.

Не слушая ее сбивчивые попытки оправдаться, она подошла к большому зеркалу в резной раме. Позолота облупилась, да и амальгама была неровной.

Что ж, если Нейтан Тинклер хочет встречи, она исполнит его желание.

Все равно она не нужна никому, кроме влюбленного в нее слуги.

Может, стоит наложить на себя слой краски? Подвести глаза черным карандашом, стащить у мачехи карминную помаду и яркие румяна? Возможно, Нейтану Тинклеру не понравится, что его будущая жена выглядит вульгарно, и он откажется от мысли жениться на ней? И платье... обязательно нужно платье с открытыми плечами и глубоким декольте. Волосы... волосы она распустил, начешет, и тогда уж точно будет выглядеть как шлюха!

С другой стороны – у ее будущего мужа репутация не самого благопристойного мужчины высшего общества. Пожалуй, более циничного ублюдка, пренебрегающего общественными приличиями, нужно еще поискать... А вдруг ему, наоборот, придется по вкусу?

Что же делать?

Сиэлла провела рукой по своим темно-каштановым волосам и намотала косу на руку. А если она отстрижет ее, как делают степняки в знак скорби? Это уж точно никому не понравится!

Даже ей самой...

Но отец, очевидно, предполагал что-то подобное, потому что не успела Сиэлла хоть что-нибудь решить, в комнату опять постучали.

– Кто там? – недовольно спросила девушка.

– Это я, Мирра! Госпожа, впустите меня, пожалуйста! – послышался умоляющий голос горничной.

Что ж, этого следовало ожидать. Отец прислал к ней служанку, предполагая, что она может что-нибудь выкинуть. Как ни странно, Сиэлла почувствовала нечто похожее на облегчение.

Мирра помогла ей переодеться в красивое платье из зеленого бархата, переплела косу и заколола ее сзади, открывая шею. От драгоценностей Силь отказалась, и горничная не стала настаивать. Да и много ли у Сиэллы драгоценностей? Серебряная подвеска с большой черной жемчужиной да жемчужная же нить.

Жемчуг совершенно не подходил к зеленому бархату.

Пока Мирра возилась с прической, Сиэлла вновь почувствовала, что у нее начинает болеть живот. Голод опять проснулся.

Ничего. Наверное, после помолвки не будет смысла продолжать этот ненужный и бесполезный протест. Сиэлла поймала себя на мысли, что хочет, чтобы все произошло как можно быстрее.

Вот отец удивится, если она предложит не тянуть и объявить о свадьбе уже сегодня!

Усмехнувшись своим мыслям, Сиэлла отпустила горничную, пригладила подол и прислонилась к стене. Ей казалось, что если она сядет, то боль станет сильнее.

Надо заканчивать. Если уж умирать, то не от голода.

В гостиной тикали часы, и Силь слышала их так ясно, будто они были возле ее уха.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Надо настроиться. Смириться. Может быть, не все так плохо?

Тик-так. Тик-так.

В конце концов, ее отдадут замуж не за уродливого старика.

Тик-так.

Может, если она будет правильно себя вести, Нейтан Тинклер разрешит ей петь? Хотя бы для себя. Интересно, а у него в доме есть рояль?

Тик...

Хотя бы очень маленький...

Так...

Или хотя бы клавикорд?

В гостиной послышались голоса, хлопнула дверь, и Сиэлла поняла, что все ее смиренные мысли улетучились. Снова поднялась волна обиды, неприятия и ненависти.

И когда, черт возьми, она успела съесть нож?

Внезапная резь в животе была настолько сильной, что Сиэлла не смогла сдержать стон.

Больно... как же больно...

В глазах рябило, в голове будто взрывались фейерверки, а очередной нож в животе, кажется, порезал печень.

Сползая по стене вниз, Сиэлла подумала, что точно знает, как больно было жертвам Туза...

Сколько она так просидела? Время остановилось или текло как обычно? А что, если прошла целая вечность? И эта вечность была для Сиэллы болью. Сначала резкой, а потом – тягучей, словно кто-то разбередил незажившую рану.

Вспышки сменились темной пеленой, и в один прекрасный момент Силь обнаружила, что лежит на полу.

Как она может встречаться с Нейтаном Тинклером в таком состоянии? Но Силь понимала – отец вынесет ее на руках, если понадобится. Упрямство сыграло с ней злую шутку.

Кое-как поднявшись, Сиэлла отряхнула платье и снова прислонилась к стене. Боль в животе немного стихла, затаилась, чтобы ударить в самый неожиданный момент. Она сама виновата. Сейчас, когда ей нужны все силы, их просто неоткуда взять!

Идиотка, вот кто она.

Не помня себя и не понимая, зачем она это делает, Силь подошла к платяному шкафу, выдвинула один из ящиков и вытащила перчатки. Длинные, они закрывали всю ее кожу до самых рукавов платья.

Выполненные из белоснежного бархата, они не подходили под ее наряд совершенно, но Сиэлла почему-то решила, что с ними ей будет лучше.

Так он к ней не прикоснется.

Хотя бы сегодня.

Стоило ей натянуть перчатки, как в дверь постучали.

– Сиэлла! Ты здесь? – Голос отца. Он был очень зол, Силь слышала это даже через дверь.

Почему он злится? Он же не хотел, чтобы она встречала Нейтана Тинклера вместе с ним? Или хотел? Силь не могла вспомнить. Она смотрела на свои белоснежные перчатки и понимала, что в ее голове не осталось ни одной связной мысли.

Она медленно, будто идя на заклятие, подошла к двери и открыла ее.

Отец действительно был зол.

– Почему ты не спустилась? – сердито спросил он. – Я же...

– Папа... мне очень плохо... – В желудок снова воткнулся нож, и Силь, не притворяясь, застонала и схватилась за живот. – Пожалуйста...

– Не обсуждается, – отрезал отец. – Я предупреждал. И хватит делать вид, что тебе плохо! Я и не думал, что ты такая лгунья!

Но ей действительно плохо!

Зря она в прошлый раз притворялась... Теперь отец ей просто не поверит.

– Помогите мне... – Она протянула ему руку. – Просто отведи. Я... – Боль в животе становилась все сильнее. – Я волнуюсь.

Отец предложил ей локоть и повел вниз, в гостиную.

Он все-таки ей не поверил: несмотря на застилающую глаза боль, Сиэлла видела, как он сердит. Может быть, он сердит не на нее? Может, что-то случилось и ее жених его больше не устраивает?

Вряд ли. Иначе бы ее не вели на эту встречу.

Перед дверью гостиной отец остановился.

– Я хочу, чтобы ты меня не опозорила, дочь. Я оставлю вас на несколько минут. Совсем ненадолго. Пожалуйста, будь с ним любезна. Он все-таки приближен к верхушке нашего города!

Силь судорожно кивнула. Она не знала, как ей трактовать слова отца. С одной стороны, он просто просил, а не приказывал... с другой – неужели он не видит, что Нейтан Тинклер всего лишь игрок, лишенный наследства? Неужели он забыл, что мэр предпочитает не вспоминать, что у него есть младший брат?

Нет, Нейтан не приближен к верхушке. Он, скорее, достиг самого дна. И хочет утащить ее вслед.

– Я постараюсь, – почти беззвучно прошептала Силь, приказала себе не замечать боли и толкнула дверь.

Чем быстрее они начнут, тем быстрее все это закончится.

Нейтан Тинклер стоял спиной к широкому витражному окну, и свет лился на него... сквозь него, заставив Сиэllu прищуриться. Разглядеть можно было только его силуэт, и она решила, что так даже лучше. Есть повод отвести взгляд, опустить глаза в пол и не смотреть. Не видеть тьмы, которая опускается на нее, когда она видит его черные глаза.

Она нехотя закрыла дверь, слыша, как удаляются отцовские шаги, и повернулась к будущему мужу. Нет. Будущему жениху, завтра они только объявят о помолвке.

У нее еще есть время побыть... свободной?

Она повернулась к Нейтану и слегка склонила голову.

– Добрый день, господин Тинклер. Искренне рада... вас видеть. – В желудок опять вонзился нож, и она закусила губу, чтобы не застонать.

Нет, перед ним она не будет слабой. Не будет. Она справится.

– Вы бледны, – раздался его голос. Резкий, скрежещущий, словно сталь по стеклу.

Сиэлла почувствовала, как ее берет злость. Он даже не поздоровался с ней! Воистину, этот человек не ведает о приличиях! Неудивительно, что в высшем обществе его принимают только из-за того, что он – брат мэра.

– Это... пудра.

О чем ей с ним говорить? О чем можно вести разговор с силуэтом? Неужели он не понимает, что ей неудобно на него смотреть?

Будто услышав ее мысли, Тинклер отошел от окна и приблизился к ней. Теперь она могла его видеть, и это тоже было плохо. Теперь тьма его глаз разливалась по комнате, заставляя Сиэllu дрожать.

Она поспешно опустила взгляд в пол. Тинклер встал в шаге от нее, и теперь она чувствовала его запах. Терпкий одеколон, кофе и... кровь. Да, она чувствовала запах ржавчины, отчего к ее горлу подкатил комок тошноты. Мысль о том, что Нейтан Тинклер может оказаться тем самым Тузом, перестала ей нравиться. Ей же предстоит стать его женой!

Женой.

От этой мысли ее затрясло еще сильнее.

– Тебе холодно? Ты дрожишь... – Он взял ее руку и поднес к губам, заставив порадоваться, что на ней перчатки. Она не представляла, что бы с ней сейчас было, если бы он коснулся ее кожи.

Комок поднимался все выше, и Сиэлла сглотнула горечь.

– Все... все хорошо, господин Тинклер.

Она не может. Не может она быть с ним любезной!

Он отпустил ее руку и будто бы немного отодвинулся. Запах одеколona, кофе и ржавчины заполнил ее ноздри и не давал покоя.

– Тебе нужно привыкнуть к моему имени. Меня зовут Нейтан. Завтра ты станешь моей невестой, не забыла?

Как она может об этом забыть? Не поднимая глаз, она раскрыла ладонь и повернула тыльной стороной, смотря на то место, где только что были его губы. Белоснежная перчатка показалась ей измазанной, грязной. Или это обман зрения?

Боль снова стала всем, чем была Сиэлла, и она услышала, как в ушах стрекочут тысячи сверчков.

Нет! Нет, она не упадет в обморок! Он же тогда... он же сможет прикоснуться к ее коже! И она не будет этого помнить. Она не узнает, что он делал!

Нет. Нет.

Чтобы хоть как-то справиться с дурнотой, она подняла голову и столкнулась с ним взглядом. Теперь она могла видеть его очень хорошо. И не видеть одновременно – все ее существо заполнила тьма, вытекающая из его глаз.

Тьма, обрамленная ресницами, морщинками и кругами от очевидного недосыпа, она текла словно смола, цеплялась за трехдневную щетину и падала вниз. Расцветала на белоснежном вороте рубашки, сливалась с угольно-черным сюртуком... и, только опустив взгляд на руки Нейтана, Сиэлла почувствовала себя чуть свободней.

Боль, о которой она почти забыла, когда попала в ловушку тьмы, ударила ее со всей силы, и, не в силах сдержаться, Силь схватилась за живот. Она скорее почувствовала, чем увидела, что ее будущий жених нахмурился.

– Тебе плохо. – Он не спрашивал, а утверждал.

– Н-немного, – ответила Силь, отгоняя вездесущих сверчков, которые с каждой секундой становились все настойчивее. – Простите меня...

Она же обещала, что будет любезной, так?

Сиэлла вновь уставилась на его руки... на выглядывающие из-под рукавов сюртука накрахмаленные манжеты рубашки. И поняла, почему ей мерещится запах ржавчины.

Он ей не мерещился. Один из рукавов был измазан кровью. Совсем чуть-чуть, самый край, но это стало последней каплей.

Она резко отшатнулась от Тинклера, оступилась, подвернула ногу и едва не упала.

– Что с тобой?! – Его противный хриплый голос заставил сверчков зазвучать еще явственнее.

Нейтан подался вперед, наверное, хотел поддержать, но при мысли, что к ней притронутся пальцы, которые недавно были в крови, Силь запаниковала, дернулась и все-таки упала.

– Не прикасайся ко мне, не прикасайся ко мне, не прикасайся!!! – завизжала она.

Живот опять взорвался болью, она перевернулась, встала на четвереньки и уставилась на его ботинки. Как ни странно, они идеально блестели, даже пыли на них почти не было.

– Не прикасайся... я сама встану, – сквозь застилающее разум надвигающееся беспмятство сказала она. – Не подходи... не подходи ко мне.

«И не говори... молчи... прошу тебя, молчи...»

Она так боялась, что он склонится над ней и вновь прикоснется, даже через ткань, что кое-как доползла до стены и села, прислонившись к ней спиной.

– Прости... те... я действительно... плохо себя чувствую.

Тинклер молчал. Она подняла на него взгляд и увидела, что он смотрит не на нее, а на дверь, откуда она пришла. Потом он подошел к небольшому низенькому столику и взял серебряный колокольчик.

Позвонив в него, он отошел к окну, снова став всего лишь силуэтом.

Сиэлле стало даже немного стыдно. По сути, сейчас он не сделал ничего плохого. Он хотел ей помочь, а она устроила истерику.

Отец будет недоволен.

На зов явилась не Мирра, и даже не отец.

– Силь? – Элис казалась обеспокоенной. – Что произошло?

– Почему вы не сказали, что ваша падчерица больна? – Голос Нейтана звучал недовольно. – Посмотрите на нее, она же бледна как моль. Падает на ровном месте, не видит перед собой ничего. По-вашему, я бы настаивал, если бы знал, в каком она состоянии?

– Это... это волнение... – Элис растерялась. – Сейчас...

Мачеха подошла к Сиэлле и помогла ей встать.

– Пожалуйста... не оставляй меня с ним одну. – Сиэлла изо всех сил сжала руку Элис. – Умоляю...

Она говорила тихо, надеясь, что Тинклер не услышит.

– Я... господин Тинклер, я прошу прощения. Дело в том, что Сиэлла немного перенервничала и от этого сегодня не прикоснулась к еде. Завтра она будет в порядке.

– Вызовите ей врача, – приказал Нейтан. – И пусть поспит. Она на грани обморока, если вы не заметили. Передайте вашему мужу, что я жду его завтра утром. Надо кое-что обсудить.

Обсудить? Может... может, он отменит помолвку? Или хотя бы отложит...

– Я передам, – кивнула Элис, поддерживая Силь.

– До встречи. Надеюсь, к завтрашнему вечеру ваша падчерица придет в норму. – Нейтан вышел из гостиной, и Сиэлла, поняв, что больше не нужно держаться, отдалась во власть беспамятства.

Что было дальше в этот день, Силь толком не помнила. Она просыпалась в своей кровати, Мирра или Элис кормили ее из ложечки теплым бульоном, потом разводили в стакане с водой какой-то кислый порошок, давали ей выпить, и она снова проваливалась в небытие.

И там, в глубинах сознания, ее ждал Туз. Иногда он принимал облик отца, иногда – Нейтана Тинклера, а один раз пришел к ней в облике Элджа. В ее сне Туз пах хорошим табаком, душистым вином и кровью. За спиной Туза, кем бы Сиэлла его ни видела, колыхался бесконечный плащ из тьмы. Тьма смотрела на нее сотнями и тысячами глаз, подмигивала, манила к себе.

Силь не хотела смотреть на тьму, она отворачивалась и бежала прочь. Так быстро, как только могла. Но тьма была проворней. Она настигала ее, опутывала тонкими щупальцами, которые обжигали кожу, ласкала ее, оставляя жуткие ожоги.

Каждый раз сон заканчивался одинаково. Тьма хватала ее за лодыжки, высоко поднимала, а потом швыряла на камни, покрытые тонким слоем песка. И это было больно.

Очень больно.

Когда Сиэлла наконец пришла в себя, за окном было светло. Неужели прошло так мало времени? Ведь во сне время может растянуться до бесконечности, тогда как в реальности пройдет несколько секунд.

– Доброе утро, соня! – послышался голос от двери.

Повернув голову, Силь увидела Элджа.

– Уж-же утро? Я...

– Ты почти сутки проспала. Тсс... – Он приложил палец к губам. – Не говори ничего. Сначала послушай.

Он стремительно приблизился к ней, помог сесть на кровати, взбив подушки, чтобы ей было удобнее, а потом встал на колени у изголовья. Он был так близко. Сиэлле казалось, что она сможет посчитать каждую ресничку.

В нос ударил запах табака и вина.

– Элдж... что происходит? – Запах ее испугал. Это был запах из сна, только привкуса крови не хватало.

Так может пахнуть только Туз, но никак не Элдж!

Элдж нежно улыбнулся. Поднял руку и ласково, почти невесомо, провел по ее щеке, а потом выпалил:

– Давай убежим?

От этих слов у Сиэллы перехватило дыхание.

– Элдж... – не зная, как выразить охватившее ее чувство, пролепетала она. – Я... я согласна!

Она только сейчас поняла, что ждала этих слов с того самого момента, как узнала, что отец собирается продать ее Нейтану Тинклеру.

– Вот и хорошо. – Улыбка Элджа была такой светлой, что Сиэлла почувствовала себя согретой лучами весеннего солнца. И пусть в Омирше сейчас осень, приправленная запахом прели и полынной горечи, сейчас, когда у нее появилась надежда быть с Элджем, в ее душе расцветала весна.

Подавшись вперед, он чуть коснулся ее губ своими, а потом снова погладил по щеке.

– Я все устрою, – торопливо прошептал он, шевеля дыханием ее волосы. – Единственное, что требуется от тебя, – ждать. И вести себя хорошо. Будет обидно, если тебя запрут на ключ.

– Собираешься меня похитить? – хихикнула Сиэлла. После мимолетного поцелуя Элджа ей стало так хорошо, как не было никогда.

Это так сладко – знать, что тебя любит тот, кому ты отдала свое сердце.

– Нет. Не похитить. А взять тебя себе, – серьезно ответил Элдж. – Как только ты избавишься от гнета своей семьи, мы поженимся.

– Ох, Элдж! – Сиэлла счастливо рассмеялась и вновь потянулась к его губам.

Они были мягкими, горячими и очень нежными. Почему они раньше не целовались? Они ведь давно знают о чувствах друг друга. Что им мешало быть счастливыми? Разница в положении? Дурацкое общество, которое ее осудит, если... когда она выйдет замуж за простолюдина?

К черту общество.

К черту запреты.

К черту Нейтана Тинклера со всеми его деньгами!

Сиэлла счастлива.

* * *

Строго наказав ей никаким образом не выдавать себя, Элдж ушел. Он обещал, что все устроит за пару дней, надо только немного потерпеть. И Сиэлла верила. Она верила ему, как самой себе. Потому что это Элдж. Ее Элдж, который любит ее не за деньги. Не за титул. Он просто ее любит.

А она любит его.

Элдж ушел, но след прикосновений его губ остался. И Сиэлла поклялась себе, что сегодня на помолвке она не позволит Нейтану Тинклеру стереть этот след.

Предстоящий прием ее больше никак не трогал. Когда утро перешло в день, в ее комнату пришла Элис. Мачеха обеспокоенно осмотрела ее и спросила, сможет ли Силь выдержать этот вечер.

Сиэлла знала, что может. Сейчас, когда на ее губах горели поцелуи Элджа, она могла все.

Ей было так хорошо, что она едва сдерживалась, чтобы не закричать о том, как же она счастлива!

Приходилось делать вид, что самочувствие не позволит ей присутствовать на вечере от начала до конца.

Отец так и не пришел.

Не то чтобы Сиэлла его ждала, но выглядело это безобразно. В конце концов, вчера ей действительно было очень плохо, но отцу было плевать.

Убедив мачеху, что на непосредственном объявлении помолвки она присутствовать сможет (Элдж же сказал вести себя хорошо!), она обронила, что, наверное, не выдержит весь вечер. Мачеха обещала, что поговорит с отцом.

Сиэлла была довольна. Если она уйдет рано – у нее будет больше шансов избежать ненужных объятий нежеланного жениха, который еще не знает, что ему никогда не стать ее мужем.

Когда Элис ушла, Силь поднялась с кровати, вызвала Мирру и попросила принести ей свежую газету. Сегодня ночью Туз не объявлялся, и это тоже было хорошо. Сиэлла сама не знала, почему ее интересует это дело. Да, убили ее знакомого... но ведь она заинтересовалась этим убийцей после первого совершенного им преступления!

В любом случае сегодня ночью маньяк спокойно спал в своем логове. Или не спал. Но все равно никого не убил.

Принесли завтрак, а точнее – обед, потому что завтрак Сиэлла проспала.

Это было не важно. Нужно вести себя хорошо, и поэтому она безропотно проглотила овощное пюре и маленький кусочек белого мяса, приготовленного на пару специально для нее.

Потом Мирра унесла посуду и вернулась для того, чтобы помочь ей собраться. Служанку очень удивило откровенно приподнятое настроение Сиэллы, и та поняла, что она может рассказать о ее поведении отцу. Случайно, без умысла.

Поэтому она изо всех сил попыталась придать себе скорбный вид.

Не получалось. След от жарких поцелуев Элджа все еще горел на ее губах.

– Вы очень хорошо выглядите, госпожа Сиэлла, – закончив с прической, сказала Мирра. Силь так и не поняла, догадалась ли служанка, что ее грусть – напускная, или нет.

– Спасибо... – В зеркале действительно отражалась довольно-таки симпатичная девица. Она уже была не такая бледная, как вчера. И, наверное, не такая растрепанная. Белые перчатки сегодня прекрасно подходили к бежевому платью, а кружевной ворот Сиэлла подняла.

Ей хотелось, чтобы этот мир видел ее саму как можно меньше.

Если бы она могла – спрятала бы лицо под вуалью.

Жаль, что ей не по кому носить траур.

Жаль. Потому что сияющие глаза ее выдавали. Ей казалось, что все вокруг видят... все вокруг знают, что еще совсем недавно она целовалась с Элджем!

Но ничего. Даже без вуали она готова. Готова встретиться с Нейтаном Тинклером и его тьмой.

Встретиться и стать его невестой.

Гостей было совсем немного: к сожалению, их семья не могла позволить себе устроить пышный вечер и пригласить полгорода. Ведь Нейтан Тинклер еще не купил ее. Он еще не дал ее отцу денег. Хотя, возможно, помог с организацией помолвки.

Спустившись в полупустую музыкальную гостиную, Сиэлла оглядела гостей и с горечью осознала, что на ее помолвку «забыли» позвать ее подруг. Все гости были отцовскими друзьями с женами, еще Силь заметила несколько незнакомцев. Возможно, знакомые Нейтана.

Ну что ж, ей все равно. Эта помолвка ничего не значит. Она не выйдет замуж за Тинклера. Ведь на ее губах горят поцелуи Элджа, а в груди горит огонь надежды.

Этот огонь согревает, наполняет ее радостью предвкушения.

Этот огонь поможет ей не поддаться страху.

Увидев будущего жениха, Сиэлла с удивлением поняла, что вчерашняя сцена дала свои плоды. Он лишь кивнул ей в знак приветствия, не делая попыток приблизиться. Возможно, не позволять ему прикоснуться к себе будет не так уж и сложно?

Огонь в груди был так ярк, что тьма, которая вчера буквально затопила ее, сегодня спряталась в глазах Нейтана, не пытаясь выбраться. Сегодня его взгляд ее не пугал, не вызывал приступов паники или боли.

И это тоже было хорошо. Потому что она должна вести себя тихо. Не высовываться и не давать отцу повода ее запереть.

Пусть они думают, что она смирилась. Пусть...

Пусть они мечтают о деньгах Тинклера, которых не увидят. Сиэлла и не подозревала, что ее обида на отца так велика. Понимая, что она обрекает его на дальнейшую нищету, она не испытывала никаких мук совести. Может быть, потому, что ни вчера, ни сегодня он даже не пришел спросить, как она себя чувствует? И сестра тоже не приходила... По сути, за ней ухаживали служанка и мачеха. Элис... за Элис было немного обидно. Но ведь она вышла замуж за отца не из-за денег!

Подойдя к столам, Силь обнаружила, что на них только закуски. Значит, на горячее денег не хватило. Зато было несколько бутылок игристого вина, не самого дорогого.

Интересно, каково сейчас Нейтану? Он ведь наверняка привык к самому лучшему! Будто услышав ее мысли, будущий жених прервал разговор с одним из мужчин, с которыми она была незнакома, повернулся к ней и встретился с ней взглядом.

Совершенно ничего не выражающий, сегодня он не заставил ее оцепенеть или испугаться. Надо соблюсти приличия и подойти к нему.

С другой стороны – она еще не поздоровалась с собственным отцом! Где он, кстати?

Подарив Тинклеру неуверенную улыбку, Сиэлла вновь начала оглядывать собравшихся людей. Но глаза натыкались на потертый ковер, ветхие скатерти, стулья, обивку которых уже давно пора было менять. А еще она заметила, что исчез рояль.

Как? Почему? Забыв, что она все равно собирается покинуть этот дом и сбежать навсегда, Сиэлла ощутила горький укол обиды.

О нет, она не думала, что огромный инструмент, подаренный ей отцом на четырнадцатилетие в те времена, когда у них еще были не такие большие проблемы, перевезен в дом Тинклера. Ее будущий жених, даже если столь любезен, что не против ее увлечения петь, купил бы инструмент сам.

Его репутация говорила сама за себя: Нейтан Тинклер был не только игроком и циником, он любил тратить деньги. Она не сильно интересовалась его жизнью, но тем не менее ей было известно, что он спускает целые состояния на подарки своим любовницам.

Если так – он знает подход к женщинам, так?

Пожалуй, если бы он подарил ей рояль, ей было бы приятно получить этот подарок. Даже от него.

Отец избавился от инструмента. Как будто вместе с Силь должно уйти все, что напоминает о ней.

А потом она поняла...

Слишком гордый, чтобы просить у будущего зятя денег в долг, отец продал рояль, чтобы устроить сегодняшний вечер! Как она сразу не догадалась!

Стало обидно. Силь понимала, что, скорее всего, Нейтан предлагал оплатить сегодняшнее угощение. Как бы она ни хотела думать иначе, этот человек был готов вытащить ее семью из нищеты, а помолвка – это ведь тоже атрибут будущей свадьбы.

Вместо этого отец продал рояль. Ее рояль!

Пожалуй, когда она это осознала, последние крохи вины перед семьей разлетелись в пыль.

Если они так хотят от нее избавиться, она уйдет. И они не получат взамен ни медянки!

Обида на отца была столь сильной, что она решила с ним сегодня не разговаривать.

Вообще не разговаривать с ним.

Никогда.

– Хорошо выглядишь, сестренка! – Сзади подошла Эви, и Сиэлла с горечью должна была признать, что наряд сестры на порядок богаче. Почему она не заметила, как стала нелюбимой дочерью?

Почему из всей ее семьи вчера за ней ухаживала именно мачеха?

– Ты тоже, – тихо ответила Силь.

Эви ослепительно улыбнулась.

– Хорошо отец все устроил, правда?

Обида разгорелась ярче.

– Где мой рояль, Эви?

Веселость слетела с сестры мгновенно. Она поджала губы.

– У него не хватало денег. Пришлось выкручиваться.

– Ты помогала ему, да? Избавляться от единственной дорогой вещи в доме, которая принадлежала мне?

– Силь... не будь такой эгоисткой!

Но Сиэлли уже было не остановить. Обида захлестнула ее штормовым шквалом, и кроме нее не осталось ничего.

– Почему бы тебе было не продать парочку своих платьев? У меня таких никогда не было. Но нет, это тебе в голову не пришло. И отцу – тоже. Сегодня я должна принимать подарки. А получается, что я оплатила свою помолвку сама. Не говоря уже о том, что будущий муж не внушает мне ничего, кроме отвращения. И после этого ты называешь меня эгоисткой?

Больше разговаривать с сестрой не хотелось, и Сиэлла отвернулась от нее.

Надо умерить обиду. Вернуть себе огонь надежды! Согреться в лучах нежности к Элджу.

Но, глядя на пустое место там, где совсем недавно стоял инструмент, это получалось плохо.

И Сиэлла поступила так, как обычно поступала на таких мероприятиях. Взяла бокал игристого вина, нашла самый темный уголок и сделала вид, что она – немая.

Впрочем, долго стоять не пришлось. В музыкальной комнате появился отец и объявил, что в их семье радостная новость: его старшая дочь согласилась выйти замуж. Все сделали вид, что не знали, зачем здесь собрались, Нейтан подошел к ней, поклонился и взял руку в свою. Хорошо, что она была в перчатках, и это прикосновение не принесло ей сильного неудобства.

Сегодня она даже смогла его разглядеть. Впервые, когда он был так близко, ей не хотелось спрятаться.

Было спокойно. Все равно.

Он не станет ее мужем, это Сиэлла знала точно.

Интересно, а он когда-нибудь одевается менее... мрачно? По сути, она никогда не видела его в чем-то кроме черного костюма-тройки, оттеняющего огромные круги под глазами. Разгульный образ жизни давал о себе знать, и сегодня Сиэлла впервые смогла разглядеть в его глазах не только тьму, но и усталость. А еще – циничное равнодушие. Тонкие губы кривились в насмешливой полуулыбке, и Сиэлла заметила, что сегодня он чисто выбрит.

От него пахло кофе, виски и немного – дорогим табаком. Будто он не курил сам, а просто долгое время находился в прокуренном помещении.

И Сиэлла догадывалась, где он был. В игорных домах всегда накурено.

Ей было все равно.

Кажется, ее вчерашняя истерика дала плоды. Ее уже настоящий жених не пытался с ней заговорить. Или прикоснуться к щеке.

Через несколько минут, когда немногочисленные поздравления от друзей отца и его знакомых были приняты, он склонился к ее уху и прошептал:

– Иди спать, Сиэлла. Ты выглядишь лучше, чем вчера, но голодовка не пошла тебе на пользу. Свадьба через десять дней, и я хочу, чтобы свадебное платье на тебе сидело хорошо. А не висело.

Сиэлла едва сдержалась, чтобы не передернуть плечами.

Откуда он знает, что она объявляла голодовку? Элис же вчера говорила, что она просто пропустила завтрак?

И о каком платье он говорит?

Впрочем, все равно. Все равно! Скоро ее здесь не будет. Элдж спасет ее от этого человека. От них всех.

– Спасибо за заботу... господин Тинклер. – Сиэлла попыталась улыбнуться. – Я, пожалуй, последую вашему совету. Еще раз благодарю. Я не очень люблю подобные собрания.

Ее жених ухмыльнулся:

– Я знаю.

Гадая, откуда ему все про нее известно, она позволила ему поцеловать кончики ее пальцев, кивнула ему в знак прощания и степенно и неторопливо вышла из музыкальной комнаты.

Оказавшись у себя, она плюхнулась на кровать и счастливо рассмеялась.

Десять дней. За десять дней она успеет покинуть не только этот дом, но и этот город!

Глава 2

На следующий день она проснулась рано. Долго лежала в постели, размышляя о том, чем бы заняться сегодня. Нужно просто потерпеть... нужно как-то отвлекать себя, чтобы не маяться от скуки. Хотя бы таким образом приблизить миг, когда она исчезнет отсюда.

Надев халат, она тихонько шмыгнула в ванную комнату. В новую жизнь стоит уходить чистой, с открытой душой и вкусно пахнущим телом. Водопровод давно требовал ремонта, но она все-таки смогла дождаться, когда из крана польется горячая вода.

Не жалея и не экономя, она высыпала в ванну несколько видов душистой соли, которыми обычно пользовалась Элис. Приготовила ароматное мыло для волос и с удовольствием опустила в это буйство великолепных запахов, растворенных в теплой воде.

После нескольких дней, окрашенных отчаянием, чувством голода и непонятной одержимостью Тузом, это утро казалось ей идеальным. Немного горько было осознавать, что, скорее всего, в следующий раз она сможет принять ванну с солью очень не скоро. Но ее это не пугало.

В конце концов, за счастье нужно платить. Иногда – дорого.

Вдоволь накупавшись, она выбралась из ванны и вытащила пробку. Пока с утробным бульканьем вода сливалась, Сиэлла насухо вытерлась и подошла к большому зеркалу на стене. Оно запотело, и Силь провела по нему ладонью, чтобы посмотреть на себя.

Рука дрогнула, и посреди ее лица в отражении осталась белая полоса запотевшей поверхности. В этот же момент слив в ванне сыто рыгнул, поглотив остатки воды.

Сиэлла вздрогнула от неожиданности и едва не поскользнулась на изумрудно-зеленой плитке-мозаике, покрывающей пол.

Ну уж нет! Ничто не испортит сегодняшней день!

И уж тем более плохо работающий слив!

Натянув халат, Сиэлла покрыла голову полотенцем и тихо, стараясь поменьше напоминать о себе, пошла к себе в комнату.

Но там ее уже ждали.

– Доброе утро, Сиэлла, – сухо сказал отец. Он сидел на стуле возле ее гардероба. В руках у него была большая коробка, в таких

обычно забирали платье из ателье.

– Доброе утро. – Силь закрыла дверь и скинула полотенце с волос. Пусть пахнет ароматным мылом, а не отсыревшей тканью!

Отец прищурился. Он будто не знал, с чего начать разговор. Но Сиэлла не собиралась ему помогать. Обида за проданный рояль была еще жива, и вряд ли у отца получится погасить эту обиду каким-то там платьем. Да и нужно ли? Судя по всему, эта тряпка куплена на вырученные за инструмент деньги!

Сиэлла решила, что никогда не наденет его, будь там даже королевское одеяние.

Так и не дождавшись, пока отец начнет разговор, Сиэлла подошла к туалетному столику. Странно. На этом зеркале тоже было пятно. Там же, где и в ванной – пересекая лицо от левого уха до уголка губ.

Как будто тонкий, давно заживший шрам.

Что это еще за пятно?

Хмыкнув, Сиэлла обнаружила следы угольного карандаша, которым вчера подводила глаза. Не подумав, она стерла карандаш с зеркала чистой рукой, и теперь ладонь была испачкана. Немного из-за этого рассердившись, Силь повернулась к отцу.

– Ты хотел о чем-то поговорить? – хмуро спросила она.

Он поморщился. Ему определенно было неудобно.

– Я принес тебе подарок, – сказал он очевидное.

– Мне ничего не нужно. – Сиэлла подавила желание обнять себя за плечи, помня об испачканной ладони. От отца веяло холодом, и этот холод проникал под халат, заставляя ежиться от озноба.

Отец встал и положил коробку на кровать.

– Ты обижена, но я рад, что вчера ты не стала устраивать сцен, – сдержанно ответил он, проигнорировав ее слова. – Это тебе.

Он открыл коробку.

Внутри лежало белоснежное свадебное платье. Лиф его был отделан крупным жемчугом и тончайшим ховарским кружевом, настолько невесомым, что к нему и прикасаться было страшно! Подол, судя по всему, тоже был украшен.

Сиэлла затаила дыхание. Она никогда не видела такой красоты. Руки сами потянулись к платью, и, лишь коснувшись белоснежного шелка кончиками пальцев, она осознала.

Это платье не от отца.

«...Я хочу, чтобы свадебное платье на тебе сидело хорошо. А не висело».

Его купил Тинклер.

Сиэлла сжала кулаки. Так сильно, что почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Кажется, даже до крови.

Нужно вести себя хорошо. Забыть о том, что отец продал ее рояль. Забыть о том, что он не раздумывая выдает подарок ее жениха за свой.

Стало даже немного обидно за Нейтана. Совсем немного. Впрочем...

– Какое красивое... – осторожно обронила Сиэлла. – Дорогое, наверное!

– Мне ничего для тебя не жалко, – ответил отец.

Он делал вид, что продажа рояля ничего не значит! А это платье... нет у ее отца таких денег!

Нет!

Как же противно осознавать, что твой родной человек бессовестно лжет, пытаюсь выглядеть лучше. На самом деле, если бы он сказал правду, Сиэлла бы поняла...

Она бы поняла.

Скоро она отсюда уйдет. И никогда не вернется. Она никогда не наденет это платье. У нее будет другое. Совершенно простое, без изысканной вышивки и кружев, но зато она выйдет замуж по любви.

– Спасибо. Если можно, я... мне нужно переодеться. Не в свадебное платье, конечно. – Она вымученно улыбнулась. – В халате немного прохладно.

– Да, конечно. – Отец подарил ей неловкую улыбку в ответ.

Он, наверное, подумал, что они помирились. Но это было не так.

Стоило ему уйти, как Сиэлла с удовольствием вытерла испачканную угольным карандашом ладонь о белоснежный шелк.

Все равно это платье ей не пригодится!

Спрятав коробку с платьем в гардероб, Сиэлла быстро переделалась, высушила расческой волосы, заплела косу и спустилась к завтраку. Отметив тот факт, что сегодня, когда ее не нужно было «вразумлять», никто и не стал ждать ее появления, налила себе кофе и взяла кусок подрумяненного хлеба.

Элис, убедившись, что старшая падчерица перестала морить себя голодом, завела нудный разговор с Эви о новых веяниях столичной

моды.

– Узкий подол – это же так неудобно! – восклицала она.

Сиэлла в разговоре не участвовала, впрочем, никто ее и не просил. Она даже порадовалась, что ее не заставляют говорить. Молчать было намного удобнее. Так она меньше боялась выдать себя.

Теперь, когда ее протест сошел на нет... ей нечем было заняться! Рояля больше не было, и Сиэлла поняла, что хочет уйти. Интересно, а если она уйдет на прогулку, ее будут преследовать?

А вдруг отец все-таки подозревает, что она хочет сбежать?

Что ж, стоит это проверить.

Заглянув в свою комнату, она схватила плащ, натянула перчатки – судя по посеребренным желтым листьям клена в саду, сегодня ночью ударили заморозки – и вышла из дома.

В кармане платья не было даже одной медянки, но ее это не беспокоило. Судя по возгласам мальчишки-разносчика, сегодня ночью возле ратуши никого не убили.

И это показалось Сиэлле добрым знаком.

Она шла по улицам Омирши, с наслаждением вдыхая аромат полыни, что нес за собой степной ветер. На самом деле в осенней Омирше всегда было что-то очаровательное. Особенно ранней осенью, когда ветра еще не обозлились и не начинали нести тучи из песка. Бескрайняя степь дарила городу невероятные ароматы увядающего разнотравья, горькие и сладкие одновременно.

Скоро станет холодно, и город сначала заметет песком, а потом и снегом.

Чего Сиэлла никогда не любила – так это весну. Время, когда снег сходил, обнажая грязь и мусор.

Но до весны далеко.

Добравшись до площади Трех Башен – исторического центра Омирши, Сиэлла остановилась и повертела головой по сторонам.

На самом деле жаль, что у нее нет денег. Вот там, в лавке мелочей, сверкает серебряная губная гармоника, а рядом с ней лежит рейта – примитивный музыкальный инструмент степняков, состоящий из круглого каркаса и трех струн.

А в витрине книжного магазина Силь увидела совершенно очаровательную записную книжку: маленькую, меньше ладони,

с обложкой из крашеной кожи, а еще с маленькой закладочкой-тесьмой.

Засмотревшись на эту красоту, она и не заметила, как кто-то подошел к ней сзади.

– Хочешь, я тебе ее куплю? – Кто-то обнял ее за талию и прижался к ее волосам губами.

Подпрыгнув от неожиданности, Силь развернулась и с размаху ударила нахала по щеке, совершенно уверенная, что это Нейтан Тинклер.

– Эдж?!

Возлюбленный отшатнулся от удара и прижал руку ко рту.

– Я тебя... что ты здесь делаешь?

Эдж потер подбородок, будто бы проверяя, на месте ли челюсть, и усмехнулся.

– Твой отец дал мне три выходных. Как бы это сказать...

– В рамках очередного понижения жалованья? – понимающе кивнула Силь.

Ну что ж, отец дошел до края.

Даже стало немного совестно, что она так и оставит его на этом краю.

Но это чувство недолго владело ею. Она наконец разглядела, во что одет Эдж, и нахмурилась.

– Что это на тебе?

Он оглядел себя.

– Костюм, – сказал он очевидное.

– Я вижу. Откуда ты его взял?

Эдж неловко улыбнулся. Надо признать, темно-бордовый костюм-тройка, состоящий из сюртука, жилета и брюк, очень шел к его соломенным волосам.

– Купил...

– На что? Ты и в лучшие времена себе такого позволить не мог! – В ее голову начали закрадываться подозрения.

Нет... нет-нет-нет!

– Эдж... – севшим голосом спросила она. – Ты что?.. Ты играешь?

Поэтому от него вчера пахло вином и табаком!

Элдж замялся. Нахмурившись, он подарил ей взгляд исподлобья и явно нехотя ответил:

– Да... Но это ничего не значит! – добавил он торопливо. – Я... это ненадолго! То есть... я выигрываю уже две ночи подряд! У нас с тобой будут деньги на первое время, а потом, я...

– Элдж... зачем? – Сиэлла отшатнулась от него. – Зачем ты играл? Это же... это же чертов покер!

– Это не всегда покер! – Видя, что она совершенно не одобряет его поступка, он подался вперед и взял ее за руки. – Силь, я люблю тебя. И я не хочу, чтобы ты жила в нищете, понимаешь? Я должен обеспечить нам будущее... Ты же еще не передумала бежать со мной?

Силь сжала его ладони в ответ.

– Не передумала. И не передумаю. При одном условии. Ты больше никогда не будешь играть...

– Но, Силь!

– ...ты знаешь, что я ненавижу игроков. Ты не будешь одним из них, обещаю!

Элдж замер. На его лице появилось упрямое выражение.

– Силь, поверь, я не проиграюсь! Если карта не пойдет, я просто остановлюсь, обещаю!

– Не в этом дело. – Как же он не понимает! – Игра – это не заработок. Я лучше пойду работать на хлопковую фабрику и через несколько лет умру, задохнувшись от пуха, но никогда не сяду за игровой стол. Я думала, ты это понимаешь...

Элдж нахмурился:

– Ты никогда не пойдешь работать, понятно? Ты – женщина!

Сиэлла покачала головой.

– Есть же женские профессии. Даже в магполицию берут женщин!

Элдж, я...

– Ты не будешь работать!

– А ты не будешь играть!

Элдж на миг замер, а потом рассмеялся.

– Мы еще не успели пожениться, а у нас уже семейные ссоры! – Он притянул ее к себе и легонько коснулся губами ее лба.

– Элдж! Мы же посреди площади! Нас могут увидеть знакомые! – Сиэлла отпрянула от него. – И пообещай мне, что ты больше не сядешь за игровой стол!

– Силь...

– Обещай! – Она топнула ногой.

Элдж глубоко вздохнул, поморщился и кисло ответил:

– Хорошо, упрямица. Если у тебя какие-то проблемы с игроками, я не буду одним из них.

– Ты не сказал «обещаю», – напомнила Сиэлла.

Элдж опять рассмеялся.

– Ты не просто упрямая, да еще и зануда! Когда мы уедем из Омирши, тебе надо будет устроиться в горполицию! Я уверен, ты будешь лучшим детективом!

– Я подумаю, – остывая, ответила Сиэлла. – Но ты так и не сказал...

– Я все-таки куплю тебе эту книжечку. В качестве подарка на помолвку.

Сиэлла хмыкнула.

– Меня не очень радует, что ты будешь дарить мне подарок на помолвку с другим.

– Почему с другим? – удивился Элдж. А потом хитро улыбнулся. – Ты помолвлена со мной. Просто об этом никто не знает!

Он выглядел так самодовольно и уморительно, что Сиэлла не выдержала и рассмеялась.

Элдж все-таки купил ей ту книжечку, и Сиэлла была этому даже рада. Несмотря на «грязные» деньги, этот подарок показался ей лучшим на свете. Возможно, потому, что он был от души? Подаренным тем, от кого хотелось получать подарки?

Как бы она хотела пройтись с Элджем рука об руку по улицам Омирши! Гордиться тем, что ее любит самый лучший мужчина в этом мире! Наслаждаться жизнью и подарить себе надежду на новые мечты!

Они обязательно так сделают.

Только в другом городе.

Конечно, Силь была бы не против отправиться в Шивал. Столица привлекала ее своей роскошью. Но там их наверняка сразу найдут.

Или наоборот? Ведь проще затеряться толпе! Да и работу легче будет найти, даже для нее. В конце концов, она обучена грамоте, этикету, прекрасно играет на рояле, неплохо вышивает, умеет вязать...

Сможет ли она когда-нибудь еще раз сесть за инструмент? Пробежаться по клавишам, сыграть любимую песню о черной луне и

сверкающем солнце, что никогда не встретятся?

...И наши корабли летят,
Как бабочки над кружевом,
Не встретимся с тобой мы никогда.
Предел мечтаний и преград –
Любовь моя. Но нужно нам
Признать, что мы несчастны навсегда...

Песня была очень грустной, но такой красивой, что Сиэлла не помнила, чтобы она хоть раз ее не играла, оказываясь за роялем. С нее она начинала, распеваясь. Ею же она заканчивала.

Элджу всегда нравилось, как она поет. И Силь была уверена, что, если жизнь им позволит, он обязательно купит ей хотя бы старый клавикорд. Или фортепиано.

Но спросить об этом прямо сейчас она не решилась. Вместо этого, сунув книжечку в карман, попросила его уйти, пока их не заметил никто из знакомых: в толпе вполне могли оказаться друзья отца, мачехи... или Нейтан Тинклер.

Элдж весело отсалютовал ей, напомнил, что скоро все закончится, и затерялся среди прохожих, а Силь, еще немного поглазев на витрины, отправилась в Старый Парк.

Осень в Омирше быстра и мимолетна: листья едва успевают пожелтеть, а их уже срывает с ветвей жестокий ветер. Злой ветер, кусающий кожу колючим песком, принесенным из степи.

Сиэлла хотела застать эту осень. Успеть прогуляться по парковым дорожкам, вымощенным красным кирпичом. Ощутить вкус горькой сладости увядающей степи. попрощаться с Омиршей. Запомнить ее именно такой: еще уютной, томно подремывающей перед тем, как на нее обрушится шквалистый ветер.

Сиэлла любила этот город всем сердцем. Но она должна его покинуть. Предать. Исчезнуть навсегда.

Стало немного грустно от предстоящей разлуки.

Может, зайти к Рей? Подруга наверняка сейчас возится в своей маленькой конюшне. Пропахшая потом и навозом, веселая

рыжеволосая Рей не представляла своей жизни без своих питомцев. И ее отец никогда не запрещал ей заниматься любимым делом.

Сиэлла не может петь... потому что это стыдно, по мнению ее отца.

А Лара? Ее вторая подруга нашла себя в цветах. Собирая невероятной красоты букеты, она в то же время любила и ухаживать за цветами! Не просто пройтись с декоративными ножничками и жеманной улыбкой, а хорошенько взрыхлить землю, развести какую-нибудь дурно пахнущую подкормку и обойти весь обширный цветник, неутомимо окружая каждое растение заботой.

А у Сиэллы отобрали единственную дорожку в доме вещь. Рояля больше нет, ведь музицировать на потеху публике – недостойно благородной леди.

Может, поэтому отец и не позвал ее подруг на помолвку? Пусть и титулованные особы, они могли каким-то образом шокировать напыщенного Тинклера?

Хотя он ведь игрок. Вряд ли тот, кто проводит ночи на дне этого города, будет шокирован тем, что некоторые девушки способны говорить не только о погоде.

Уже повернув на улицу Красной Луны, в конце которой ее ждал обнесенный стальным забором особняк семьи Рей, Сиэлла остановилась.

Не будет ли ей больно, ведь она знает, что это их последняя встреча?

А если она случайно проговорится? Не выдаст ли ее потом Рей?

Силь доверяла подруге, но... но сомнения, закравшиеся в душу, показались ей правильными.

Это – знак.

Лучше уж она представит, что сможет прийти сюда в любую минуту. Завтра, послезавтра, через месяц... через год.

Так легче.

Ведь легче, да?

Она должна уехать отсюда.

Там, в столице (в столице ли?), она наверняка найдет новых друзей, а потом – работу. Или наоборот. Она будет женой Элджа, и у них будет много детей!

Она будет счастлива. Она обязательно будет счастлива! По-другому не может быть.

Элдж обещал, что завтра все решится.

Завтра.

Сиэлла развернулась и тихим шагом пошла домой.

На душе почему-то было тяжело. Хотелось плакать.

Очевидно, за ней никто не следил. Вернувшись домой, Силь обнаружила отца в рабочем кабинете, а Эви с Элис за вышиванием и светской беседой. Ну вот и хорошо. Значит, удастся сбежать незамеченной.

Сбежать. Почему-то после прогулки мысль о побеге больше не приносила прежней радости. Наоборот, сердце сжималось, стоило Сиэлле подумать о том, что скоро вся привычная жизнь останется в прошлом.

Но отказываться от своих планов Сиэлла не собиралась. Ради счастья нужно чем-то жертвовать, ведь так?

Оказавшись в своей комнате, она вновь почувствовала острую утрату инструмента. До того как в ее жизнь ворвался Нейтан Тинклер, обычно она долгие часы проводила в музыкальной комнате. Разучивала новые песни, повторяла старые... даже иногда пыталась играть что-то свое, хотя получалось не очень хорошо.

Но теперь рояля не было. И заняться было решительно нечем. Можно было, конечно, найти что-нибудь почитать или присоединиться к мачехе и младшей сестре, но Сиэлла поняла, что не хочет. Женские романы ее сейчас не привлекали, а вышивать она не очень любила, хотя конечно же умела.

Поэтому она вытащила из кармана подарок Элджа, села за письменный стол и окунула перо в чернильницу.

Что бы такое написать?

Для дневника книжица была слишком маленькой, да и не вела Силь дневников...

«Киран Крейн
Торговец рыбой
Динар Крейн».

Только выведя последнюю букву, Сиэлла осознала, что она делает. Зачем ей это? Скоро она исчезнет из Омирши, и Туз окажется от нее далеко. Он перестанет ее волновать.

Но ведь ей все равно нечем заняться, верно?

И Сиэлла продолжила. Напротив имен проставила знаки мастей, которые имели игральные карты, а также пометила, пальцев какой руки лишилась каждая жертва. К сожалению, насчет торговца рыбой она была не уверена и поставила напротив его имени знак вопроса.

Почему игральные карты? Почему руки разные? Может быть, Туз вовсе и не маньяк? Может, он – враг Крейнов, а торговец рыбой был нужен для того, чтобы замести следы? А зачем отрубить пальцы? Зачем потрошить тело? И при чем здесь печень?

Может, они все проигрались? Это вполне может быть. Но зачем их тогда убивать? С мертвеца трудно взыскать долг!

Или это все-таки связано с Крейнками? Что Силь про них знает? Старший сын – тот еще повеса и транжира, но в последнее время остепенился и даже собирался жениться. Средний, Динар, наоборот – скромный парень, который с трудом подбирает слова. Кажется, он заикался. А еще у него было плохое зрение, и он носил очки, которые ему совершенно не шли.

Младшему сыну Крейнов было девятнадцать, и пусть он уже время от времени появлялся в обществе, вряд ли он мог кому-то помешать. Потому что учился в сыскной школе: у него внезапно для всей семьи проснулся дар заклинателя духов, и он собирался пойти работать в магполицию. После обучения, конечно.

Его никто не заставлял: наличие дара не предполагает обязательного вступления в ряды полицейских, но он хотел сам.

Теперь, скорее всего, и не передумает. Сиэлла не могла представить, как сильно этот парень, наверное, хочет отомстить Тузу, убившему двух его старших братьев!

А ведь в высшем обществе Омирши иметь магический дар – это дурной тон. Именно потому, что его наличие практически обязывало служить закону. Чопорные лорды и леди не должны служить.

Сиэлла еще раз поглядела на свои записи и раздраженно потрянула головой. Вот зачем она испортила подарок Элджа ненужными записями?

Туз – не ее проблема.

В Омирше двенадцать участков магической полиции и столько же – городской.

Вряд ли она, будучи просто женщиной, без дара, лишенной талантов в этом деле, сможет переплюнуть опытных детективов.

Тем более через пару дней ее уже не будет в городе.

Сиэлла закрыла книжицу, спрятала ее под подушку и отправилась в библиотеку с твердым намерением найти чтение по душе.

Ей нужно убить время, только и всего.

* * *

Остаток дня прошел спокойно. Так же спокойно Сиэлла и заснула. Ей снился город, в котором не было вечных песков или сухого ветра. В этом городе было столько же солнца, как и в Омирше, но не было запаха степи, и почему-то именно там ей было хорошо. Она бродила по светлым широким улицам, заглядывая в каждый маленький сквер на своем пути. Она улыбалась солнцу и чувствовала себя спокойно и хорошо. Она знала, что сегодня вечером она будет петь. И завтра – тоже. А еще она знала, что скоро она и тот, кто в этом сне и в этом городе был ее мужем, на следующей неделе приглашены на прием к мэру. Там их будут ждать.

Она зашла в магазин готовой одежды. Пройдясь вдоль рядов шелковых и бархатных платьев, она зачем-то подошла к зеркалу. Зеркало было во весь рост, и она с удовольствием рассмотрела свое одеяние. Фиолетовое платье, украшенное золотым и серебряным шитьем, черный корсет, сиреневые перчатки, облегающие ее руку. На ней была шляпка с вуалью, и Сиэлла подняла сетчатую ткань, чтобы увидеть свое лицо.

И то, почему она носила вуаль. На левой стороне, от уголка губ и до виска, через щеку зиял старый шрам. Он приподнимал ее губы так, что казалось, будто она все время криво улыбается.

Сиэлла во сне прикоснулась к рубцу, чувствуя, как в ней всколыхнулся ужас... Что это? Откуда? Как она может петь в самых популярных салонах этого города, будучи обезображена подобным шрамом?

Ужас нарастал, засыпая разум красным песком, и Сиэлла отшатнулась от зеркала. Споткнувшись, она упала... но не на пол, потому что пола не было. Тьма поглощала ее, и Силь слышала ее удовлетворенное урчание.

Когда тьма сыто причмокнула, Сиэлла вскочила на кровати, проснувшись.

Руки дрожали, ночная сорочка промокла от пота, к тому же на ней была кровь: оказывается, Сиэлла во сне искусала губы. Что это с ней?

Она кое-как сползла с кровати и бросилась в ванную комнату. Там ее долго тошнило горькой желчью и остатками ужина: кусочками тушеных овощей и жареной рыбы. Когда ей стало немного лучше, она повернулась к зеркалу. Под глазами залегли синие тени, губы распухли, но она с облегчением обнаружила отсутствие шрама. Во сне он был таким реальным, что она была почти уверена, будто он всегда был с ней.

Странный сон.

Что он значит? Предупреждение? Предчувствие? Или это подсознание играет с ней злую шутку?

Плеснув на лицо холодной воды, Сиэлла почувствовала, что замерзла. Влажная от пота сорочка облепила тело, заставив дрожать от озноба. Но, идя в ванную, Силь не взяла с собой халат, и поэтому пришлось потерпеть.

Вернувшись в комнату, она кое-как стащила с себя сорочку и, подрагивая от озноба, открыла гардероб. В глаза бросилось платье для прогулок из фиолетового кашемира. На самом деле покроя его был столь простым, что в нем Сиэлле можно было принять за служанку. Когда-то оно ей очень понравилось.

Но, кажется, теперь она его уже никогда не наденет.

Вытащив вчерашнее одеяние, Сиэлла быстро облачилась в него и снова подошла к зеркалу. Шрам не появился.

Постепенно ужас сходил на нет, и она решила, что приснившаяся ей дрянь – всего лишь отзвуки ее тайного нежелания покидать Омиршу. Она ведь любит родной город, и мысль о разлуке приносит боль.

Но нужно выбирать. И Сиэлла выбрала Элджа.

Сквозь темно-зеленые портьеры в комнату проникал скудный свет, и, отодвинув их, Силь поняла, что едва рассвело. До завтрака еще

почти два часа, Элис и Эви, возможно, еще даже не проснулись.

Впрочем, после того как ее стошнило, она совсем не хочет есть. Но выпить чаю с мятой, чтобы избавиться от мерзкого привкуса во рту, не помешает.

Быстро расчесав волосы и заплетя косу, Силь тихонько вышла из своей комнаты и спустилась вниз. На кухне уже вовсю кипела работа: кухарка Шерри всегда начинала день задолго до рассвета.

– Госпожа Сиэлла? Вы выглядите бледной! – Немного полноватая, Шерри была немолодой женщиной с круглым, улыбчивым лицом и невероятно красивыми глазами цвета свежесваренного кофе.

– Просто дурной сон. – Силь искренне улыбнулась кухарке. – Можно мне чашку мятного чая?

– Конечно! – засуетилась Шерри. – Сейчас, госпожа, я все сделаю. Ох, как не вовремя ваш отец отпустил Элджа на выходные! Мне нужно на рынок, купить пряностей... да и морковь закончилась почти... Мирра сможет только после завтрака... суп сегодня будет без моркови...

– Хочешь, я тебе помогу? – улыбнулась Сиэлла. Суета кухарки подействовала на нее успокаивающе.

– Ну что вы! – Шерри укоризненно на нее посмотрела. – Вы – леди, вам не пристало ходить на рынок за морковью!

Она поставила перед Сиэллай дымящуюся чашку с мятным чаем.

– Мне все равно нечем заняться, – ответила Силь. – Теперь у меня даже рояля нет.

Шерри сочувственно покачала головой.

– Зря ваш отец так сделал, конечно... вы так красиво пели!

– Я и сейчас могу петь, – сделав глоток, ответила Сиэлла. – Но не хочу. Скоро моя жизнь изменится, так что... возможно, все к лучшему.

Шерри провела рукой по ее волосам.

– Вы очень красивая, госпожа Сиэлла, – сказала она. – И душа у вас красивая.

Силь поморщилась, вспомнив, на что собирается обречь свою семью. А потом – на что ее семья собиралась обречь ее.

Все правильно.

– Ты ошибаешься, Шерри. Нет во мне ничего особенного, – тем не менее ответила она.

Выпив чаю, Силь почувствовала себя немного лучше. Она поблагодарила кухарку и все-таки настояла на том, чтобы ей помочь. Оказывается, убивать время – это так утомительно! Почему-то идти на прогулку без повода ей не хотелось. А так – она даже что-то полезное сделает.

Может, это тоже подсознание? Когда она уедет из Омирши и выйдет замуж за Элджа, ей придется вести жизнь простой горожанки. Ходить за продуктами, и не за пучком моркови и парой мешочков с пряностями, а носить тяжелые корзины.

Надо хотя бы попробовать, каково это – быть не леди. Приготовиться.

Узнать заранее.

Смириться с тем, что в глубине души не дает ей покоя. Ведь этот страшный сон – всего лишь следствие ее затаенного страха!

Было странно брать у кухарки деньги. Конечно, их выделил Шерри отец Сиэллы, как раз для таких нужд, но все равно – странно. Потому что у самой Сиэллы не было даже медянки.

Сунув несколько ассигнаций в карман, Силь вышла из дома. Сегодня утренний сад показался ей каким-то зловещим. Бархатцы почему-то были не оранжевыми, а лиловыми... а краешки их лепестков были будто забрызганы свежими каплями крови.

Это все сон на нее так действует... Сейчас она прогуляется, и из головы выветрится всякая дрянь!

Выйдя за ворота, Сиэлла вдохнула полной грудью городской воздух. Для прогулок было еще рановато, и встретить знакомых она не боялась. Да и что такого, если она пройдет мимо какой-нибудь расфуфыренной мадам с пучком моркови в руках? Можно представить, что это – букет роз... от жениха!

Улыбнувшись, Сиэлла почувствовала, что дурные мысли действительно улечиваются. Еще немного, и страшный сон ее отпустит... она перестанет ощущать на щеке стянутую шрамом кожу.

Нет у нее шрама. И никогда не будет. С чего он ей вообще привиделся?

Как же хорошо, что она выбралась! Кажется, она впервые отправилась на прогулку так рано. Оказывается, Омирша бывает и такой. Разомлевшей, заспанно улыбающейся утреннему солнцу.

Сиэлла миновала улицу Мятного Хлеба, свернула в переулок Дзуликих Волков (название переулка было взято из пантеона странных богов степняков, но звучало очень поэтично), а потом вышла на широкий проспект Желтых Орхидей. Конечно, орхидеи, капризные цветы, любящие влажность и тепло, в Омирше не росли. Только в центральной оранжерее возле ратуши. К ратуше проспект и вел, что, наверное, и стало причиной назвать его именно так.

Шла не торопясь... до завтрака было еще много времени, да и не хотела она есть. Пусть чай с мятой и принес облегчение, но при мысли о еде Сиэлле снова начинало немного мутить.

Так что если она немного опоздает, ничего страшного. Теперь, когда она закончила свою голодовку-протест, никто не настаивал на ее присутствии во время семейного завтрака.

Смешно...

Она брела вдоль центрального проспекта Омирши, улыбаясь городу, который улыбался ей. Щемящее чувство скорого расставания немного портило настроение, но это чувство было светлым. Возможно, когда отец смирится с ее побегом, он ее простит? Может быть, она еще вернется сюда? В этот город колючих ветров с горьким привкусом бескрайней степи.

– Я буду скучать, моя Омирша... – прошептала Сиэлла.

Ратуша и соседствующая с ней оранжерея были все ближе. Силь нужно было пересечь главную площадь, а потом нырнуть в переулок Красных Ночей, чтобы сократить дорогу до рынка.

Но, ступив на красно-желтую мостовую площади, Силь заметила какое-то столпотворение как раз у входа в нужный ей переулок.

Что случилось? Легкая и светлая грусть уступила место тревоге.

А потом Сиэлла вспомнила, что Туз уже три дня никого не убивал.

А потом она вспомнила, что именно здесь обычно находят его жертв.

А потом она вспомнила, что хочет узнать, кто такой Туз.

Не помня себя и не понимая, зачем она это делает, Силь бросилась к толпе работяг, пренебрегших своими обязанностями. Судя по робам, это фабричные, не дошедшие до кирпичной мануфактуры в северной части Омирши.

Достигнув скопления людей, Силь услышала обрывки разговоров и поняла, что оказалась права.

- Туз бубновый в этот раз...
- ...кто-нибудь знает, кого убили?..
- ...молодой парень совсем...
- Молодой? Неужели маньяк убил последнего сына Крейнов?
- ...вы видели? Сюртук хорош... крови-то почти не видно!
- ...бедняга... за что его так?
- ...печень в рот запихнули... меня сейчас стошнит...

Проталкиваясь сквозь толпу, Сиэлла осознала, что в ее голове не осталось ни одной мысли. Сознание полностью очистилось, превратилось в прозрачное стекло. Это стекло плавилось, накаляя воздух в груди. Казалось, что она дышит огнем.

Это, наверное, оттого, с чем она сейчас встретится. Она боялась до дрожи увидеть изувеченное тело, но зачем-то упрямо шла, локтями расталкивая собравшуюся толпу.

Оцепление из патрульных горполиции ее не остановило.

Потому что даже через плечи одетых в синюю форму высоких мужчин Сиэлла увидела.

Тело.

Искаженное мукой лицо. Отрытый кровавый рот, в который засунута... печень.

Мертвый взгляд, устремленный в небо... полумрак переулка не давал солнцу осветить глаза.

Они больше никогда не заблестят. Они больше никогда не посмотрят на этот мир.

Они больше никогда не согреют Сиэлле.

Она вцепилась в плечи ближайшего патрульного и страшно закричала. Она чувствовала, как чьи-то руки обвивают ее талию, как кто-то тащит ее прочь, слышала, как ей кто-то говорит, чтобы она успокоилась.

Ей было все равно, кто это. Она продолжала кричать – пронзительно, высоко, срывая голос. Убивая его.

Ей даже хотелось, чтобы сквозь толпу ее тащил Туз. Чтобы он убил и ее. Она кричала и кричала, пока ее голос не превратился в хриплый сип.

А когда голоса не стало, не стало и всего остального. Она обмякла в руках того, кто ее придерживал, и провалилась в небытие.

И там, во тьме, ее ждал Эдж. Там, во тьме, он был жив, хотя его темно-бордовый сюртук был измазан кровью, распоротый живот зиял внутренностями, а из кармана выглядывал бубновый туз.

Там, во тьме, он улыбался ей разорванной кровавой улыбкой, а из его рта вываливалась сочная багрово-коричневая печень...

* * *

Дверь открылась, и она услышала чьи-то шаги. Человек ступал тихо, но Сиэлла все равно застонала от жуткой головной боли.

Нет. Не застонала. Засипела.

Открыли шторы, и на все еще закрытые глаза хлынул солнечный свет. Сквозь веки он был красным... кроваво-красным.

Кровь... Запах крови ударил в ноздри, и Сиэлла опять хотела застонать от отчаяния, но снова из ее горла вырвался только сип.

– Силь... – Это был голос отца. – Ты не спишь?

Она не спит. Она не спит, и поэтому Эджа сейчас с ней нет. Он придет потом, когда она снова окунется во тьму.

Как же ей хочется его увидеть!

– Я не сплю, – ответила она, все еще не открывая глаз.

Отец оглушающе тихо подошел к ней и легонько провел ладонью по ее лбу.

– Спишь, наверное, – услышала она его голос.

Смешно! Он ее не слышал! Все равно. Это даже хорошо.

Она была даже благодарна ему за то, что он не стал ее будить. Просто ушел, закрыл дверь, а она крикнула ему вслед:

– Это ты виноват во всем! Если бы не ты, он никогда бы не пошел играть!

Но ее никто не услышал.

Возможно, это было даже хорошо.

Эдж мертв. Туз распотрошил его, отрезал ему пальцы и запихнул печень в рот... Она больше никогда не увидит его... не увидит Эджа! И самое ужасное – она не сможет уже представить любимого иначе, как таким: изломанной куклой, у которой вытащили внутренности.

Она больше никогда не увидит его улыбку. Не согреется в ней. Теперь ей всегда будет холодно.

Туз забрал у нее все. Потому что всем для нее был Элдж. Как посмел этот ублюдок убить самого лучшего человека на свете! Как посмел он так издеваться над ним! Мысль о том, что перед смертью Элджу было больно, сводила с ума.

Сиэлла села на кровати и бездумно посмотрела в окно. Судя по всему, опять было утро. Она проспала весь день? Или один час?

Плевать. Теперь ей на все плевать. Мысли текли вяло, неторопливо, а перед глазами стояла картина, которую она теперь никогда не забудет.

Элдж мертв.

И его тело, лежащее на залитой кровью мостовой переулочка, останется с ней навсегда. И она этого хочет. Она хочет, чтобы хотя бы такой Элдж остался с ней!

И пусть ей вечно будет мерещиться запах его крови.

Надо вставать.

Зачем? Куда ей идти? Спуститься к завтраку и как ни в чем не бывало вести светский разговор?

Смешно.

Туз украл ее жизнь, и теперь у нее ничего нет. Надо что-то сделать. Да, точно! Нужно сделать так, чтобы Туз тоже ее убил!

И тогда она снова будет с Элджем. И там, на Той Стороне, они будут счастливы.

Может быть, ей не стоит ждать Туза? Играть она толком не умеет, хотя... маньяк наверняка убивает тех, кто проигрался. Ей будет легко проиграть все!

Вот только незадача: у нее нет денег, чтобы сделать первую ставку!

Смешно.

Действительно смешно!

И Силь рассмеялась! Кажется, она даже захлебнулась смехом. Стало так весело. Весело? Нет.

Нет.

Кажется, вместе со смехом пришли и слезы. Она почувствовала теплые ручейки на своих щеках, когда смеялась.

Нет.

Не смеялась. Рыдала.

Но никто не слышал, потому что у нее больше нет голоса.

И это хорошо.

Она больше никогда не будет петь. Она больше никогда ни с кем не заговорит. Ее голос принадлежал Эджу. Так она решила.

Дверь открылась, и на пороге появилась Мирра.

– Госпожа, что с вами?! – воскликнула она.

Сиэлла посмотрела на нее. И ничего не ответила.

Все равно голоса нет.

Моргнув, она огляделась. Надо же, оказывается, она сползла с кровати вместе с одеялом и лежала на полу.

– Госпожа Сиэлла... – Мирра подскочила к ней и помогла подняться на ноги. – У вас кровь...

Кровь, где кровь? Запах не померещился? Это не кровь Эджа?

Сиэлла удивленно посмотрела на свои руки. Вроде бы чистые.

– На лице... – с ужасом прошептала служанка.

На лице? Странно... Может, это тот самый шрам открылся?

Шрам, которого у нее нет. Опять стало смешно. Но надо держаться. Мирра не поймет. Она и так смотрит на нее с ужасом.

Служанка помогла ей подойти к зеркалу. Нет, конечно же это был не шрам. Просто она искусала губы до крови, только и всего. Не понимая, что она делает, Сиэлла провела рукой по губам, пачкая кровью пальцы, а потом нарисовала линию на щеке. До уха.

Так намного лучше.

– Госпожа Сиэлла, что вы делаете?

Сходит с ума, кажется...

– Я хочу отдохнуть, Мирра, – сказала Силь.

– Госпожа, умоляю, скажите что-нибудь! – Голос Мирры стал совсем тоненьким от переживаний.

– Я и говорю: дай мне отдохнуть! – рассердилась Сиэлла, повернувшись к служанке. – Просто уйди и скажи всем, чтобы меня не беспокоили!

– Госпожа... вы не говорите... вы просто открываете рот и... еле слышно сипите... я не понимаю...

Силь опять захотелось рассмеяться. Ее никто не слышит! Не слышит! Ее голос принадлежал Эджу и умер вместе с ним!

Но шепот, он же всегда одинаковый, да?

– Оставь меня в покое, Мирра, – попросила Силь.

И была услышана. Но не понята.

– Вам нужно умыться, – засуетилась Мирра. – Это у вас, наверное, оттого, что вы кричали... господин Тинклер сказал, что вы буквально взорвались криком...

– Что?! – крикнула Силь. И ее не услышали. Надо говорить спокойно и шепотом... – При чем здесь мой жених?

– Так это же он вас сюда принес... – растерянно ответила Мирра. Она вытащила из прикроватного столика полотенце и попыталась поднести его к лицу Силь, чтобы стереть кровь.

– Как это? Что он там делал? Кто его просил... как он посмел ко мне прикоснуться! – Сиэлла отшатнулась от служанки и поняла, что та вновь ничего не слышала.

Ну и хорошо.

– Уходи, Мирра, – спокойно и шепотом сказала Силь. – Уходи.

– Госпожа, давайте я вас хотя бы в ванную провожу! Вам умыться надо! Вы сутки проспали, врач сказал, что у вас нервный срыв, и приказал не беспокоить.

Сутки, значит? Вот и сходила за морковкой... Поняв, что так просто она от служанки не отвертится, Силь позволила отвести себя в ванную комнату и уже там жестами показала, чтобы ее оставили одну.

Хорошо, что о ее любви к Элджу никто не знал. Догадывались, возможно, но вряд ли принимали всерьез. Впрочем, Сиэлла и не собиралась ничего делать.

Пока.

Когда дверь за Миррой закрылась, она подошла к зеркалу и уставилась на свое отражение, опершись руками о мраморную раковину.

Лучше бы отец эту громадину продал, чем ее рояль...

Силь усмехнулась этой непрошеной мысли. Ее любимый мертв, а она все равно вспоминает свой рояль.

Отражение ей понравилось. Из зеркала на нее смотрела бледная немочь с синяками под глазами, спутанными темно-каштановыми волосами и кровавым ртом.

Кровавым ртом.

Багровая полоска высохшей крови на щеке ей тоже нравилась. Пожалуй, сейчас она хотела бы ее закрепить. Стать уродливой. Она не достанется никому. Тем более Нейтану Тинклеру.

Интересно, что он там делал? Тоже шел за покупками? Сиэлла снова криво усмехнулась этой мысли.

Или, может, ее интуиция права? Она ведь видела кровь на рукаве его рубашки при встрече накануне помолвки. В тот день, когда Туз убил Динара Крейна... Кажется, есть такое мнение, что преступник всегда возвращается на место преступления? А что, если Нейтан и есть Туз?

Нейтан и есть Туз. И это он лишил ее всего. Надежды, голоса и самой жизни. Потому что Сиэллы больше нет.

Лучшей кандидатуры не найти, ведь так? Профессиональный игрок, который определенно знает, как заставить соперника проиграться. Очевидно же, что те, кто пал его жертвами, просто проиграли свою жизнь! Почему магполиция до сих пор его не задержала? Потому что он брат мэра?

Наверняка.

Что ж, если все улики будут против него, даже родство с главой города не спасет этого ублюдка. И Сиэлла их найдет.

Она докажет, что Нейтан Тинклер и есть Туз.

Сжав пальцами края раковины, Сиэлла улыбнулась. Пожалуй, ей самой стало страшно от своей улыбки...

Кое-как смыв кровь с лица, Силь попыталась хоть как-то успокоиться. Семья ее не поймет. А она не сможет ничего нормально объяснить без голоса. Да и нужно ли?

Рассказать отцу, что она собиралась сбежать с Элджером? Смешно... Но как сделать вид, что ее просто впечатлил его вид, а не факт его смерти?

Просто сделать вид... какая же она дура! Ведь Туз действительно ужасно убивает! И никто не удивится, что Силь в шоке от увиденного. Точно. Просто сделать вид, что ее тонкая душа не выдержала зрелища распотрошенного трупа.

А остальное... она ведь все равно не может говорить. И это хорошо. Лучшая ложь – это полуправда.

Мирра ждала ее за дверью.

– Я помогу вам, госпожа.

Служанка кинулась было к ней, но Силь отрицательно покачала головой. Жестами показав, что помощь ей не нужна, она вернулась в комнату.

С одной стороны, жутко хотелось забраться под одеяло, спрятаться от мира и дать волю рыданиям... с другой стороны, она понимала, что таким образом она точно никогда не сможет доказать, что ее жених – серийный убийца. Мысль о том, что Нейтан и есть Туз, преследовала ее.

Возможно, не будь у него в тот день крови на рукаве, все было бы не так. Но кровь была. А еще он был там вчера... среди толпы, глазеющей на тело Элджа... они все на него смотрели! Все! Элдж умер страшной смертью, а они все на него смотрели! Будто он кукла...

Кукла в театре.

Мысли путались и перескакивали с одной на другую. Она то порывалась залезть под одеяло и предаться горю, то подходила к зеркалу и чертила на щеке несуществующий шрам, то открывала гардероб и трогала фиолетовый кашемир самого простого из своих платьев... и думала...

Думала, думала, думала...

О том, что Элдж не сдержал своего обещания снова не играть. А потом она вспоминала, что он все-таки не пообещал ей этого! А потом ей мерещились сильные руки, тащившие ее сквозь толпу. Она слышала свой пронзительный крик, а руки все сильнее и сильнее сжимали ее... потом она вспоминала тьму.

Сначала ту, что жила в глазах Нейтана Тинклера, а потом ту, что хотела поглотить ее... что кидала ее на камни и душила во сне... ту тьму, из которой пришел Туз. Туз...

Нейтан...

Он и есть Туз... он и есть Туз!

А потом она думала об отце, который продал ее, чтобы поправить свое материальное положение. Конечно, не продал, а просто устроил эту помолвку. Помолвку с чудовищем. Ведь Туз – чудовище.

А Нейтан и есть Туз.

Она убьет чудовище. Убьет. Она изобличит его при всех, уничтожит, заставит пресмыкаться, а потом... потом убьет. Она еще не знает как.

Не знает. Но обязательно придумает.

К завтраку ее не позвали. Вместо этого Мирра принесла ей в комнату поднос, на котором Сиэлла увидела тарелочку с поджаренными хлебцами, кусочек масла и маленькую чашечку кофе.

Сначала она хотела отослать служанку вместе с едой, а потом поняла, что для того, чтобы сделать то, что она задумала, ей нужны силы.

Она должна есть.

Впихнув в себя немного еды, она достала из гардероба то самое фиолетовое платье, кое-как расчесала волосы и вытащила из-под подушки маленькую записную книжечку.

Последний подарок Элджа... Не думать об этом, не думать!

Эта книжечка ей пригодится. Она ее никому не покажет. Никому. И именно сюда она будет записывать все, что поможет ей изобличить Тинклера.

Если надо, она даже выйдет за него замуж... о да! А потом... потом уничтожит. Потому что он никогда не узнает о том, что накануне своей смерти Элдж подарил ей маленькую записную книжку. Как хорошо, что она легко помещается в карман!

Но стоило Силь открыть ее и посмотреть на записи, как руки опустились. Сейчас там были только имена жертв Туза. И Сиэлла поняла, что она просто не в силах вписать туда еще одно имя. Имя Элджа.

Пока – не в силах. Нужно просто дать себе совсем немного времени, и она сможет! Сможет посмотреть на все это! Нужен холодный разум, а она сейчас слишком... ей слишком больно!

Она... должна... дать себе время.

Но его нет. Что, если после свадьбы Тинклер запрет ее в своем огромном доме? Она же тогда ничего не сможет сделать!

Так ничего и не записав, Сиэлла спрятала книжечку в карман платья и вышла из комнаты. Может, если она прогуляется по саду, ей станет легче?

Но стоило ей спуститься в гостиную, как ее ждал сюрприз. К ней подбежала Мирра, держа в руках бумажный сверток.

– Госпожа... это вам. Посыльный принес несколько минут назад.

Кивнув, Силь приняла сверток из рук служанки и села на диванчик. Обивка его потерялась, но стараниями Мирры он еще выглядел прилично.

Почему-то ей было страшно открывать посылку. От кого она? Неужели от Нейтана? Возможно. Как благородный жених, он должен справиться о ее здоровье и осыпать подарками... с другой стороны,

сверток не выглядел дорого, а ведь подарок такого богача, как Тинклер, должен быть завернут в красивую шуршащую бумагу.

Так и не решив ничего, Силь аккуратно надорвала сверток и с изумлением увидела, как из него выпал тонкий серебряный браслет с изумрудами. Изящное украшение. И дорогое.

В свертке нашлась записка.

«Милая! Родная! Моя!

Именно так я буду тебя называть, когда мы поженимся, я обещаю! Я знаю, ты сейчас сердишься на меня из-за моей игры, но иного способа поднять легких денег за такой короткий срок у меня нет.

Я хочу, чтобы у тебя было все самое лучшее! Я не позволю тебе жить в нищете! И мой подарок этому доказательство.

Сегодня прийти не смогу. Собираюсь поиграть. Не злись, моя хорошая, но так надо. Я кое-что понял. Нам лучше не ехать в Шивал. Пусть столица и многолюдна, но именно там обитают сильнейшие заклинатели и менталисты. Как насчет Дирна? Там противно, но вряд ли кому-то придет в голову искать нас в такой дыре.

Кстати, поезд на Дирн отходит через три дня. Я сегодня же возьму нам билеты.

Если тебе там совсем не понравится, мы поедem куда-нибудь еще. Хортелл большой, возможно, нам стоит выбрать себе город?

Если первое время мы будем путешествовать, нас точно не найдут.

Я обещаю, что мы с тобой обязательно будем счастливы! И будем жить там, где захочешь ты!

Носи этот браслет с гордостью, хорошо? Я очень хочу увидеть его на тебе при нашей следующей встрече. А она будет очень скоро.

Я обещаю.

Люблю тебя.

Элдж».

Время остановилось. Сиэлла сжала в руках письмо... чтобы потом бросить его в тлеющий камин.

– Ты... ты... ты не сдержал обещание! – крикнула она. – Мы с тобой никогда не будем счастливы! И я больше тебя никогда не увижу! Тебя убили! Убили!

Спохватившись, она хотела было зажать себе рот, чтобы остановить крик.

Сейчас же все домашние сбегутся!

А потом она поняла, что ее никто не слышал. И не мог услышать. Ведь у нее больше нет голоса.

Она – немая.

Дрожащими руками Сиэлла спрятала браслет в карман и позвонила в колоколец.

Когда Мирра пришла, Силь изобразила, будто держит в одной руке чашку, а второй льет в чашку из чайника. Когда служанка удалилась, Сиэлла закрыла глаза, надеясь, что ей принесут именно чаю, а не воды.

Впрочем, какая разница, что пить?

На душе царила странная пустота.

Глава 3

Разум заволокло пеленой. Замело кровавым песком. Опутало паутиной отчаяния и тоски. Воздух превратился в липкую смолу. Черную, как мгла, льющаяся из глаз Тинклера.

К обеду домашние поняли, что с Сиэллаой творится неладное. Но ей было все равно. Люди вокруг казались ей лишь тенями. Духами, пришедшими с Той Стороны. Может быть, не такими пугающими, как настоящие обитатели мира за гранью, но все равно – чуждыми.

Или это она стала чужой? Превратилась в безликую тень, которую без труда развеет даже легкий ветерок.

Почему-то представлять себя в качестве духа, которые в большинстве своем имели жуткий противоестественный облик, Силь не хотела. Может, потому, что попадавшие в мир духи обречены служить заклинателям и шаманам? Тем, кто будет в силах их обуздать и привязать к себе незримыми, но прочными цепями?

А Сиэлла не хотела никому служить.

Тень по имени Элис ласково взяла ее за руку и куда-то повела. Вязкая муть, что окружала Силь, колыхалась от каждого движения. Девушка покорно шла за тенью, отдавшись меланхолии и тоске.

Кажется, ее отвели в комнату. Кажется, раздели. Кажется, уложили на кровать. Кажется, укрыли.

Только вот Силь не хотела спать. Ведь она почти сутки пролежала в забытии до этого. Но с другой стороны – шевелиться не хотелось.

Закрывать глаза – тоже. И Сиэлла просто лежала, изучая марево, колыхающееся вокруг.

Надо вытащить из кармана книжицу и браслет...

Пожалуй, это была первая связная мысль. Она пришла к ней вместе с другой тенью, которая оказалась врачом.

Ее осмотрели, заглянули в рот, приложили руку ко лбу... Возможно, делали что-то еще.

Сиэлле было все равно. Она даже не слышала, что говорила тень врача другим теням после того, как закончила осмотр.

Интересно, откуда отец взял деньги на врача?..

Это была вторая связная мысль.

Потом ее вроде бы оставили в покое. Но ненадолго. Потому что пришла тень-Мирра и попыталась накормить ее супом. Сиэлла покорно глотала теплую жидкость, совершенно не чувствуя вкуса.

В мире больше не осталось вкусов и запахов, кроме запаха крови и скрипения ржавчины на зубах.

Тень-Мирра что-то говорила. Кажется, просила перестать. Перестать что? Сиэлла же ничего не делает! Отвернувшись от служанки, она с головой накрылась одеялом.

И, кажется, уснула.

Когда она выглянула из-под одеяла, было уже совсем темно.

Сознание прояснилось. Мир больше не казался ей затянутым пеленой. Нет. Теперь он был просто темным.

Опустив ноги с кровати, Силь почувствовала мягкий ворс ковра. Луна ярко светила в окно, и, чтобы все хорошо видеть, не нужна была свеча.

Тени растянулись, обстановка комнаты казалась будто бы нарисованной на холсте широкими мазками, а в зеркале как будто что-то мелькнуло. Человеческий силуэт с блестящими лезвиями вместо рук.

Дух?

Говорят, эти твари вылезают из зеркал... из зеркальных коридоров. В Хотелле запрещено иметь больше одного зеркала в одном помещении, и те, кто хочет жить, следуют этому закону. Потому что духи опасны.

Нет. Это был просто блик.

Однако сердце билось как сумасшедшее от пережитого мимолетного ужаса, а руки слегка дрожали.

В ее комнате нет второго зеркала. Ей духи не страшны. Но видение страшного существа, испугавшее ее, помогло кое-что понять.

Она жива. И она не хочет умирать. Элдж подождет ее, правда?

Он ее подождет...

Надев платье, Сиэлла проверила содержимое карманов. Записная книжка и браслет были на месте. Она долго пыталась нащупать и письмо, совсем забыв, что сожгла его в камине.

Зачем?

Наверное потому, что понимала: перечитывать его будет больно. Очень больно. Она все сделала правильно. Она должна жить. Дышать.

В комнате было душно, и жутко хотелось на улицу.

Если она выйдет в сад, ничего страшного не случится, правда?

Она нашла в гардеробе самый старый и простенький из своих плащей, завернулась в него и тихонько выскользнула в коридор. Здесь было совсем темно, но Силь выросла в этом доме и потому без проблем дошла до лестницы, спустилась по ней и добралась до выхода.

Ночной воздух прохладой влился в легкие, и Сиэлла с наслаждением вдохнула полной грудью.

Спустилась по крыльцу, ощущая ласковые покалывания на щеках. Кажется, в Омиршу пришли первые заморозки. В легких туфельках она быстро замерзнет. Но сейчас ей было хорошо.

Ворота скрипели, ведь Элдж так и не успел их смазать...

Только оказавшись на улице, Сиэлла осознала, что не помнит, гуляла ли она хоть когда-нибудь по ночной Омирше.

Где-то здесь разгуливает Туз...

Сиэлла огляделась по сторонам и смело пошла по улице Мятного Хлеба.

Будь что будет, но она хочет увидеть место, где убили Элджа. Прямо сейчас.

Зачем ей это, она сама не знала.

Возможно, она окончательно сошла с ума.

Никто не встречался ей на пути. Она впервые видела город абсолютно пустым. Конечно, где-то здесь бурлила жизнь: те же игорные дома открывались только после наступления темноты. Но Сиэлла этого бурления не видела. И не хотела видеть.

Безлюдные улицы смотрели на нее черными провалами окон, но луна светила ярко, и Силь не было страшно идти. На самом деле она вообще не боялась. Возможно, все было оттого, что она плюнула на собственную жизнь. Морозило, и щипки холода становились все ощутимей. Ноги в легких туфельках начали замерзать, но она упрямо шла вперед. Она должна увидеть. Осознать, что то место теперь пустое. Там не лежит Элдж.

Его убрали. Его труп. Приехала звенящая колокольцами труповозка, и его увезли в морг. Возможно, мастера смерти уже распотрошили его... хотя Туз сделал половину работы, не так ли?

Не думать об этом. Не думать. Пока разум вернулся на место, пока она прекрасно понимает, что делает, и мир вокруг не кажется сном, она должна осознать: Элдж мертв. Он погиб... из-за нее...

Не думать об этом. Не думать.

Площадь тоже была пуста. Так показалось сначала. Сиэлла, кутаясь в плащ и чувствуя, как пальцы на ногах уже немеют от холода, быстро пошла к переулку Красных Ночей. Именно там она вчера увидела мертвого Элджа.

Именно здесь сегодня никого не было. И это было правильно. Луна не могла заменить солнце, и Сиэлла не могла разглядеть предательских пятен крови, как ни пыталась. Казалось, переулок был абсолютно чист. Отполированные тысячами ног камни мостовой переливались в лунном свете. И казались абсолютно чистыми, как будто еще вчера на них не выливалась кровь того, кто был так дорог Силь!

Ничего. Здесь не было абсолютно ничего. Зачем она сюда пришла?

Зачем? Но здесь ей хотя бы не мерещатся духи.

Зато слышатся голоса.

Сиэлла сначала не обратила на них внимания, хотя в тишине спящей Омирши любой звук казался инородным, чужим. Но Силь смотрела на камни мостовой и представляла, как вчера по ним текли красные струйки крови Элджа.

Она бы, наверное, до самого конца не замечала чьего-то присутствия, которого никто и не скрывал.

Но один из собеседников произнес слово «Туз», и Силь наконец поняла, что рядом есть кто-то еще.

Оцепенение слетело с нее, как нить невесомой паутины, и она осознала, что у нее с собой нет даже документов! Она находится в самом популярном месте города! Ведь именно здесь или совсем рядом настоящий Туз убивает своих жертв!

А что, если те, чьи гулкие и оттого невнятные голоса она слышит, – полицейские?

А что, если ее примут за убийцу, который возвратился на место своего преступления?

Бред, конечно. Но дело освещено в прессе! А громкие дела наверняка нужно закрывать быстро! Ведь газетчики те еще проныры.

Сиэлла прижалась спиной к кирпичной стене и затаила дыхание.

Прислушалась.

– Знаешь, Ифрит, все это полная ерунда! Тина вчера предположила, что этот парень один из нас. И я склонен с ней согласиться, – недовольно сказал один из собеседников, и Силь впервые услышала столь красивый... музыкальный мужской голос.

Слышать его было очень приятно. Он буквально пел, а не разговаривал.

– Ха! Удивил! – Второй голос был не таким приятным, но тоже не напоминал хрип, как голос ее жениха. – Знаешь, и я соглашусь с твоей сестрой... Туз.

Из легких вышибло весь воздух, а больше в Омирше и не было. Силь почувствовала, как ее горло сдавило ледяной рукой ужаса и ненависти.

Туз? Он здесь? В нескольких метрах от нее?

– Ты всегда с ней согласишься, – продолжил музыкальный голос... голос Туза. Он звучал ворчливо.

Странно. Они будто и не скрываются. Разговаривают не то чтобы на всю улицу, но и не шепотом. Туз... здесь Туз! Тот, кто убил Элджа в паре шагов от нее! И сейчас...

Сейчас они ее увидят. Потому что они идут именно сюда!

– Заметил? Опять фонари через один горят. – Кажется, собеседник Туза не хотел продолжать тему. – Неудивительно, что этот парень тащит своих жертв сюда.

Своих жертв. Они же сейчас про Туза, ведь так? Но ведь один из них и есть Туз! Что здесь происходит? Сиэлла кое-как вдохнула сквозь сдавленное горло.

– Запрос в управление давно отправил, – скучающим голосом ответил музыкальный голос.

Шаги приближались, и голоса становились все ближе. И еще ближе. И еще.

– И что ответили? – Тот, кого называли Ифритом, наоборот, кажется, повеселел. – Что деньги из столицы до нашей дыры, занесенной песком, доходят в таких количествах, что даже на центральной площади темно, как в заднице?

В переулок зашли двое. И остановились на границе света и тьмы. Может, они ее и не заметят?

Сиэлла прищурилась, пытаясь рассмотреть что-то большее, чем темные силуэты. Кажется, оба были молодыми мужчинами. Один был выше другого на полголовы, и Силь почему-то казалось, что его волосы были светлее. Большого разглядеть так и не получилось. Оба собеседника были в плащах, при таком скудном освещении казавшихся черными, и черных же цилиндрах. У одного из мужчин была трость, которую он сжимал обтянутыми в тонкие перчатки руками. У второго, который был повыше, трости не было. Перчаток – тоже.

Это ее и спасло от необдуманных действий.

На тыльной стороне правой ладони того, кто был без перчаток, тускло сияла всеми цветами радуги цифра «один». И Силь знала, что эта цифра стоит посреди черной татуировки в виде кометы.

А потом она вспомнила, что в магполиции действительно используют позывные, которые больше всего походят на клички.

Мужчины были детективами!

Облегчение накрыло ее с головой, и Сиэлла обессиленно сползла вниз, уже не думая о том, что ее заметят.

И ее, конечно, заметили...

– Кто здесь? – Тот, кто был без перчаток, резко отвел руку в сторону и сложил пальцы щепотью. О нет, это же заклинатель!

И именно этого человека его напарник назвал Тузом!

Сиэлла хотела ответить, но из горла вырвался только беззвучный сип. Схватившись руками за горло, она с ужасом ждала, что сейчас этот человек вызовет духа, и ее просто убьют! Она на месте преступления! А вдруг ее примут за убийцу?

– Крис, успокойся. – Человек с тростью, которого звали Ифрит, шагнул в переулок. – Это просто девушка!

Точно... если первый – заклинатель, то второй – менталист. Говорят, сильные ментальные колдуны способны читать мысли даже на расстоянии. А что, если этот – один из них?

– Как ты, интересно, ее разглядел? – буркнул заклинатель.

– В отличие от тебя, друг мой, я немного лучше вижу в темноте. Совсем цветочек, надо же!

– Осторожней... цветочки бывают опасны, Эрик. – Заклинатель тоже приблизился.

Они нависали над ней как две скалы, а Сиэлла не могла издать ни звука. В отчаянии она прижала ладони к шее, показывая, что не может говорить.

Ифрит склонился над ней и подал руку в перчатке. Да, точно, менталисты предпочитают носить перчатки все время, чтобы не читать эхо мыслей, когда они этого не хотят.

Но если у этих двоих появятся сомнения, он просто снимет перчатки и все о ней узнает.

Сиэлла приняла помощь и оказалась на ногах.

– Точно, цветочек! – Голос менталиста звучал так, будто он только что выиграл крупную сумму. Чему он радуется? Или все-таки смог прочесть ее мысли даже сквозь перчатки?

– Осторожней. – Музыкальный голос Криса – Туза тоже стал мягче. – А то я могу подумать, что у Тины появилась конкурентка!

Кажется, ее не принимают всерьез, даже толком и не разглядев.

Следующий вопрос поставил ее в тупик. И заставил задуматься. Потому что Эрик – Ифрит спросил:

– Ты немая, что ли, цветочек?

Немая... Ее голос умер вместе с Элджем, его больше не существует. Вряд ли она когда-нибудь еще раз захочет петь, даже если связки восстановятся. Может, это судьба? То, что двое незнакомцев приняли ее за немую?

Может, это правильно?

Как же ей поступить?

Сиэлла замерла, открыв рот, а менталист внезапно расхохотался.

– Туз, ты только глянь на эту фиалку! Милая до невозможности!

– Я ее толком не вижу, – ворчливо ответил заклинатель. – Может, оставим девушку в покое? Мы все-таки в патруле, забыл?

Силь была бы не против. Ей не нужны проблемы, и она была рада, что эти двое не заподозрили в ней убийцу.

– Может, ей помощь нужна? Цветочек, у тебя все в порядке?

Силь моргнула. Потом медленно покачала головой. Нет. У нее не все в порядке. Ее возлюбленного зверски убили, а ей предстоит выйти замуж за того, кого она считает одним из самых страшных людей, что ей встречались. У нее не все в порядке.

И соврать не получилось.

– Вот видишь! Фиалка в беде! – Ифрит говорил так радостно, будто наличие проблем у Сиэлла было даром небес. – А мы с тобой те, кто ей поможет!

Туз вздохнул.

– Может, тогда выйдем туда, где есть фонари? – предложил он, а Силь опять заслушалась. Какой же у него красивый голос! Низкий, бархатный, влекущий. – Я тоже хочу посмотреть, что это за цветочек. А потом попробуем ей помочь. Так ты все-таки немая? – обратился он к Силь.

Она помедлила лишь долю секунды. А потом кивнула.

Да. Она – немая.

– Позволь помогу, ты еле на ногах держишься. – Ифрит галантно предложил ей руку, и, немного подумав, Сиэлла ее приняла. Веселый менталист ей понравился.

Они двинулись к выходу из переуллка, и Силь не сразу поняла, что ступила ногой на то место, где вчера лежал Элдж. Мертвый Элдж.

Это осознание пронзило тело жуткой болью, и Сиэлла, споткнувшись, повисла на детективе.

– Простите, – сказала она.

Но ее не услышали. И было слишком темно, чтобы кто-нибудь мог заметить движение губ.

Порадовавшись этому факту, Силь выровнялась и благодарно кивнула поддержавшему ее Ифриту. Тело все еще плохо слушалось, но боль быстро ушла, будто ее и не было.

Все же странная практика давать детективам магической полиции позывные, которые больше всего походят на клички. Интересно, почему тогда городская полиция такого не делает?

Она внушила этим двоим, что она не может говорить. Зачем? Сейчас они расстанутся, и ей придется идти домой. Туда, где ее ждет семья. Семья, готовая ее продать. Сиэлла очень надеялась, что эти двое не увяжутся за ней. Если они в патруле, то им наверняка нельзя выходить из своего района. Почему-то Силь не хотела, чтобы ее обман раскрылся.

Пока Ифрит в перчатках – она в безопасности. Она уже поняла, что он не читает эхо мыслей на расстоянии.

Нужно побыстрее распрощаться с этими господами и идти домой.

Она совершенно не хочет возвращаться, но больше податься ей некуда. Все надежды начать новую жизнь погибли вместе с Элджем. И теперь у нее нет выбора. А единственная причина жить – это месть. Мечь тому, кто отнял у нее все.

Она докажет, что настоящий Туз – это Нейтан Тинклер. И если для этого ей нужно выйти за него замуж, так тому и быть.

– Хм... скажи мне, друг, ты в полной темноте увидел цвет ее платья или просто угадал? – послышался музыкальный голос Туза, вырвав Сиэлла из раздумий.

– Скорее, почувствовал. Не забывай о моей прекрасной интуиции, – быстро нашелся Ифрит, но Сиэлла видела, что он тоже удивлен. А еще поняла, что плащ распахнулся, иначе двое мужчин не смогли бы увидеть под ним фиолетового платья.

Они оказались рядом с горящим фонарем, и детективы во все глаза разглядывали ее. А она разглядывала их.

Ифрит – Эрик оказался улыбчивым мужчиной лет тридцати. Впрочем, она и так знала, что он весьма жизнерадостен. Он был в темно-красном плаще, а набалдашник его трости имел форму какой-то экзотической птицы. Длинные черные кудри обрамляли его веселое лицо, а вот цвета глаз Сиэлла разглядеть не смогла. То ли серые, то ли карие. В неровном свете факела определить это оказалось невозможным.

А вот глаза Туза – Криса даже при таком освещении сияли голубизной. Как будто на льдинки смотришь. Или на небо. Нет, наверное, все-таки на лед. Прочитать хоть каплю эмоций на его лице Сиэлла так и не смогла. Заклинатель смотрел на нее совершенно бесстрастно, как будто она была какой-то вещью. Его волосы пшеничного цвета были намного короче, чем у напарника, а еще Силь заметила над его верхней губой маленький шрам, который заставлял его рот выглядеть ухмыляющимся. Он казался ровесником Ифрита.

– Я даже угадал, что она совершенный цветочек! Совсем девчонка, надо же!

«Мне двадцать три», – хотела сказать Сиэлла. Но сдержалась.

Она – немая.

– Ты что тут делаешь? Потерялась, что ли? Приезжая? – спросил Туз.

Сиэлла мотнула головой.

– А где твой дом? У тебя же есть дом?

Она замерла. Кивнула, а потом сразу замотала головой.

– Так да или нет?

Отрицательный жест.

Нет. У нее нет дома, в который она хочет возвращаться. Ведь она не врет, правда?

– На бездомную нищенку ты не похожа, – нахмурился Крис. – Эрик, может, ты снимешь перчатки и мы все выясним сразу?

– Брось, Крис, я и так вижу и чувствую, что она безобидна, как та фиалка. Ты же знаешь, что читать чужие мысли я не очень люблю. Сбежала, что ли, цветочек?

Сиэлла опять помотала головой, а потом кивнула, так и не определившись, а Эрик расхохотался.

– Одежда у тебя, как у служанки. Что, хозяин руки распускать начал? И ты сбежала?

Неровный свет фонаря, под которым они остановились, делал лица Ифрита и Туза оранжевыми, как раскаленные угли. Впрочем, Сиэлла догадывалась, что сама выглядит так же.

– У тебя работа есть? – продолжал расспросы Эрик.

Сиэлла смело покачала головой.

– А нужна? – внезапно спросил Крис.

– Эй! – возмутился его напарник. – Я тут первый спрашивать начал!

Но Туз продолжал буравить Сиэлла своим ледяным взглядом.

– Кивни уже, – резко сказал он.

И Сиэлла кивнула, сама не зная почему.

Повисла тишина, нарушаемая лишь стуком ее сердца. Ей казалось, что этот стук набатом разносится по округе. Зачем она это делает?

И что ей собираются предложить?

Она почувствовала, что ее бьет озноб, как будто осенний ветер проснулся и решил прогуляться по ночным улицам Омирши вслед за ней. Зябко поведя плечами, она запахнула плащ, не сводя взгляда с Криса.

– Ну вот, – разочарованно протянул Эрик. – А я так надеялся, что цветочек поможет мне по хозяйству!

– У тебя скоро будет кому помочь. Или ты забыл, что у тебя на носу свадьба с моей сестрой? – усмехнулся Туз, покосившись на напарника. И друга. Наверняка друга, Сиэлла чувствовала, что эти двое близки.

– Тина не даст забыть, это уж точно, – в свою очередь, усмехнулся Ифрит. – Ну так что? Так и будем стоять? Мы с тобой в патруле, не забыл?

– Не забыл, – буркнул Туз. А потом снова уставился на Сиэлла. – Мне нужна служанка. Точнее, не мне, а моей матери. Она стала быстро уставать, и ей нужна помощь по хозяйству. Платить буду немного, сразу предупреждаю. Половина золотянки в неделю тебя устроит?

Сиэлла потупилась, уставившись на носки своих легких туфелек. И сразу вспомнила, что у нее замерзли ноги. Оказывается, она их уже и не чувствует толком!

Но мысль о том, что сейчас она может полностью изменить свою судьбу, не давала покоя, заставив забыть про онемевшие ноги почти сразу.

Туз – заклинатель духов. Он детектив, ведущий дело другого Туза. Она сможет быть близко. Она сможет избежать брака с Нейтаном Тинклером. Она сможет доказать, что ее несостоявшийся жених – и есть убийца. Она отомстит за смерть Элджа.

Да.

Ее устроит даже работа за еду.

Сиэлла подняла голову, снова замерзнув под взглядом Криса, и шагнула к нему. Положила ладонь на рукав его плаща и кивнула, показывая, что согласна на его предложение.

Надо не забыть, что она – немая. Она – немая. Не стоит лишний раз открывать рот. Возможно, ее немота и нужна этому человеку. Скорее всего, он не знатен, но вполне обеспечен. Еще бы, он же в первом участке магполиции работает!

И если она будет молчать, он не будет бояться рядом с ней говорить.

Хорошо быть немой.

– Вот и прекрасно! – Крис правильно растолковал ее жест. – Только тебе придется с нами немного прогуляться. А точнее, до утра. Пока наше дежурство не закончится. Ты ведь не против... Фиалка?

Фиалка. Пожалуй, Сиэлле даже нравилось, как он ее назвал. Ведь она не сможет сказать ему свое настоящее имя. Да и не стала бы она этого делать. Получается, она сбежала из дома, а значит, ее будут искать.

Заерзал маленький червячок совести. Отец будет волноваться. Сестра тоже. Да и Элис всегда относилась к ней хорошо.

Только это не остановило их. Они все равно хотели ее продать. А Сиэлла не продается.

Плохо, что ноги совсем замерзли. Но она потерпит. И постарается не простыть.

Она еще не знает, что принесет ей новый день. Но она точно знает, что он будет совсем другим. Это будет день, когда она примет смерть Элджа. День, когда она полностью поменяет свою жизнь. День, когда она исчезнет. Перестанет быть дочерью графа и станет простой немой служанкой. Служанкой по имени Фиалка. С каждым мгновением это имя ей нравилось все больше.

Силь мотнула головой, показывая, что не против прогуляться по Омирше в компании двух детективов.

– Вот всегда ты хватаешь самое вкусное, Туз! – Несмотря на свои слова, Ифрит не выглядел расстроенным. – С другой стороны, цветочек выглядит приличной девушкой, в моей холостяцкой конуре ей было бы неуютно...

– Не скажи такое при Тине, – заметил Туз, предлагая Сиэлле локоть. – Рука-то у нее тяжелая.

– Не напоминай, – поморщился Ифрит, рефлекторно потирая щеку. – Так что повезло тебе, цветочек. Будешь мыть посуду за половину золотянки в неделю, уверен, до этого ты за такую же плату не покладая рук трудилась.

И он ей подмигнул, заставив Силь занервничать. Эрик ведь менталист, а вдруг он что-то почувствовал? Интуиция у таких, как он, развита сверхсильно. Он должен понимать, что она где-то обманывает. Почему тогда он не снимает перчатки, чтобы прикоснуться к ее коже и вывести на чистую воду? Силь знает абсолютно точно, что никогда до этого не встречалась с темноволосым ментальным колдуном.

Ответ пришел к ней чуть позже. Когда Крис, заметив странное движение в одном из темных переулков, сложил пальцы щепотью и скрылся во тьме, оставив Сиэлла с напарником.

– Ты ведь не служанка, цветочек? – шепнул Ифрит. – Из дома убежала, не так ли?

Силь испуганно посмотрела на него, понимая, что ее новая жизнь сейчас закончится, так и не начавшись.

– Не волнуйся. Ты попала в хорошие руки. Я чувствую, что ты не опасна. Ты действительно просто нежный цветочек, который так и хочется сорвать. Даже мне. Будь осторожна. Мой друг – тот еще повеса.

«Я – лгунья», – хотела сказать Сиэлла.

Но промолчала. Все равно никто не услышит.

Крис вернулся довольно быстро, неся за собой шлейф странных запахов. А еще за его спиной черной тенью нависал дух.

Увидев, что именно находится за спиной Туза, Сиэлла, не сдержавшись, вскрикнула. Но севшие связки спасли ее, и из горла вырвался лишь жуткий сип.

– Тихо, тихо, цветочек. – Ифрит, заметив ее реакцию, схватил ее за локоть и притянул к себе. – Не волнуйся, он ручной.

Ручной... да, заклинатели держат этих тварей в повиновении... но зрелище было настолько ужасным, что Силь не могла на это смотреть. Спрятав лицо на груди Эрика, она пыталась совладать с собой. Пока получалось плохо.

Больше всего существо, подчиненное Крису, было похоже на гигантского богомола. Черного, как сама тьма. Из пасти чудовища вываливалось три языка, они были в постоянном движении, казалось, они облизывали сами себя и друг друга. Глаз, даже фасетчатых, как у насекомого, у твари не было. Зато были огромные клешни, которые щелкали. Но не так, как щелкает, например, челюсть, нет. Звук был гулкий, потусторонний. Страшный. Сиэлла видела это существо не больше нескольких секунд, но успела рассмотреть и огромное брюхо, и тонкий хвост, и маленькие лапки, на которых существо ходило, непонятно как удерживающие массивную тушу, и... плащ – поверх черного тела было накинуто некое подобие грязно-желтой тряпки.

– Отпусти ее. – Холодный голос Криса развеял тишину, нарушаемую лишь щелканьем клешней духа, разорвал ее на клочки, и Силь почувствовала, как ее еще больше трясет.

Наверное, это оттого, что на ней легкие туфельки. Она ведь почти не чувствует ног...

– Дружище, иногда ты меня поражаешь. – Ифрит усмехнулся. – Ты бы спрятал свою пташку обратно, видишь: цветочек боится!

– Не могу, – буркнул Крис. – Место занято.

– Так там вновь вылезший был? – Эрик ободряюще положил руки на плечи Силь... чтобы в следующий момент заставить ее отстраниться.

– Был... мне бы теперь избавиться от него надо... до утра я с Арохом под боком не хочу ходить.

Сиэлла, собравшись с мыслями, вновь повернулась к Тузу. Тот смотрел на нее колючим взглядом.

– Арох – это мой дух, которого ты видишь. Никто так не делает, но я дал своим слугам имена.

Силь понимающе кивнула, стараясь не смотреть на то, что было за спиной детектива. На Ароха...

– И что ты мне предлагаешь? – спросил Ифрит. Чувствуя тепло его тела за спиной, Силь ощущала себя немного увереннее. – Одному в патруле остаться? Боюсь, из цветочка выйдет плохая замена тебе.

Крис раздраженно фыркнул.

– А то ты не знаешь, что делать! В участке есть дежурный маг, вот пусть и отработывает хлеб. А то совсем обнаглели, детективов в патруль ставят. Объяснишь ситуацию, а потом отведешь Фиалку домой. Ко мне домой. Тине скажешь, что я приду и все объясню.

– Я только «за», – игриво ответил Эрик.

– Еще бы! – хмыкнул Крис. – Я все жду, когда вы наконец поженитесь и она перестанет портить мне жизнь своими выкрутасами.

– Рад, что здесь мы сходимся. Я и сам жду этого момента с нетерпением. Вот поймает Туза, и я сразу же начну подготовку к свадьбе. Если что, и ты подойдешь...

– Пошел ты. – Кажется, Крис не обиделся. Он посмотрел на Сиэлла, и на его губах застыла мягкая улыбка... а за его спиной щелкал жуткими клешнями Арох. Силь на миг показалось, что языки духа стали длиннее и теперь они ласково проводят по волосам заклинателя.

Нет.

Это ей просто кажется.

Такого не может быть.

– Тебе не стоит бояться моих духов, если ты намерена работать у меня, Фиалка, – сказал Туз. – Я, конечно, не вызываю их без нужды, но мне бы не хотелось видеть в глазах прислуги отвращение.

И Силь поняла.

Все поняла, сразу, как будто кто-то нашептал ей правду. Она поняла, почему у обеспеченного вроде бы детектива проблемы с прислугой. Почему его мать занимается хозяйством. Наверняка они просто сбегают. Или боятся страшных слуг своего нанимателя.

Глубоко вздохнув, Сиэлла шагнула к Тузу и, протянув руку, положила ее на плечо Криса, глядя ему в глаза.

А потом – улыбнулась.

Кажется, Тузу ее жест понравился. Его холодные глаза потеплели, черты лица смягчились, и Силь почувствовала, как на нее снова дохнуло смесью странных запахов. Наверное, это был дух.

Но разве духи умеют дышать? Сиэлле всегда казалось, что обитатели Той Стороны не дышат. Хотя что она знает об этих тварях?

Стараясь не смотреть на то, что было за спиной Криса, Силь впиалась в него взглядом, убеждая себя, что все нормально.

Это всего лишь заклинатель духов и его слуга. Она не позволит первобытному страху все испортить. Ей нужно спрятаться. Затаиться. Понять, что делать дальше. Избежать ненужного брака. Найти Туза-убийцу.

И отомстить.

Элдж... она не успокоится, пока убийца Элджа будет на свободе. Может, она просто глупая, безумная идиотка, поддавшаяся своим чувствам и страхам, пусть...

Она сделает все, что может.

Она попытается.

Странный звук за спиной заставил ее вздрогнуть. Хмыканье Ифрита показалось ей громом.

– Кажется, проблем у вас не возникнет, – заключил менталист, посмеиваясь. – Иди сдавай своего нового друга. Имя еще не придумал?

Интересно, Крис всем духам дает имена или Эрик просто подтрунивает над напарником?

Туз медленно отстранился от Сиэллы, и она изо всех сил пыталась держать себя в руках. Не выдать страха.

У нее есть страх посильней. И тьма в глазах Нейтана Тинклера намного чернее тени за спиной Туза.

– Я на тебя рассчитываю, – буркнул Крис и, еще раз посмотрев на Сиэлла, развернулся.

Ифрит подождал, пока друг скроется в темноте ночной улицы, а потом встал рядом с Сиэлла и галантно подал ей руку в перчатке.

Это было неприлично для высшего общества, но вполне естественно для менталиста.

А еще Силь совсем не чувствовала ног.

Трость Ифрита коротко звякнула о мостовую, заставив Сиэлла, будто очнувшись, схватить детектива под руку.

– Ты все-таки будь поосторожнее с моим другом, цветочек, – когда они пересекли улицу Ледяного Песка и свернули в переулок Сладких Ветров, подал голос Эрик. – Этот прохиндей любит красивых девушек, а ты вполне в его вкусе.

Силь сильнее сжала руку детектива. Что это значит? Неужели...

– Ты, главное, дай ему понять, что не хочешь. Крис, конечно, будет настаивать, но, если не дашь слаbinу, ничего не случится. Тем более пока в его доме Тина... она тебе понравится, обещаю.

Кажется, Сиэлла поняла, к чему клонил Ифрит. Крис может за ней приударить, но, если вести себя правильно, лишнего он себе не позволит.

Сиэлла не хотела, чтобы за ней волочился этот человек. Да и странно это... Холодный, колючий взгляд Туза вряд ли можно назвать очаровательным. Кажется, повесы должны выглядеть как-то по-другому.

С другой стороны, Нейтан Тинклер тоже вызывал в ней только дрожь. Может... может, это у нее такая реакция на любителей женщин?

Ну что ж, хорошо хоть, что Туз-детектив не вызывает в ней страха.

Только его тень. Но с этим она справится. Обязательно справится.

Пожалуй, если бы не полностью потерявшие чувствительность ноги, Сиэлла смогла бы даже получить удовольствие от ночной прогулки по Омирше. Эрик был замечательным спутником: видя, что Силь испугалась духа Криса, он сделал все, чтобы этот страх ушел. Рассказывал о забавных случаях из своей жизни, мечтательно смотрел

в черное небо, говоря о Тине и заставляя Сиэllu даже немного улыбаться. Щемящее чувство потери не оставляло ее, но в то же время она была рада, что хоть у кого-то все хорошо.

Первый участок магполиции Омирши встретил их недружелюбно. А точнее, недружелюбным был охранник: белый маг, хмуро поинтересовавшийся, в какую камеру Ифрит тащит «эту отличную девку».

– Сам ты девка, – отрезал Эрик. – Отправляйся в переулок Красных Ночей.

– И? – Широкоплечий мужчина с козлиной бородкой и огромным горбатым носом облизнулся и подмигнул Сиэлле, заставив ту спрятаться за спиной детектива.

– И продолжай патрульный маршрут. Туз отправился сам знаешь куда. Мы нашли бесхозного духа, а без напарника мне в патруле делать нечего.

– У меня, между прочим, напарника вообще нет, – напомнил охранник.

– А тебе он и не нужен. Ты – белый маг. А я только и могу, что мысли читать.

В который раз Силь поблагодарила судьбу, что Ифрит в перчатках и не слышит ее мыслей. Менталисты – сильные интуиты, поэтому Эрику было достаточно того, что он не почувствовал в Сиэлле причастности к убийствам. С другой стороны, это, конечно, было весьма беспечно.

Слишком беспечно для ситуации в городе.

Но Силь была рада этому.

– Если не можешь постоять за себя, иди в морге отирайся. Что, не нравится трупы ворочать? – буркнул маг.

Ифрит вздохнул.

– Азар, скажи, ты очень хочешь попасть утром домой?

– Хочу.

– Тогда заткнись и иди патрулировать улицы! – рявкнул Эрик. – Иначе завтра я доложу капитану Фессу, что кое-кто не выполняет своих прямых обязанностей. Мы не по своей воле сошли с маршрута. Ты прекрасно знаешь, что бесхозные духи не должны разгуливать по улицам!

Чувствуя, как в помещении ноги начинают отогреваться, Силь сделала вид, что ее здесь нет. Не хотелось влезать в разборки двух мужчин.

Хорошо, что она – немая.

Полностью согреться она не успела: убедившись, что маг внял гласу рассудка, Эрик развернулся, подхватил Сиэлла под руку и быстрым шагом направился к выходу.

– Прости, цветочек. – Когда она чуть не скатилась с крыльца кубарем, Эрик понял, что немного увлекся. – Просто эти маги... не люблю я их. Наглые, вредные, считающие, что им все должны.

«А почему?» – хотела спросить Сиэлла, но вовремя спохватилась, и вместо того, чтобы открыть рот, поджала губы.

Но, кажется, Эрик и так понял.

– Их, видите ли, слишком мало, – злым голосом ответил он на ее невысказанный вопрос. – И поэтому мы с них должны пылинки сдувать! Фух... прости, Фиалочка, я больше не буду ворчать.

Сиэлла была не против, что он ворчит. Почему-то ей не хотелось, чтобы путь от первого участка до дома Криса они провели в молчании.

Тишина – давит. Протягивает свои тонкие цепкие щупальца, обвивает горло, заставляя судорожно вздыхать в попытке хоть как-то разрушить ее. Она наполнена ароматами горьких бархатцев, дыханием тьмы, что поджидает Сиэлла во сне, а еще... еще она пахнет кровью. И требухой.

Нет, Силь совсем не хотела, чтобы Эрик молчал.

И он не молчал. Справившись с раздражением, он вновь начал разбивать тишину ночного города негромким разговором. О том, как они с Крисом встретились впервые в сыскной школе. О том, как тот познакомил его с Тиной. О том, как он, Эрик, влюбился, как мальчишка, в эту «чопорную ледышку». Как пытался ухаживать за ней. Сначала втайне от друга, опасаясь, что он этого не одобрит, а потом – под его руководством.

– У Тины просто не было выбора, – посмеиваясь, говорил он. – Все же Крис знает о ней все, и благодаря ему я мог точно предугадать, что ей понравится. Ты бы видела наше первое свидание! Я оделся как придурок... то есть во фрак, надушился, пригладил волосы воском и принес ей розу. Одну. А потом, когда она ее взяла, заявил, что остальные девяносто восемь нам встретятся на пути. Да, цветочек, на

первое свидание я потратил невероятное количество золотянок. Но оно того стоило. Мы гуляли по Омирше пять часов. И искали розы. Правда, потом Тина заявила, что, если я и дальше собираюсь быть транжирой, она не даст мне и шанса, но я все равно знал, что ей понравилось.

Сиэлла улыбалась. Ей был по душе этот рассказ. Она изо всех сил пыталась не вспоминать Эджа, и у нее почти получилось.

В конце концов, у них никогда не было первого свидания.

Они прошли по улице Красных Садовников (еще один культ степняков, и Сиэлла догадывалась, что красный цвет здесь вряд ли относится к розам), повернули в переулок Зимних Тайн, пересекли площадь Отражений и остановились у небольшого, но ладного дома. Судя по всему, в нем было комнат пять или шесть, не больше. С другой стороны, Крис ведь не был знатен. И вряд ли был сильно богат.

Уже поднявшись вместе с Эриком на крыльцо, Сиэлла осознала, что у нее дрожат коленки. Что, если она не понравится ни матери Криса, ни его сестре? Вдруг в этом доме она найдет лишь насмешки? Что, если она все делает не так?

Но потом она вспомнила липкую тьму, клубящуюся в глазах Тинклера, и поняла, что все делает правильно.

Она все делает правильно.

Она докажет всем, что беспутный младший брат мэра – и есть кровавый убийца по прозвищу Туз.

Эрик позвонил в колоколец на двери, нисколько не смущаясь того, что на дворе еще ночь. Кажется, шансы понравиться обитателям дома превращаются в прах. Ей бы, например, точно не понравилась служанка, которая явилась наниматься на работу посреди ночи.

В доме было тихо, и Эрик позвонил еще раз.

Силь глубоко вздохнула, взглянула на тусклый огонек свечи в фонаре над дверью и бездумно посмотрела по сторонам, разглядывая домик. Медные перила уже покрылись зеленью, на окнах виднелись такие же медные решетки – очевидно, защита от воров. Впрочем, небольшие замочки на них говорили о том, что днем, когда все дома, эти решетки можно раздвинуть. Судя по всему, дом был из красного кирпича, а дверь... дверь скрипела. Как и ворота особняка Сиэллы.

Понимая, что сейчас она увидит одну из хозяек дома, Сиэлла подобралась, надеясь, что выглядит условно прилично.

Будь что будет. В конце концов, ниже падать уже некуда. Хуже уже не может быть.

– Тина, дорогая! – расплылся в улыбке Эрик, когда дверь наконец открылась. – Я так и знал, что это будешь ты! Опять предаешься ночным бдениям?

– Эрик? – Молодая женщина лет двадцати пяти удивленно приподняла брови. На ней была ночная белоснежная сорочка, поверх которой Тина накинула махровый халат. Огонек свечи в ее руке дрожал, открывая взгляду острые скулы, тонкие губы и серьезные глаза, кажется, карие. В отличие от брата ее волосы были темно-русыми, а еще – кудрявыми. Одна кудряшка была особенно непослушной и так и норовила упасть на лицо, заставляя Тину все время потряхивать головой. А еще эта женщина была на полпяди ниже Силь.

Сиэлла осознала, что уже долгое время бессовестно разглядывает Тину, но ведь она немая. Она не может вежливо поздороваться и назвать свое имя.

– Кто это с тобой? – Тина с интересом глянула на Силь. Та с облегчением обнаружила в глазах молодой хозяйки дома лишь интерес. А ведь ситуация была не в пользу Сиэллы. И Силь не знала, как отреагировала бы на месте Тины.

– Нашли.

– Что? – хмыкнула Тина. – Под кустом?

– Почти. В общем, твой братец обнаружил, что эта девушка не против поработать у вас за совсем маленькое вознаграждение, и попросил привести ее сюда. Ты помнишь, что мы разговариваем через порог?

Тина шагнула назад, посторонившись, и Эрик легонько подтолкнул Сиэлла во тьму дома.

В прихожей действительно было совсем темно: кроме тусклого огонька свечи в руке Тины помещение ничто не освещало, и Силь почувствовала себя немного неуютно. Как будто она попала не в небольшую комнату, а в огромный зал, и из тьмы на нее смотрят сотни глаз.

– Предположим, я тебе верю, – тем временем сказала Тина. Она поднесла свечу к лицу Силь, и та почувствовала тень огненного жара

на щеке. – Это вполне в духе моего братца. Но почему девушка не может сказать сама?

– А она немая, – ответил Эрик, закрывая дверь.

Силь почувствовала себя в ловушке. Она находилась в доме, где живет представитель закона, но темная комната и жар от свечи возле щеки пугали. Заставляли тяжело дышать. Казалось, сейчас невидимые глазу тени накинута на Сиэлла, раздерут ее на части, насытятся ею... Наверное, крови будет много...

Небеса, о чем она думает?!

– Хм... – Тина убрала свечу от щеки Силь. – И поэтому он решил, что она задержится здесь дольше остальных? Мой брат – заклинатель духов, – сообщила женщина Силь, изучающе глядя на нее.

И Силь поняла, откуда это странное чувство. Конечно! Она просто до сих пор под впечатлением от вида слуги Криса! Поэтому ей и мерещится всякая ерунда!

Очевидно, ей удалось удержать лицо. Потому что Тина внезапно одобрительно хмыкнула.

– Надо же... но где вы ее нашли?

– На улице. Она, кажется, сбежала от предыдущего хозяина.

– Кажется? Может, ты узнаешь точно? Кто из нас ментальный колдун?

Эрик, до этого стоявший за спиной Сиэллы, обогнул ее, подошел к своей невесте и отобрал у нее свечу. Немного подумал и вручил ее Силь.

А потом – звонко чмокнул Тину в губы.

– Милая, успокойся. Ты же знаешь, что мне хватает и интуиции. А она утверждает, что этот цветочек – просто несчастная девушка, попавшая в беду. И твой брат...

– Кстати, где он? – Тина не отстранилась от Эрика, но Силь показалось, что она не очень довольна выходкой жениха.

– Духа поймал. Скоро будет.

– Тогда иди отсюда, – приказала Тина.

– Ты меня выгоняешь? – возмутился Ифрит. – А как же приласкать?

Тина вздохнула. А в следующее мгновение улыбнулась. Совсем легко, как улыбаются леди. Она и была леди. Несмотря на отсутствие

знатности и некоторую вольность в манерах, она действительно казалась немного чопорной.

– Не заслужил.

– Я тебе служанку привел!

– Тихо! Маму разбудишь. Ночь на дворе, а мне еще братцев подарочек... устраивать. Как тебя зовут? – забывшись, спросила Тина. – Ах да, ты же не можешь говорить...

– Крис назвал ее Фиалкой, и, кажется, она не против.

– Ты все же не хочешь прочитать ее имя в мыслях?

– Не хочу, – ответил Эрик, и Силь поняла почему.

Он же дал ей понять: он знает, что она не та, за кого себя выдает. Доверившись интуиции ментального колдуна, которая сказала ему, что Силь не опасна, он дал ей шанс выжить. Дал шанс себе не знать точно. И Сиэлла была рада этому. Кто знает, что бы он сделал, если бы узнал, что она – невеста Нейтана Тинклера.

Сиэлла вздрогнула, когда капля воска, сползая по свече, достигла ее руки. Именно в тот момент, когда она вспомнила про Нейтана. Пламя вздрогнуло вместе с ней, и Эрик резко обернулся.

– Что с тобой, цветочек?

Силь покачала головой и показала на капельку уже застывающего воска.

Тина отстранилась от жениха.

– Иди домой, – сказала она Эрику. – Воспользуйся случаем поспать, раз уж патруль сорвался.

Ифрит вздохнул. Еще раз чмокнув Тину в губы, он поправил плащ, перехватил трость и прошел мимо Силь к выходу.

– Надеюсь, я не зря доверился тебе, – шепнул он, поравнявшись с ней.

Сиэлла кивнула.

Не зря.

Тина разместила ее в маленькой комнатке, все убранство которой состояло из платяного шкафа, тумбочки и двух узких кроватей. Указав на одну из них, молодая хозяйка сообщила, что на второй иногда ночует приходящая кухарка.

– Не перепутай. – Ее голос звучал надменно. Несмотря на то что внешне она была не похожа на брата, сходство с Крисом было очевидным. Такие же колючие глаза, скупые фразы и привычка

кривить рот. – Смену белья возьмешь в тумбочке. В шкафу есть парочка платьев. Предыдущая служанка, узнав, что Крис – заклинатель, сбежала, забыв свои вещи. Но не забыв прихватить парочку серебряных ложечек. Она была чуть выше тебя, да и поплоней. Но по размеру, прости, одежды нет.

Силь благодарно кивнула. Ноги, отогревшись, жутко горели, как бы не простыть. Будет обидно свалиться в первый же день.

Оставив Сиэлле свечу, Тина ушла спать. А Силь села на кровать, стянула туфельки и обняла себя за плечи.

Правильно ли она сделала? Да, она хотела сбежать из дома, но все ее планы были связаны с Эджем. Теперь он мертв, а она... все равно сбежала. Случайно. Не окажется ли это ошибкой? Да, Крис – детектив, ведущий дело Туза.

Туз ведет дело Туза... Смешно!

Но не было бы более правильным остаться дома? Выйти замуж за Тинклера. Оказаться так близко, как не может быть никто. А потом разоблачить. Растоптать. Разбить его поганую жизнь на осколки.

С другой стороны, как жена, она могла бы попасть в беду вместе с ним.

Нет. Она все сделала правильно.

Раздевшись, Сиэлла юркнула под одеяло. Кроватка была совсем узкой, непривычной, а постель немного пахла затхлостью. Но это не помешало Силь почти сразу заснуть.

Несмотря на насыщенную ночь и страшные события накануне, ей ничего не снилось. Кажется, кошмары решили оставить ее в покое на время. А вот пробуждение было тяжелым. Голова налилась тяжестью, глаза болели, а в горле слегка першило. Она все-таки простудилась.

Ну что ж, этого следовало ожидать.

Платье сбежавшей служанки висело на груди, а подол был немного длинноват, но движений не стеснял. Вполне можно жить.

Работать. Она здесь будет работать. За еду. И за гроши.

Но это не такая уж большая плата за покой. Вот чего она хочет – покоя. Просто немного покоя. Ей нужно привести в порядок свои мысли.

За окном едва рассвело, когда Силь, кое-как расчесав волосы пятерней, вышла из комнаты. В доме было тихо. Интересно, а Крис

уже вернулся? Она сообразила, что не знает фамилии своего благодетеля. Зато знает позывной.

Решив, что хозяева не должны рассердиться, если она пройдет по дому, Силь тихонько прошла по коридору в сторону прихожей. Сейчас, при свете только-только проснувшегося солнца, она могла разглядеть, куда попала. Ковер под ногами требовал чистки. Заглянув на кухню, Силь ужаснулась царящему там беспорядку, а вот в гостиной было немного почище. Видимо, здесь хозяева убирали сами.

А еще посреди довольно обширной комнаты стоял знакомый рояль. До боли знакомый. Не видя больше ничего, Сиэлла медленным шагом подошла к инструменту и ласково провела по его лакированной поверхности.

Не может быть.

Сглотнув, она подняла крышку и нажала клавишу си-бемоль малой октавы. Послышался дребезжащий звук. Эта клавиша всегда расстраивалась быстрее всех.

Да, это был ее рояль. Единственная дорогая ей вещь, оставшаяся в этом мире.

И теперь Сиэлла ее нашла.

Испугавшись, что кто-нибудь увидит ее возле инструмента, Силь быстро закрыла крышку и отскочила от рояля.

Оглядевшись, она обнаружила, что обитатели этого дома используют гостиную одновременно и в качестве библиотеки, музыкальной комнаты и кабинета. Возле окна стоял письменный стол, заваленный бумагами. Может, там есть что-нибудь про Туза? Если Крис работает не только в участке, но и дома, она сможет краем глаза увидеть... нет, пока рано. Если ее застанут здесь в тот момент, когда она шпионит за обитателями дома, ее выкинут отсюда.

Нужно немного выждать. Показать всем, что она – всего лишь немая служанка. Возможно, ее безмолвие сыграет положительную роль. Не боясь, что она расскажет кому-нибудь о том, что здесь происходит, рядом с ней будут разговаривать свободно.

Нужно просто не сломать собственную легенду. Глубоко вздохнув, Силь сцепила руки, борясь с искушением. А потом тряхнула волосами и пошла на кухню. Если она служанка, пока ей не дали другого поручения, она знает, с чего начать.

Глава 4

Привыкнуть к новой жизни получилось так просто, что спустя полмесяца Сиэлла уже и не ощущала себя дочерью графа. Как будто раньше, до того как попасть в этот дом, она жила какой-то неправильной, не своей жизнью. А теперь нашла свое место.

Сначала работы было очень много, ведь здесь давно не было служанки. Пусть Сиэлла и примерно представляла, что нужно делать, но навыков по чистке серебра, вытряхиванию ковров и мытью полов у нее не было. Нехитрая работа поначалу казалась ей очень тяжелой и непонятной.

Полностью привести в порядок кухню, гостиную, ванную комнату, коридоры и спальню Аннет, матери Криса и Тины, удалось только через неделю почти непрерывного труда. Она оттирала от застарелого жира плитку, жаровню, рабочие столы. Она перечистила все столовое серебро, перебрала всю посуду, рассортировала книги. Почти день потратила на то, чтобы навести порядок в кухонных шкафах: множество трав и специй давно пришли в негодность, а тухлый запах в леднике не удалось извести до сих пор. Руки бывшей леди погрубели от постоянного соприкосновения с водой и щелочью, ноги гудели, а вот голова... голова с каждым днем становилась все яснее. Как будто приводя в порядок этот дом, она заодно делала это со своей жизнью.

Занимаясь тяжелой работой, она обнаружила, что в процессе очень хорошо думается. И с каждым днем, с каждым приведенным в порядок уголком этого дома Силь понимала: она все сделала правильно.

Воспоминания о смерти Элджа приглушились нескончаемыми мелкими заботами, а вот рассуждения о деле, что вел Крис, приносили облегчение. Во время того, как она перебирала книги, Силь наткнулась на книгу о степняках и их ритуалах. Не став скрывать того, что она владеет грамотой, Сиэлла знаками попросила у Аннет, с которой часто оставалась в доме один на один, разрешения почитать ее.

И получила это разрешение.

Конечно, Силь до сих пор была уверена, что Тузом является Нейтан, но, то ли возомнив себя настоящим детективом, то ли оттого, что ее разум стал более чист, она решила проработать и эту версию. Вдруг все эти убийства совершил именно степняк?

Похожего ритуала в книге Силь не нашла, но вот описание печени, как символа, – обнаружила. В двух разных ритуалах. В двух разных значениях. В одном ритуале печень символизировала благородство, а во втором – подлость. Силь не сомневалась, что Туз-убийца не зря выбрал именно печень. Ведь что-то он пытается этим сказать. Да и пальцы. Что значат отрубленные пальцы? И почему на разных руках?

За первые две недели, что Силь провела в доме Криса Винтспира, Туз убил только один раз. И подкинул в карман своей жертвы, довольно-таки обеспеченного держателя ювелирной лавки, туза треф.

Цикл начался заново.

А спустя две недели, когда Омиршу уже начали замечать красные пески, а ветер за окном завывал, напоминая о скорой зиме, Сиэлла впервые решилась выйти за порог. Крис выплатил ей часть жалованья, и Силь захотела купить газету. В гостиной дома обсуждались только три вещи: расследование Криса и Эрика, пока что зашедшее в тупик, работа благотворительной организации, секретарем которой трудилась Тина, и плохое самочувствие Аннет. Женщина действительно угасала на глазах. А лекари лишь разводили руками.

Силь же хотелось новостей. Она не решалась покинуть дом Винтспиров надолго, да и отходить далеко боялась. Однако теперь, когда у нее на руках было немного денег, она могла позволить себе покупать газету каждый день. И знать, что происходит снаружи, вне этого маленького мирка, в который она попала.

Накинув плащ (для нынешней погоды он не подходил, но Силь не собиралась покидать пределы площади Отражений), она вышла на крыльцо.

Омирша стонала. Плакала и жаловалась этому миру, как же она не хочет, чтобы наступала зима. Ветер ударил в лицо горстью степной пыли и песка, и Силь пожалела, что у нее нет шляпы. В это время года шляпы в Омирше носили все, и мужчины и женщины, скрывая лицо от назойливых даров степи.

Кое-как разглядев на другой стороне площади мальчишку-разносчика, Силь быстро направилась к нему, прикрывая глаза рукой. Молча сунула ему в руки ассигнацию достоинством в пять медянок, взяла газету и, не дожидаясь сдачи, бегом бросилась обратно.

Захлопнув дверь, она отряхнулась от песка и пошла в свою комнату. Здесь, в этом доме, никто толком не контролировал ее. Хозяева определенно были довольны ею и ее работой. Поручений сверх уборки почти не давали. Разве что Тина один раз попросила вынести мусор раньше, чем обычно, да и то Силь и сама бы сделала это: после того как кухарка, придя с рынка, разделывала на кухне поросенка, его потрохами пропахло все, включая музыкальную гостиную.

Пользуясь тем, что Аннет отдыхает в своей комнате, Тина и Крис на работе, а кухарка кашеварит на кухне, опять приводя ее в состояние полнейшего бедлама, Силь села на кровать и развернула газету. Сегодня на первой полосе была статья о намерении столичных властей объединить две полиции в одну. Пока что было решено провести эксперимент, который поможет понять все преимущества и недостатки данной системы. Сообщалось, что весной будут полностью объединены городская и магическая полиции Икерны, города на востоке, стоявшего на берегу Пресного Моря.

Перелистнув страницу, Силь пробежала глазами городские сплетни, затем наткнулась на статью про погром в одной из типографий, а потом...

Потом она увидела объявление.

«Разыскивается Сиэлла Ремур. Тому, кто укажет ее местонахождение, полагается награда в пять тысяч золотянок».

И портрет. Нарисованный со слов, поэтому не очень похожий на нее настоящую, но Силь все равно затрясло, когда она его увидела.

Пять тысяч золотянок – это целое состояние. Отец не смог бы предложить подобную награду.

Нет. Это не отец.

Ее разыскивает Нейтан Тинклер.

Яростно смяв газету в комок, Сиэлла со всей силы бросила ее в стену. К сожалению, бумага не бьется, а ей так сейчас хотелось что-нибудь сломать! Нет, она предполагала, что ее будут искать. Но то, что за нее объявят вознаграждение, от которого кружится голова, она

предположить не могла. Что же ей делать? Интересно, сколько уже это объявление печатается? Или сегодня первый день? А что, если ее узнают? Предположим, Аннет не читает газет, но ведь Тина и Крис ведут общественную жизнь! Крис – так и вовсе детектив. Служитель закона. Если он ее узнает – Сиэлла обречена.

Небеса, неужели ей было суждено лишь несколько недель спокойной жизни? Неужели она не может просто побыть... не счастливой, нет... просто быть собой?

Что же ей делать?

Из тяжелых раздумий ее вырвал звук колокольца. Аннет звала ее.

Глубоко вздохнув, Силь пригладила волосы и вышла из комнаты. Руки дрожали, но оставалось надеяться, что слабая женщина, которая сегодня и вовсе не вставала с постели, не заметит возбужденного состояния немой служанки.

– Фиалка, хорошо, что ты пришла, – слабо сказала Аннет, когда Силь зашла в ее спальню.

Здесь пахло притираниями, мылом и старостью. Несмотря на не такой уж и почтенный возраст (матери Криса и Тины было всего лишь пятьдесят два), выглядела Аннет именно старухой.

Отметив про себя, что завтра нужно будет попробовать поменять хозяйкину постель, Сиэлла подошла к кровати и склонила голову, показывая, что готова слушать.

– Нужно написать записку для прачки. Ты ведь сможешь? – тяжело дыша, спросила Аннет. Каждое слово давалось ей с трудом.

Силь коротко кивнула.

– Завтра... пусть она придет завтра... собери грязное белье. На улице... найдешь посыльного... отдашь. Я... сама хотела, но сегодня совсем плохо себя чувствую.

Сиэлла подалась вперед и легонько сжала руку женщины. Ее пальцы были тонкими, а кожа была похожа на пергамент. Неизвестная болезнь буквально пожирала ее.

– Иди... оставь меня... мне нужно поспать.

Прежде чем отправиться в гостиную, где стоял письменный стол, Сиэлла налила Аннет воды. Еще раз погладив руку женщины, она покинула эту комнату, где уже витал запах смерти. Может быть, хотя бы Тине стоило на время оставить работу? Пусть врачи разводят руками, но ее матери нельзя все время быть в одиночестве!

В гостиной взгляд Силь первым делом наткнулся на рояль. Она уже знала, что он был куплен для Аннет, но сейчас старой женщине было не до музицирования. На самом деле, судя по ее состоянию, роялю суждено стать просто украшением.

Не сдержавшись, Силь открыла крышку и легонько провела по клавишам рукой. Несмотря на тревогу после того, как она увидела объявление о ее поисках, и щемящей безнадеги после посещения комнаты Аннет, ей стало легче.

С сожалением закрыв крышку, Сиэлла подошла к письменному столу. Проверила чернильницу, нашла перо. Достала бумагу.

Сев за стол, она неуверенно окунула перо в чернильницу и вывела первое слово. Возможно, ей стоит изменить почерк, раз уж ее ищут? Нет, это лишнее. Никто, кроме отца, Эви и Элис, не знает, как она пишет. И это просто записка для прачки.

Закончив, Сиэлла оставила записку на столе, чтобы чернила просохли, а сама занялась тем, что собрала грязное белье в большие узлы.

Где же ей найти посыльного? Это у себя, на улице Мятного Хлеба, она знала, куда идти. А в этой части Омирши она раньше почти не бывала.

В голову пришла мысль воспользоваться ситуацией и написать подругам. Рассказать, что у нее все хорошо, что она жива. Но почти сразу эта мысль показалась плохой. Нет. Нейтан Тинклер вполне может следить за перепиской ее подруг.

Сиэлле лучше сидеть тихо.

Очень тихо. Однажды Тинклеру надоест ее искать. Может, он найдет себе другую невесту. И тогда можно будет... вернуться?

Но что помешает отцу найти Силь нового жениха?

Зайдя в гостиную, Силь обнаружила, что, пока она занималась бельем, домой вернулся Крис. Он держал в руках ее записку. Застыв в дверях, она коротко кивнула.

– Фиалка? Это ты написала?

Сиэлла снова кивнула. Отрицать очевидное она не собиралась.

– У тебя красивый почерк, – заметил он.

А она почувствовала бегущий по спине холодок. Вот идиотка! Все же стоило изменить почерк! По нему же видно, что она не просто владеет грамотой, а училась каллиграфии! Конечно, училась не очень

прилежно, но все равно: почерк просто служанки, обученной азам грамоты, и почерк благородной леди сильно различаются.

Какая же она дура...

Кажется, она только что выдала себя с потрохами...

Уставившись в пол, Сиэлла ждала. Вердикта. Удара. Разоблачения. Но Крис ее удивил.

– Поможешь мне? – спросил он.

Силь подняла на него глаза. Он смотрел на нее с усмешкой, и его колючий взгляд опять заставил ее поежиться. Моргнув, она знаком показала, что готова слушать.

– Честно говоря, я ненавижу работать с бумагами. В участке дело не идет. Дома, надо признать, тоже. У меня накопилась куча ненаписанных отчетов. Я объясню, что делать. Ты же справишься с этим... цветочек?

Силь с силой сжала кулаки. Он же... а если он все знает? Как бы это выяснить?..

Крис сложил записку и положил в карман. Глядя, как он медленно подходит к ней, Сиэлла старалась немного расслабиться. Если он увидит, что она в панике, то точно догадается, что с ней что-то нечисто. Если уже не догадался.

Остановившись возле нее, Крис поднял руку и прикоснулся к ее щеке, заставив Силь едва ли не подпрыгнуть.

– Тихо, тихо, – ласково сказал он, проведя пальцами от уголка ее губ до виска, а затем убрав выбившуюся прядь за ухо. – Не волнуйся ты так.

Силь почувствовала, что краснеет. Эта внезапная ласка заставила дыхание сбиться. Зато теперь она может с уверенностью делать вид, что волнуется из-за него, а не потому, что скрывает нечто важное о себе самой.

Громко сглотнув, она опустила взгляд в пол, пытаясь понять, как действовать дальше.

– Не переживай, Фиалка. – Тихий голос Криса звучал над самым ухом, а его дыхание шевелило волосы. – Руки распускать не буду... если сама не захочешь.

Сиэлла почувствовала, как у нее начинают дрожать колени. Что делать-то? Будь она той, кем была раньше, она залепила бы этому мужчине пощечину за то, что он посмел прикоснуться к благородной

леди, но сейчас... сейчас она просто немая служанка. И ее ищут. Ей нельзя ссориться с обитателями дома. И с Крисом в первую очередь.

В голове всплыли слова Эрика о том, что Крис обязательно так сделает и ей нужно просто показать ему, что она не хочет. Да и он сам только что сказал о том, что не будет распускать руки.

Вздыхнув, Силь сделала шаг назад, упершись спиной в стену. Дальше отступать было некуда, а вот рука Криса с ее лица никуда не делась. Он нежно гладил ее подбородок большим пальцем, не пытаясь, впрочем, поднять ей голову и заставить смотреть в глаза.

– Никуда не уходи, цветочек, – шепнул он. – Сейчас я разберусь с посыльным и вернусь. И мы поговорим, хорошо?

«О чем?» – чуть не спросила Сиэлла. Но вовремя вспомнила, что она – немая.

Она – немая.

Крис убрал руку и вышел из гостиной, а Силь, не в силах больше держаться на ногах, сползла по стене вниз.

Эрик говорил, что его друг не будет ничего делать насильно. Значит, нужно просто показать, что она не собирается крутить шашни с хозяином дома. И тогда Крис от нее отстанет. Или Сиэлла думает неправильно? Может, стоит этим воспользоваться? Покровительство заклинателя духов – это то, что ей сейчас не помешает... небеса, неужели она сейчас думает серьезно?

Нет, нет, нет...

Нужно понять, что для нее важнее: избежать возвращения домой или сохранить... А что ей хранить? Эдж мертв, с ним же умер ее голос. Ее душа. Она просто хочет покоя. И она нашла покой. Здесь, в этом доме.

Хочет ли она оставаться немой служанкой всю жизнь?

С другой стороны, выбора у нее нет. Мысли о возвращении домой и черном взгляде Нейтана Тинклера все еще вызывают дрожь и неприятие.

А мысль о прикосновениях Криса?

То ли посыльный стоял возле крыльца, то ли Сиэлла потеряла счет времени, но Крис вернулся слишком быстро. Обнаружив ее сидящей у стены, он, кажется, растерялся.

– Цветочек, ты чего? Боишься меня?

Не поднимая головы, Сиэлла покачала головой. Нет, она его не боится. Она просто не может понять, что ей делать. Гнетущая мысль о том, что всю оставшуюся жизнь ей предстоит прислуживать, хотя она рождена графиней, не выходила из головы.

Нет. Она не совершила ошибку.

Она все сделала правильно. Здесь она обрела покой, а значит, эта жизнь не так уж плоха. Это все остатки предрассудков и высокомерия.

Она избавится от них однажды. Забудет, кем была рождена.

Крис встал напротив нее и протянул руку.

– Вставай, – властно сказал он.

Силь приняла его помощь, снова чувствуя, что краснеет. Она ведь так и не решила, что делать!

– Ты очень волнуешься, – сказал Крис. – Не надо. Вообще-то я хотел поговорить о деле. Но ты так забавно краснеешь, цветочек, что невозможно удержаться и снова тебя не смутить.

О деле? Силь наконец решилась посмотреть ему в глаза. Они были все такими же колючими. А еще – озорными. Ему определенно нравилась та реакция, что демонстрировала Силь.

– Отчетов будет много. – Подведя к дивану, Крис усадил ее, а сам начал ходить по комнате. Время от времени он касался рояля, оставляя на его полированной поверхности следы пальцев. – За каждый из них я буду платить тебе по четверти серебрянки. Сверх того жалованья, что ты будешь получать за свою основную работу. Что скажешь?

Деньги... деньги ей могут понадобиться. Если хозяева этого дома узнают, кто она, ей снова придется бежать. Но она не вернется домой.

Не вернется. Никогда.

Силь согласно кивнула.

– Хорошо. – Ее согласие Крису определенно понравилось. Он остановился и побарабанил пальцами по роялю, глядя на нее со странным выражением. А потом внезапно заявил: – Знаешь, говорят, что все менталисты предпочитают виски. И, судя по тому, что я видел, это правда. Хорошо, что я не менталист, а заклинатель. Поэтому мы с тобой выпьем кое-что другое.

Он подошел к шкафчику с напитками и вытащил оттуда бутылку игристого вина и два бокала. Поставив бокалы на рояль, он откупорил бутылку и разлил пенящуюся жидкость.

Подошел к Силь и протянул один бокал ей. Она вопросительно посмотрела на него.

– В честь удачного соглашения, – продолжая озорно смотреть на нее, пояснил он.

Силь медленно протянула руку и взяла бокал, не понимая, чего он от нее добивается. С одного глотка она не опьянеет, да и не верилось ей, что детектив собирается ее напоить.

Сделав маленький глоточек, Силь сжала бокал в руке. Крис продолжал стоять, возвышаясь над ней и не сводя с нее взгляда. Она смотрела на него.

– Ты очень красивая, Фиалка, – сказал он, заставив ее опустить взгляд и допить содержимое бокала. – Молодец.

Он опустился на корточки и забрал бокал из ее руки.

– Хочешь еще? – спросил он, насмешливо глядя на нее. Его взгляд замораживал.

Сиэлла мелко потрясла головой, показывая, что ей хватит.

– Хорошо, – усмехнувшись, сказал он. Кажется, его совершенно не удивил ее отказ.

Силь накрыло странное чувство, что она сделала какую-то ошибку. Фатальную ошибку. Намного хуже, чем красивый почерк благородной леди.

Он поднялся на ноги и снова оказался у рояля. Выпив свой бокал залпом, он налил еще. А потом повернулся к двери.

– Тина, я хочу, чтобы ты взяла отпуск. – Его тон больше не был насмешливым или озорным. Да и взгляд снова стал ледяным. Он смотрел на появившуюся в дверях сестру крайне неодобрительно.

– С чего это? – фыркнула Тина, заходя в гостиную. Одарила Сиэлла высокомерным взглядом, но ничего не сказала о том, что служанке не пристало рассиживаться на диване, когда в доме столько работы.

– Матери совсем плохо.

– Я ей ничем помочь не могу.

– Ты можешь быть рядом, – напомнил Крис.

Тина остановилась рядом с братом и налила в бокал Сиэллы игристого вина.

– Ты тоже, – ответила она.

– Сестренка, поверь, если бы я мог, я бы ушел. Но с этим Тузом... этим делом уже весь первый участок занимается. Остальные дела раскидали по другим участкам. Если я сейчас попрошу отпуск, меня просто уволят.

– Что, теперь будешь каждый день улицы патрулировать? – фыркнула Тина. – Что-то не помогают ваши патрули, хм?

– Мы сейчас не про патрули. Я прошу тебя позаботиться о нашей матери.

– Я не могу оставить фонд! – воскликнула Тина. – Или ты забыл, что только благодаря моей работе там мы вылезли из долговой ямы полтора года назад?

– Тина... – укоризненно покачал головой Крис. – Не надо.

– Что «не надо»? – Она вздохнула. – Ладно. Я попробую... Возможно, меня поймут. Как же не вовремя мама заболела!

Выпив колючее вино залпом, Тина снова посмотрела на Силь.

– У тебя работы нет? – зло спросила она, но Сиэлла не винила ее за это. Это была злость не на служанку. А на жизнь. На несправедливость. Силь помнила, какие чувства ее одолевали, когда умерла ее мама...

Поднявшись с диванчика, Сиэлла коротко поклонилась и вышла из комнаты, жалея лишь об одном.

Крис так и не рассказал, что за отчеты ей требуется написать.

На кухне опять был погром: кухарка Шейла совершенно не умела готовить аккуратно. Она уже собиралась домой, высокомерно сказав Сиэлле, чтобы та убралась к завтрашнему дню. Пожалуй, из всех обитателей этого дома именно кухарка всю пользовалась немотой Силь.

Сиэлла не стала воротить нос и кротко кивнула, показывая, что все сделает. Дождавшись, когда Шейла уберется восвояси, Силь заварила чай и занялась тем, что выложила на поднос тарелку с жарким, ячневую крупу и поставила стакан с отваром из трав.

Надо было накормить Аннет, если уж ее собственным детям не до нее.

Но в комнате хозяйки оказалась Тина. Она сидела возле кровати матери, держа ее за руку, и, судя по всему, плакала.

– Поставь на стол и уходи, – приказала она Силь. – Я сама. Нам с Крисом накроешь в столовой.

Сиэлла исполнила приказ. Столовая в этом доме была совсем небольшой, и ею нечасто пользовались, предпочитая принимать пищу в своих комнатах. Наверное, Тина и Крис хотят поговорить.

Пока Сиэлла накрывала на стол, в столовой появился заклинатель. Он внимательно смотрел, как она расставляет тарелки и раскладывает столовые приборы. Под его взглядом Сиэлле, как всегда, стало холодно. Уж очень он у него был колючий.

– Я положил на стол папку, – когда Сиэлла закончила, сказал он. – И приготовил бумагу. В папке найдешь пример, по которому и будешь писать. Тебя не пугают описания трупов?

Силь застыла.

Она только сейчас поняла, что, скорее всего, получит доступ к материалам дела по Тузу. Может, ей удастся найти что-нибудь?

– Цветочек, если кровь на бумаге тебя пугает, тогда...

Сиэлла судорожно затрясла головой. Нет, ее не пугают описания трупов. Тем более она видела... видела Элджа.

– Хорошо. Твой хозяин многое потерял, да?

Силь вопросительно посмотрела на Криса. Он усмехнулся.

– Ты – просто сокровище.

Она улыбнулась, показывая, что ей нравится комплимент. Ей не терпелось приступить, но она решила, что этим лучше заняться вечером. Это – только для Криса, а у нее еще есть дела по дому.

Она убралась на кухне, вычистила ковер в комнате Тины (на нем всегда было столько песка, что казалось, будто молодая женщина его специально приносит), отполировала зеркало в ванной комнате, и, только когда полностью стемнело, а Крис отправился в патруль, решила, что пора.

Лишь наткнувшись на отчет мастера смерти, она поняла, почему Крис спрашивал про трупы. Оказывается, всех жертв Туза еще и вскрывали. И кое-что нашли. В желудках первых четырех жертв оказалось ягодное вино, в котором был растворен опиум. Значит, убийца сначала опаивал своих жертв. Наверное, для того чтобы они шли сами... они шли сами!

И Элдж – тоже. Сиэлла представила, как ее любимый покорно шел на заклятие, и ей стало дурно. Отбросив папку, она кинулась в комнату, где ее долго и изнуряюще тошнило над ведром.

Кажется, она переоценила себя. Нужно как-то отрешиться от этого. Не думать, что одной из жертв был Эдж. Забыть об этом. Внушить себе, что он просто уехал.

Но получалось плохо. Вернувшись, она снова начала читать и выяснила нечто, чего не было в газетах. Ягодное вино было в желудках только у первых четырех. Пятая жертва, очевидно, отказалась, или убийца стал более осторожен.

А еще – убийца оставлял не только тузов. Он оставлял и прочие карты той масти. Засовывал их поглубже в тело. Колодой. В строгом порядке от короля до двойки.

Видения мертвого Эджа преследовали ее. Дважды ей приходилось бежать к ведру, где ее тошнило желчью. Но она упрямо возвращалась. И читала. И писала отчет.

Она должна это пересилить. Ради того чтобы Эдж был отмщен. Уже не важно, кем окажется Туз, хотя уверенность, что убийца – это Тинклер, ее не отпускала. Не важно. Она поможет посадить эту тварь в тюрьму. И если понадобится – вернется к отцу. И использует все свое влияние, чтобы Туза казнили. Даже если этим Тузом окажется младший брат мэра.

Листая страницы в толстой папке, Сиэлла выяснила еще кое-что. Туз отрубал пальцы именно той руки, что была рабочей. Эдж был левшой, и именно левую руку изуродовал убийца.

Все жертвы играли накануне. Все они – проигрались. Проиграли собственную жизнь?

«Ты знаешь, как я ненавижу игроков. Ты не будешь одним из них, обещаю!»

Зачем он пошел играть? Она же просила его этого не делать. Ей не нужны были деньги! Ей нужен был он! Только он...

Слезы капали, стекали с подбородка, превращались в соль... свечи почти полностью догорели, когда Сиэлла все-таки закончила. Часы показывали три утра.

За эту ночь она написала пять отчетов. Оставив их поверх папки, она побрела в комнату, не раздеваясь, упала на кровать и мгновенно заснула.

Ей снился Эдж. Он улыбался ей кровавым ртом и пытался что-то сказать. Сиэлла протягивала к нему руки в тщетной попытке обнять его, но у нее ничего не получалось. Он тоже тянул к ней руку. Левую,

с отрубленными пальцами. И что-то шептал. Слов было не разобрать, но Силь пыталась. Однако слышала лишь вой ветра и шелест песка, бьющегося в окна.

Это ее и разбудило.

Как ни странно, проснулась она рано. В голове царил пустота. Глаза слипались, но нужно было вставать. Она – служанка и не может позволить себе проваляться в постели до обеда. Кое-как умыв лицо, Силь поправила платье и вышла из комнаты.

Заглянув к Аннет, она обнаружила, что сегодня той стало немного лучше. Женщина сидела в постели и читала книгу.

– Фиалка? Хорошо, что ты пришла. Завари мне чаю с ромашкой, хорошо? Тина почти всю ночь у меня просидела, а Крис только недавно вернулся из патруля.

Кивнув, Силь отправилась на кухню. Кухарки еще не было, но завтрак в этом доме готовили сами. Или поручали это Сиэлле, пусть готовить у нее получалось из рук вон плохо.

Она разожгла огонь в печи и поставила на нее чайник и кастрюльку с яйцами. Нарезала хлеб и немного поджарила его. Достала мед и вишневое варенье.

Когда все было готово, принесла женщине полноценный завтрак. Аннет была неприхотлива, будто стесняясь просить служанку о чем-то большем, чем чашка чая. Но Силь хотелось сделать ей приятное. И Аннет оценила, даже несмотря на то, что хлеб немного подгорел.

– Ты очень хорошая, Фиалочка, – увидев поднос с едой, произнесла Аннет.

Сиэлла подарила женщине улыбку. Она была совсем не уверена в своей «хорошести». Потому что ночные бдения и страшный сон дали свои плоды. Она поняла, что ради собственного покоя готова многим пожертвовать. И многое забыть.

Элдж – мертв. Ее душа умерла вместе с ним. Но при этом она продолжает жить. И, кажется, даже хочет жить. Просто еще не знает как.

Возможно, уйдя из дома, Сиэлла обрела нечто большее, чем свободу. Она обрела возможность выбирать.

Главное – сделать все правильно. Возможно, ей стоит подкупить денег и все-таки покинуть Омиршу? Здесь слишком много знакомых.

Но ей нужны деньги. Много денег.

И она найдет способ их достать. Даже готова сесть за карточный стол...

Пришла прачка. Сиэлла отдала ей узлы с грязным бельем, а потом, пока обитатели дома спали, решила все-таки немного подремать. Голова кружилась, а руки до того ослабли, что, неся поднос из комнаты Аннет до кухни, Силь два раза чуть его не уронила.

Но в комнате ее ждал сюрприз. На ее тумбочке лежали деньги. Пять ассигнаций достоинством в четверть серебрянки. Значит, Крис проснулся и увидел, что Сиэлла выполнила его просьбу.

Сев на кровать, она бездумно уставилась на стену напротив. Глаза закрывались сами собой, но теперь спать было нельзя. Она – служанка, ей нельзя спать.

Она должна работать.

Вот только много денег она так не заработает. Да и для ставки того, что у нее есть, маловато. Говорят, новичкам везет... Сиэлла представила себя входящей в игорный дом. Платье должно быть красивым. Фиолетовым, отделанным полудрагоценными камнями. Серьги лучше надеть с аметистом. Подойдет к платью. Столы в игровом доме обиты зеленым сукном. Здесь накурено и пахнет духами, одеколоном, потом и виски. Слышится звон бокалов, тихие разговоры, стук костей...

А еще за одним из столов сидит ее кошмар. Нейтан Тинклер. По правую руку от него стоит бокал с виски. Лед в нем почти растаял. Тинклер держит в левой руке карты. И улыбается, глядя на своих партнеров по игре. Его черные глаза цепко смотрят на мужчину напротив.

– Иду на все, – говорит мужчина. – Ну же, Тинклер! Или боишься?

Нейтан скусающе смотрит вокруг, будто разом потеряв интерес к игре. Сиэлла видит его руки. Манжеты белоснежной рубашки выглядывают из-под рукава черного сюртука. Сегодня они чистые. Крови нет.

– Пас. – Нейтан бросает карты на стол, и Сиэлле видно, что его комбинация была более выигрышной. Почему он сдался?

Ей становится страшно. Холод пробирается по ее спине, хватает за шею и сдавливает. Нечем дышать. И Сиэлла знает почему. Потому что Нейтан смотрит на нее. Тьма из его глаз пленила ее.

Она задыхается.

– Я найду тебя, – говорит Тинклер.

Сиэлла стонет, пытаясь вырваться из объятий тьмы, но ее держат крепко. Песок заметает все вокруг. И песок этот – красный. Он напитан кровью. Он пахнет ржавчиной.

Сиэлла стонет и рыдает, и тьма начинает ее трясти.

– Проснись! – слышит она.

И просыпается.

Нет никакого игрового дома. Нет столов, обтянутых зеленым сукном. Нет Нейтана Тинклера. Открыв глаза, она обнаруживает, что ее обнимает Крис.

Она замерла, испуганно глядя на него, а потом забилась в его руках, тоненько постанывая от страха. Она кричала? Она что-то говорила во сне? Почему его руки так крепко ее сжимают? Она выдала себя, да?

«Я найду тебя...»

Тинклеру и не нужно ее искать... ее приведут к нему. Как свинью на заклятие.

– Тихо, цветочек, ты чего? – продолжая обнимать ее, прошептал Крис. – Вот тебя скрючило... Больше, пожалуй, я тебе отчеты не дам писать... кошмары, да?

Сиэлла замерла, настороженно вглядываясь в льдистые глаза детектива. Пытаясь понять: выдала она себя или нет. Но ничего так и не смогла прочитать в его взгляде. Только холодно стало. Опять.

– Кивни, если все нормально.

А если не нормально? Она же якобы немая, она не может сказать, что ее сердце колотится как сумасшедшее, а внутри все подрагивает от ужаса.

«Я найду тебя...»

– Понятно. – Крис поджал губы. – Сиди здесь и не дергайся, поняла?

Сиэлла мелко покивала.

Он перестал ее сжимать и поднялся на ноги.

– Сейчас приду, – коротко бросил он, быстро выходя из комнаты.

Дышать все еще было трудно. Как будто пальцы тьмы, вытекшей из глаз Тинклера, до сих пор сжимали горло.

Нет никакой тьмы. Нет. Она просто случайно заснула, и ей приснился кошмар. Надо успокоиться. Успокоиться и понять: кричала ли она или просто стонала? Ведь Крис не просто так оказался в этой комнате. Значит, его внимание что-то привлекло. Как бы понять это. Может... может, написать записку?

Небеса, за что? Почему она заснула так не вовремя? Ей нужно быть незаметной и прилежной служанкой, а теперь... она заснула днем! В доме столько работы, а она – спала! Надо как-то убедить хозяев, что такого больше не повторится!

Она справится.

Справится со всем.

Крис вернулся быстро. В руках он держал бокал с какой-то янтарной жидкостью.

– Пей, – поднеся его к губам Сиэллы, приказал он.

Она сделала глоток и закашлялась. Горло обожгло огнем, а нутро будто взорвалось от жара. Но спустя мгновение стало намного легче. Чувствуя привкус напитка, Силь непроизвольно облизала губы.

– Да уж... виски тебе явно понравился, – констатировал Крис, убирая бокал. – И помог, да? Вроде перестала дрожать. Мне страшно представить, что тебе снилось, цветочек.

Сиэлла нахмурила лоб и вопросительно посмотрела на Криса.

– Когда я зашел, ты дергалась как в припадке, – сообщил он. – И хрипела, будто тебя душат.

Ее и душили. Нейтан... его тень во сне...

Силь снова облизала губы и, протянув руку, положила ладонь на запястье Криса, надеясь, что этот жест будет воспринят как благодарность, а не заигрывание.

Тот замер на миг, а потом усмехнулся.

Допил содержимое бокала и поморщился.

– Как Ифрит это бутылками употребляет? Фу! Ладно, цветочек, я пришел сказать тебе, что мы уходим. Маме немного лучше, а ветер стих. Немного погуляем по парку. Пока нас нет, поменяй, пожалуйста, постель. Везде.

Силь кивнула.

– Вот и хорошо, – заключил Крис. – Не скучай, цветочек. И больше меня так не пугай, хорошо?

Когда он вышел из комнаты, Сиэлла поднялась на ноги. После виски ее немного шатало, хотя она вроде бы выпила всего лишь глоток. Надо собраться.

Справиться с этим. Нейтан не найдет ее здесь, если только хозяева ее не узнают. А для этого Сиэлле нужно вести себя тихо.

О, если бы она только знала, как избавиться от этих кошмаров! Пожалуй, она многое отдала бы за то, чтобы Тинклер перестал ее преследовать хотя бы во сне. А еще... еще она хотела, чтобы Элдж тоже перестал ей сниться. Каждое его явление приносило боль. Она и так не сможет его забыть.

Выйдя из комнаты, Сиэлла пошла в комнату Аннет, решив начать оттуда.

В глубине души она знала, что нужно сделать, чтобы ее разум перестал выкидывать подобные фокусы.

Она должна найти Туза.

И она его найдет.

Поменяв постели хозяев, Сиэлла заглянула на кухню. Кухарки не было, но, судя по беспорядку, она просто уже ушла. В одной из кастрюль оказался легкий куриный бульон, и Силь налила себе немного. При мысли о чем-то более сытном желудок сворачивался, а к горлу подкатывала тошнота.

Ладно, ничего страшного. В конце концов, ей не носить свадебное платье, которое дарил Нейтан. И уже давно не важно, висеть оно на ней будет или сидеть... черт, да она в принципе его никогда не наденет!

И хватит думать о Тинклере!

«Я найду тебя...»

Сиэлла поймала себя на мысли, что хочет хорошенько побиться головой о стену, чтобы вышибить эти воспоминания... точнее, не воспоминания, а просто сны. Это просто сон.

Никто, даже самые сильные ментальные колдуны не способны проникать в сны. Тем более на расстоянии. А Тинклер – простой игрок, сколотивший состояние с помощью покера. Не будь он братом мэра – его бы выкинули из всех приличных заведений Омирши. И высшее общество... да какое Силь дело до этого высшего общества?

Она теперь – немая служанка.

А еще – сейчас она одна в доме. Больше никого нет.

Ноги сами понесли ее в гостиную. Рояль манил ее к себе. Она просто возьмет пару аккордов. Может, музыка... совсем немного музыки ее успокоит? Почувствовать дребезжащий звук си-бемоль, вернуться на пару мгновений в то время, когда жизнь казалась если не счастливой, то простой...

Когда она была уверена, что отец ее любит.

Она просто возьмет пару аккордов.

Почувствует клавиши под своими пальцами. Огрубевшими от тяжелой работы, но ведь это не важно, правда?

Фа мажор. Ля минор. Ре минор. Си-бемоль мажор. Соль минор. Квартсептаккорд и... ре минор.

Когда она успела устроиться на стульчике и протянуть ногу, поставив ее на педаль легато? Когда ее руки умудрились запорхать над клавишами?

Ее голос умер.

Или нет?

Так мило начиналось все сначала.

Горел огонь, и музыка звучала.

Наверно, потому-то ты и рад.

И слезы счастья на глазах блестят...

Ведь счастье не ушло куда-то вдаль.

И нас не угнетает та печаль...

Сначала связки отказывались повиноваться ей. Но ко второму куплету она распелась.

Так мило начиналось все сначала.

Не знаю почему, но лжи мне мало.

Я не хочу терять той правды миг.

Как жаль: все говорят не напрямик.

Как жаль мне, что нельзя не запретить

Всем лицемерам правду говорить...

Почему она выбрала именно эту песню? Ей никогда не нравилась эта ода о правде и лжи. Но петь любимую песню, которая навек стала

для нее гимном любви к Элджу, она не хотела.

Так мило начиналось все сначала.
И жаль тебе, что время не настало,
Когда все будут знать, где ложь, где фальшь.
За правду и гроша ты не подашь.
Ведь в этой жизни правда не в цене.
Мы говорим: «Не знаю!», значит: «Нет».

Возможно, эта песня пришла ей в голову, потому что она утонула во лжи? Что осталось в ней настоящего? Она больше не дочь графа, не милая девушка, которая мечтала петь и сочинять песни, не невеста одного из самых отъявленных негодяев Омирши.

Нет.

Она просто немая служанка, которой вздумалось немного развлечься в отсутствие хозяев.

Так мило начиналось все сначала.
Горел огонь, и музыка звучала.
Как жаль, что ты не знал, что значит боль.
Ведь ложь для этой жизни будто соль.
Ведь правду говорим мы лишь тогда,
Когда за нами гонится...
Беда...

Последний звук замер. Растворился в тишине гостиной. Жаль, что звуки живут так мало. Наверное, поэтому отец и считал талант Сиэллы совершенно бесполезным.

Глубоко вздохнув, Силь закрыла крышку. Ласково провела по полированной поверхности, благодаря свой родной инструмент за ту каплю жизни, что появилась в ней сейчас.

– Сиэлла Ремур... – раздалось за спиной.

И Силь почувствовала, как летит в пропасть.

Даже если бы она очень сильно захотела, она бы сейчас не смогла подняться на ноги. Опершись о рояль одной рукой, Силь повернулась.

– Ну что ты молчишь? – Крис смотрел на нее с торжеством. – Теперь я точно знаю, что ты можешь говорить.

Когда же она увидит дно бездны, в которую падает? Голова кружилась, а глаза застилала темные пятна. Упасть в обморок, пожалуй, было бы лучшим выходом. А потом она проснется – и рядом уже будет Нейтан Тинклер.

Что же она натворила... Беспечность... как она посмела быть такой беспечной? Идиотка.

Крис нахмурился. Кажется, он понял, что с Сиэллаой что-то не так. И только когда он сделал первый шаг по направлению к ней, она будто очнулась. Взвизгнув, она вскочила со стула и, обогнув рояль, бросилась к камину. Взяв в руки шуровку, она замахнулась и крикнула:

– Не подходи!

Крис замер. На его лице расплывалась улыбка. Не выдержав, он расхохотался.

– Цветочек, ты помнишь, кто я? Мне не надо к тебе подходить. У меня есть духи.

Часто дыша, Силь попятилась, продолжая сжимать шуровку в руках. Она не представляла, что ей делать.

Можно было сколько угодно корить себя. И она так и делает. Потом. Потом, когда выберется из этой передрыги, в которую сама себя загнала. Правда, она еще не знает, как это сделать.

Крис немного успокоился. Перестав посмеиваться, он сделал еще один шаг.

– Я советую тебе опустить эту штуку, – доверительно сказал он. – Пока что тебя разоблачил только я. Тина и мама еще гуляют. На самом деле я вернулся, зная, что раскрою тебя.

– З-зная? – заикаясь, переспросила Силь.

– Да. – Крис пожал плечами. – Не буду врать: тебя выдало игристое вино, хотя красивый почерк сразу меня насторожил.

Понимая, что выглядит глупо, Сиэлла опустила шуровку.

– Почему игристое вино? – устало спросила она.

Силы покинули ее. Ей не совладать с заклинателем духов. Она в ловушке.

– Хорошая девочка. – Крис одобритительно кивнул. Потом медленно подошел к бару и плеснул себе в бокал коньяка. – То, что ты скрываешься, было понятно. Служанка из тебя вышла старательная,

но, прости уж, неумелая. То, что ты делала за целый день, простая служанка делает за утро. Но, как сама видишь, нашей семье выбирать не приходится. Многие боятся заклинателей, да и за то жалованье, что я тебе предложил, не каждый согласится работать. Когда объявление о твоей пропаже появилось в первый раз, у меня мелькнула мысль, что это ты, но портрет был не похож, да и предположение, будто в моем доме трудится графская дочь, показалось мне абсурдным. Пока я не увидел записку.

– Ты говорил про игристое вино, – безучастно напомнила Сиэлла. В голове царил полная пустота.

Крис пригубил из своего бокала.

– Ты так мило краснела, цветочек... я был очарован. Но все больше понимал, что ты совсем не проста. Потому что любая на твоём месте воспользовалась бы этим. Пусть я и не знатен, но я работаю в магполиции, более того – в первом участке. А это значит, у меня есть деньги. Бедная, несчастная сиротка, которую ты из себя строила, уж точно не стала бы воротить нос. Но да – окончательно убедился я в своей правоте, когда предложил тебе игристого вина.

– Что не так? – Сиэлла почувствовала, что ноги отказываются ее держать. Накатила полная апатия. Ей вдруг стало все равно, что он скажет. Все равно, что будет дальше.

Потому что ничего хорошего ее уже не ждет. Даже покой и тот больше не существует. Покой она обретет только в могиле.

– Все не так, дорогая. Служанки, да будет тебе известно, не знают вкуса игристого вина. А это значит, что пузырьки на языке для них новинка. Ты же пила из бокала так чинно, что я уже и не сомневался, кто передо мной.

– Почему ты вчера меня не разоблачил? – тихо спросила Силь.

И в этот момент послышались звуки в коридоре. Вернулись Тина и Аннет.

Крис стремительно преодолел разделяющее их расстояние и зашептал ей на ухо.

– Обсудим вечером. Когда все лягут спать. Придешь ко мне, поговорим. Договорились?

Сиэлла подняла на него глаза, пытаясь понять, чего он добивается.

Неужели хочет, чтобы она заплатила за молчание своим телом? Он же говорил, что якобы очарован.

– Не боишься, что я сбегу?

Крис хмыкнул.

– Тебе некуда бежать, цветочек. Да и кто сказал, что я собираюсь выпустить тебя из своего поля зрения?

Ответить Силь не успела. В гостиную зашли Тина и Аннет.

– Крис! – Тина нахмурилась, укоризненно глядя на брата. – Не приставай к служанке, пожалуйста. Где ты еще такую дуру найдешь, которая полночи за тебя отчеты писать будет?

– А кто тебе сказал, что я пристаю? – парировал он. – Я тут кое-что любопытное узнал о нашей служаночке. Вернулся-то раньше вас.

Тина посмотрела на Сиэлла. В ее глазах сквозило отвращение.

– Что, последнее серебро хотела стащить? – прошипела она.

– Как ты можешь так плохо думать о Фиалке! – Крис усмехнулся. – Нет. Серебро на месте. Но, пока нас не было, эта девушка решила немного развлечься. У нее неплохо получается играть. Жаль, что не в покер. И... пока мама не в силах сама... сесть за рояль... – Глаза Криса стремительно темнели. Все в этом доме понимали, что Аннет, тяжело опирающаяся на руку дочери, вряд ли уже сможет играть. – Фиалка может ее развлечь. Ты ведь не против поиграть на рояле, цветочек?

– Играть? – Тина нахмурилась. – Ничего себе. Где она этому научилась?

– Я как раз выяснял этот вопрос, когда вы пришли, – хмыкнул Крис.

– И как? Много выяснил? Она же немая! – фыркнула Тина.

– Это создает определенные проблемы, – серьезно ответил Крис, буравя Сиэлла своим морозным взглядом. – Жаль, что я не менталист.

– Попроси Эрика ее «почитать», если тебе так интересно. Ты правда умеешь играть? – спросила Тина, обращаясь к Силь.

Сиэлла медленно кивнула, совершенно запутавшись в том, что происходит. Реальность превратилась в смятый лист бумаги, на котором когда-то была написана ее жизнь. На сломах и сгибах мелькали слова. Игра на рояле, карминовая помада Элис, злые слова отца, Эдж, шепчущий ей что-то кровавым ртом, Нейтан Тинклер...

«Я найду тебя...»

Эрик, мечтательно рассказывающий о своих свадебных планах, Туз...

«Кивни уже...»

– Отойди от нее, Крис, – попросила Тина, помогая матери сесть на диван. – Девчонка дрожит, как листок на ветру.

Еще раз обдав Сиэлла холодом своего колючего взгляда, Крис отвернулся, а потом и вовсе вышел из комнаты, будто забыв о своем обещании не спускать с нее глаз.

Силь оперлась о стену. Мысли текли вяло, неспешно. Ей казалось, что она все-таки куда-то летит. Или плывет по реке, отдавшись течению.

– Ты прости его, – сухо заметила Тина. – Мой братец, как и любой мужчина, любит хорошеньких девушек. Если он начнет к тебе приставать, дашь мне знать, я его быстро приструню.

Силь почему-то стало смешно. Но смеяться было нельзя. И она подарила Тине беспомощную улыбку.

Беспомощность – вот как можно это все описать. Сейчас от нее, по сути, ничего не зависит. Все зависит от Криса.

Или же?..

Может, выбор все-таки за ней? Если она вернется домой, ее ждет свадьба с Тинклером. В этом не стоит сомневаться, ведь именно он заплатит пять тысяч золотянок тому, кто ее найдет. А что, если ей попробовать воспользоваться тем, что у нее не отнимет даже ее глупая голова? Крис сказал, что он очарован.

Выбор, получается, есть?

Нет, это не ее мысли, она не будет так делать. Не будет.

Не будет.

– Фиалочка, что с тобой? – Слабый голос Аннет вывел ее из раздумий. – Ты бледна...

– Наш Туз ее запугал... – недовольно проворчала Тина.

Аннет внезапно часто и хрипло задышала.

– Мама? Что с тобой? – взволнованно спросила Тина и бросила Сиэлле: – Воды принеси, быстро!

Силь бросилась на кухню. Одним махом налила в стакан воды и вернулась в гостиную.

– Скорей! – Тина схватила стакан и приставила его ко рту матери. – Выпей... мама, да что с тобой?

Из глаз Аннет текли слезы. Она уже не хрипела. Она стонала. Казалось, что ей очень больно, и именно от боли она плачет. Она

зажмурилась, лицо ее исказила гримаса страдания.

– Мамочка... что с тобой?.. Убирайся, Фиалка, уйди!

Силь стало страшно. И больно. Она вдруг подумала, что Аннет хочет умереть. Избавиться от боли. И обрести покой.

Чувствуя себя лишней, Сиэлла мелкими шажками попятилась.

– Ты не слышала? Уходи! – видя, что Силь все еще в гостиной, ощерилась Тина. В ее голосе слышалось отчаяние.

Ощущая, как слезы жгут глаза, Сиэлла бросилась прочь. Надо сказать Крису, что его матери стало плохо... она теперь может говорить. Пока – только с ним.

Коротко постучав, она открыла дверь его комнаты и обнаружила, что Крис сидит на застеленной кровати и держит в руках газету. В глаза бросился портрет.

– Совсем на тебя не похож... – усмехнувшись панике в ее глазах, сказал он.

– Там... Аннет плохо, – прошептала Сиэлла.

Крис сглотнул. Взгляд его перестал быть колючим или насмешливым. Теперь в нем была тревога. Отбросив газету, он проскользнул мимо нее, оставив одну.

Силь взяла газету в руки и уставилась на объявление о своей пропаже. Пять тысяч золотянок... это очень большая сумма. Пожалуй, за такие деньги можно купить небольшую комнатку в доходном доме. Погасить долги... или вызвать лучших целителей из столицы, чтобы вылечить больную мать.

Пожалуй, если бы она знала точно, что Аннет можно помочь, она и сама бы это предложила. Ради спасения жизни она, пожалуй, была готова вернуться в объятия жениха. Совершенно забыв о своих обязанностях служанки, Силь села на кровать, где только что сидел Крис, и уставилась на объявление.

Пять тысяч золотянок.

Надо признать, в щедрости ее жениху не откажешь. Пожалуй, даже приятно, что он так высоко оценил ее... стоимость.

Грустно посмеявшись про себя над тем, что она уже и сама рассматривает себя как товар, Сиэлла бросила газету на покрывало и закрыла лицо руками.

Мысли смешались, спутались, будто клубок ниток, связались в узелки, делая невозможным вычленить хоть что-нибудь. Желательно –

главное.

Сейчас она может покинуть этот дом. Воспользоваться моментом, пока Крис и Тина заняты. Пока они пытаются хоть как-нибудь помочь своей матери. Это будет, наверное, подло? После искреннего предложения Тины по поводу «приставаний» брата Силь казалось бесчестным уходить вот так.

А как надо? Попрощаться? Но тогда ей не выбраться. Крис ее не отпустит. Он точно знает, кто она, и он точно знает, сколько может за нее получить.

А если задуматься – куда ей идти? Это той ночью ей повезло и она встретила тех, кто помог. А сейчас? У нее недостаточно денег даже на билет на поезд. Не важно куда.

И что ей остается? Просить милостыню? Или все-таки украсть серебро из дома тех, кто отнесся к ней по-человечески несмотря на то, что она – безмолвная служанка?

Вот это точно будет подло... Как такие недостойные мысли вообще приходят ей в голову?

Просидела она так долго. Уже не просчитывая, а просто ожидая. Никто ее не звал, и Силь догадывалась, что о ней просто забыли. Когда пришел лекарь, она продолжала сидеть в комнате Криса. Почему-то ей казалось, что, если она сейчас возьмется за работу, ее не поймут. В доме было тихо, и до Сиэллы доносились приглушенные голоса Тины, Криса и лекаря в комнате Аннет. А потом затихли и они.

Шаги в коридоре были почти неслышными, и Силь вздрогнула от неожиданности, когда в комнату вошел Крис. В его глазах она увидела жуткую усталость. И затаенное горе. В руках он держал початую бутылку коньяка.

– Мама заснула, – без выражения сказал он, сев рядом. Прямо на газету. – Тину я тоже отправил спать. День, конечно, но она... они обе очень устали.

– Ты тоже не выглядишь бодро... может, я могу чем-нибудь помочь? – осторожно спросила Силь.

Крис шмыгнул носом и уставился на стену. Глотнул из бутылки.

– Я был уверен, что ты сбежишь, – заметил он. – Что ты здесь делаешь до сих пор?

Силь протянула руку и положила на его запястье. Кажется, сегодня утром она делала так же.

– Жду тебя, – сказала она очевидное.

Уголок рта Криса дернулся, будто он хотел улыбнуться, но передумал.

– Ты меня дождалась. Что дальше?

Силь легонько сжала пальцы.

– Это ты мне скажи, – тихо прошептала она.

Глава 5

Назвать это место рестораном можно было лишь с большой натяжкой. Да и баром тоже. Помещение было темным, столы – покрыты застарелыми пятнами, а стул, на котором сидела Сиэлла, так сильно качался, что ей казалось, будто она не сидит, а висит в воздухе.

Заведение «Пирожок с начинкой» слыло самым худшим в Омирше. И, как выяснила Силь, этим воспользовались не только представители дна, но и предпочитающие более роскошную обстановку.

«Пирожок с начинкой» был нейтральной территорией, где никому ни до кого не было дела. И сейчас это место идеально подошло.

– Вот знал я, цветочек, что непростая ты. – Эрик бесстрашно откинулся на стуле и прихлебывал черный, как тоска, кофе.

Силь потупилась.

– Почему же тогда не прочитал мои мысли? Ты ведь все мог обо мне узнать той ночью. А ты предпочел положиться на интуицию.

– Скажи еще, что ты не рада, – хмыкнул менталист. Сегодня трость у него была другой: с набалдашником в виде экзотического жука, сидящего на листке клена. Она стояла, прислоненная к качающемуся столу, и Сиэлла все ждала, когда она упадет.

– Рада, – не сводя глаз с трости, ответила она. – Ты дал мне шанс. Жаль, что я так бездарно его растратила.

– У тебя просто опыта нет, – улыбнулся Эрик. – Что молчишь, напарник?

Крис, в отличие от друга, был мрачен. Они с Сиэлкой не спали эту ночь. Сначала она рассказывала ему о причинах своего побега, а потом Аннет снова стало плохо.

Сейчас с матерью сидела Тина, и Эрик, несмотря на всю свою показную веселость, определенно хотел пойти к невесте.

– А что я должен сказать? – пригубив из своей чашки и поморщившись, спросил Крис.

Его друг вздохнул.

– Ну не знаю. Все ясно, конечно, но я не могу понять, чего вы от меня хотите? На самом деле я даже плохо понимаю, зачем вы оба

посвятили меня в это. Или ты хочешь, чтобы твоя Фиалка поселилась у меня?

Силь пошатнулась на стуле от неожиданности.

– Кажется, она против, – устало улыбнулся Крис.

Эрик усмехнулся.

– Ты мог молчать. Ты – заклинатель, и слышать эхо твоих мыслей для таких, как я, недоступно. Кстати, когда я отдал Фессу твои отчеты, он отметил, что у тебя изменился почерк. Впрочем, он с этим делом скоро с ума сойдет. Тебе повезло вчера, а вот я был вынужден присутствовать на собрании, где начальник обзывал нас идиотами, бездарными лентяями и прочими милыми словами.

Сиэлла подумала, что везением то, что Крис не попал на работу, назвать сложно. Его мать умирает... Но вряд ли слова Эрика были продиктованы сарказмом или злостью. Пожалуй, это были попытки хоть немного расшевелить напарника.

– И еще. – Голос Иффрита внезапно стал абсолютно серьезным. – Разрабатывается версия, что Туз – один из нас.

– И многие уже пошутили про мой позывной? – приподнял брови Крис.

Эрик поморщился.

– Дело не в этом. Вчера до меня дошли совершенно очаровательные слухи, что в ближайшее время нас ждут массовые обыски. Я уж не знаю, откуда они возьмут людей, может, из столицы пришлют. Так что... возможно, вы двое не зря мне все рассказали. Когда придут к тебе, кто-нибудь может узнать твою служанку. Ее портрет в газете не похож, конечно. Но мало ли.

Сиэлла почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Вчера, когда ей стало ясно, что Крис ее не выдаст, она была почти счастлива, а теперь...

Теперь от всего этого не осталось и следа. Силь снова стало страшно.

– Эй, цветочек, чего загрустила? Разберемся... Друг друга обыскивать нас точно не заставят, да и слухи это все пока, понимаешь?

Силь по привычке кивнула. А потом вспомнила, что для этих двоих она уже не маяя.

– Слухи не всегда врут, – заметила она. – Мой жених действительно профессиональный игрок, лишенный наследства за

свой разгульный образ жизни. Он слывет безжалостным и жестоким. Ты и твой друг подтвердили, что это правда. А ведь его пускают в салоны только потому, что считается, будто его дурная слава – всего лишь слухи, распускаемые недоброжелателями.

– Во-первых, подтвердил только Крис, – возразил Ифрит. – Я в игорные дома не хожу. А насчет слухов... Может, это твое высшее общество просто убеждает себя в том, что это все слухи. Чтобы иметь возможность сделать вид, что никто и не думал так плохо о младшем брате мэра.

Сиэлла покачала головой. Она не хотела в это верить. Посмотрев на чашку с кофе перед собой, она протянула руку, чтобы наконец пригубить из нее.

Входная дверь бара открылась, и на пороге возникла фигура в черном плаще.

По спине Сиэллы опять пробежал холодок...

Пожалуй, целых полминуты она была уверена, что темная фигура, принесшая с собой ветер и песок, – это Нейтан. Но потом тот, кто вошел в «Пирожок с начинкой», закрыл дверь и откинул капюшон.

Не он.

Она.

Женщина была довольно высокой, пожалуй, не уступая в росте Эрику. На вид ей было чуть меньше тридцати. Фигуру под плащом разглядеть было невозможно, однако Сиэлле поразили контрасты, что были видны в этой женщине с первого же взгляда. Жесткий, цепкий взгляд, как у Криса. Глубокие складки морщин возле рта, придающие ее лицу недовольное выражение. И пушистые непослушные каштановые кудряшки, которые не могла удержать ни одна заколка.

– Холера... – неприязненно выплюнул Крис.

И Сиэлла сначала подумала, что он выругался. А потом...

– Холера, дорогая, что привело тебя сюда? Ты же вроде бы должна быть в отпуске? – Эрик расплылся в улыбке, будто встреча с этой женщиной была для него желанным событием.

Так вот почему у нее такой цепкий взгляд. Получается, Холера – это ее позывной? Она – детектив?

Шурша подолом плаща, Холера подошла к их столику, заставив Сиэлла еще сильнее склонить голову. Ей почему-то казалось, что ее

узнают, хотя Силь точно могла сказать: она никогда раньше не видела эту женщину-детектива.

Холера, надо же...

– Неразлучная парочка. – Ее голос был мелодичным и противным одновременно. Она как будто намеренно растягивала слова. – Ифрит и Туз... Что, Крис, нервничаешь?

– С чего бы мне это делать, Марианна?

Кажется, отношения у этих двоих были натянутыми. Интересно, почему?

Холера плюхнулась на четвертый стул и, одарив Сиэлла косым взглядом, уставилась на Криса.

– Меня не было месяц. С учетом того что я пять лет отпуска не брала, мне должны еще шестьдесят пять дней. Однако меня вызвали. Побывав сегодня в участке, я узнала забавную вещь. Что наш Туз – маньяк!

– А то ты до этого не слышала про Туза, – буркнул Крис.

– Меня не было в Омирше. Я ездила к Пресному Морю. Так что ваши развлечения пропустила.

– Бедняжечка, – сочувственно протянул Ифрит. – Неужто прямо с поезда в участок побежала? И мне казалось, что в Икерне должны были об этом писать.

Марианна – Холера вздохнула.

– В Икерне своих маньяков хватает... Ну так что, Крис? Нравится быть не тем, кем ты являешься?

– Заткнись, Марианна, – прорычал Крис. – Иди куда шла.

– Так я на месте, – усмехнулась Холера, положив руки на стол. Она была без перчаток, и Сиэлла подумала, что она, наверное, заклинатель. На тыльной стороне ее ладони горел знак первого участка. – У меня встреча здесь... – Она повертела головой. – Правда, мой друг еще не пришел... почему бы мне не скрасить ожидание разговором со старыми приятелями?

– Потому что мы уже уходим. – Голос Криса сочился ядом. Он абсолютно точно не любил Марианну.

Нет, не так. Судя по его лицу, он ее страстно ненавидел. Силь бросила осторожный взгляд на Эрика. Тот, несмотря на показное радушие, тоже был скорее недоволен этой встречей. Его улыбка,

обычно мечтательно-озорная, сейчас время от времени застывала, превращаясь в гримасу.

И Силь понимала, что она здесь ни при чем. Напарники просто не любили эту женщину. Интересно, за что?

Крис тем временем поднялся на ноги и протянул руку Сиэлле. Эрик последовал его примеру. Приняв помощь Туза, Сиэлла старалась не смотреть в сторону Холеры. Судя по всему, она не сильно заинтересовала эту женщину, но рисковать не хотелось.

Она и так наделала достаточно ошибок. Возможно, этот поход в бар тоже был ошибкой. Но Крис не хотел разговаривать дома. Он хотел, чтобы для Тины и Аннет Сиэлла оставалась немой.

Силь тоже этого хотела. Чем меньше людей будут знать ее тайну, тем лучше.

– Уже уходите? – разочарованно протянула Марианна. – А я думала заказать выпивку... немного коньяка никому не повредит, не так ли?

– Слишком рано для выпивки. – У Эрика почему-то дернулась щека, что на миг придало его лицу зверское выражение. – Да и сама знаешь: я предпочитаю виски.

Они уже подходили к двери, когда Марианна негромко произнесла:

– Все менталисты любят виски...

Силь почему-то показалось, что она была единственной, кто это услышал.

Стоило им покинуть неуютное заведение, как Эрик перестал улыбаться совсем.

– Меня чуть не стошнило прямо на нее, – неприязненно уронил он.

Крис согласно кивнул. На его лице тоже было написано отвращение. Его глаза и до этого ее время от времени пугали, а сейчас Силь предпочла бы оказаться подальше от детектива. Она не хотела бы, чтобы он хоть раз посмотрел на нее так.

Они двинулись на площадь Отражений, к дому Винтспиров.

– Почему вы так ее не любите? – не выдержав, спросила Сиэлла.

Сначала она решила, что Криса и Марианну могут связывать неудачные отношения, но Ифрит в эту схему не вписывался.

Эрик неопределенно крикнул.

- Холеру, скажем так, мало кто любит. Она...
- Тварь она, – буркнул Крис, а Сиэлла поежилась.
- И все-таки? Вы же вместе с ней работаете...

Туз внезапно рассмеялся. Невеселым лающим смехом, от которого у Сиэллы по коже побежали мурашки.

– Знаешь, цветочек, пожалуй, если бы меня заставили с ней работать, я бы уволился.

– Почему?

Крис поморщился, и Сиэлла не могла понять: он не хочет рассказывать или это от ветра?

Холодная сырость и песок били по лицу, именно поэтому для разговора был выбран бар, а не парк, где их не могли подслушать.

– Холера не уживается с напарниками, – услышала Силь голос Эрика. – Никто не хочет работать с ней.

– Но почему?

– Потому что детектив, закрывающий дела за деньги, не нравится нормальным людям, понимаешь?

Сиэлла нахмурилась.

– Вы хотите сказать, что она... ну... отправляет в тюрьму невиновных? – с ужасом спросила она.

– Если ей заплатят – да, – ответил Крис.

– Но подождите... – Услышанное не укладывалось в голове. – Как... откуда вы знаете? Те, кто с ней работал, были свидетелями, или что? Я просто не понимаю... если все знают, что она работает... грязно, то почему... почему ее хотя бы не уволят?

Напарники молчали. Посмотрев сначала на одного, а потом и на другого, Сиэлла поняла, что их одолевают похожие чувства. Отвращение и бессилие.

– Я спрашивал у Фесса, – ответил Крис. – Ее прикрывает какая-то важная шишка в администрации. Он сказал, чтобы я не лез, если не хочу вылететь из магполиции.

Сиэлла сощурилась, когда ветер кинул ей в лицо сыпучую горсть песка.

Это же неправильно. Знать и молчать. Нет, она не осуждала Криса, Эрика и тех, кто был осведомлен о таких делах, но был вынужден смириться. Она сама стала жертвой подобной системы. Ее собирались продать, как породистую декоративную собачку.

Жаль, что ей только сейчас пришло в голову, что отец мог быть против. Но был вынужден смириться, потому что Тинклер – слишком влиятелен. Пусть и лишенный наследства, пусть и публично порицаемый, он все равно остается тем, кто он есть.

Братом мэра.

Это открывает множество возможностей, если подумать. А если вспомнить ужасное финансовое положение семьи Ремур, то...

А потом Сиэлла будто наяву услышала слова отца: «Мне все равно, как ты себя чувствуешь...»

Он даже не пришел ее проведать, когда она слегла.

Попытка оправдать отца хотя бы в мыслях не удалась. Она все еще злилась на него.

Молчание затянулось. Ветер неистово бил песком и степной пылью по стенам домов и случайным прохожим. Он звенел окнами, завывал о скором приходе поздней осени, когда Омирша погрузится в сырость частых, но коротких дождей, и снова бил. Было холодно. Сиэлла поплотнее закуталась в теплый плащ. Он был ей не по размеру: его дал ей Крис взамен того, что был на ней в ночь их первой встречи.

Прошло всего шестнадцать дней, а Силь казалось, что минула вечность. События, предшествующие ее побегу из дома, казались одновременно близкими и далекими, а мысль о мертвом Элдже все еще причиняла боль, но при этом все уже будто затянуло маревом песчаной бури.

И песок был красным, как кровь.

Когда они добрались до дома Винтспиров, Крис попросил Эрика и Силь побыть в прихожей, а сам двинулся вглубь дома.

Когда он вернулся, Силь показалось, что с его плеч упал огромный груз. Осанка казалась более прямой, да и взгляд уже не был таким жестким. И больше не пугал Сиэллу.

– Маме немного лучше, – сообщил он, глядя на Эрика. – Я... пока побуду с ней, а ты иди к Тине.

Силь молча сняла плащ, ужаснувшись, сколько же грязи она принесла в дом на платье. Неудивительно, что в комнате Тины было столько песка и пыли. В отличие от Силь она выходит из дома чаще, чем раз в две недели.

Мужчины ушли, а Сиэлла отряхнула плащ и пошла в комнату. Переделалась в свое фиолетовое платье и принялась за работу.

Пока она здесь – она просто немая служанка.

Пожалуй, пройдясь по улице в непогоду, Сиэлла оценила, как же ей повезло, что в доме Винтспиров есть водопровод и ей не нужно таскаться с ведрами к колодцу. Она бы не выдержала и дня, если бы все было иначе. Пусть эти люди и не относились к знати, их дом был оснащен и водопроводом, и газовым освещением. Правда, газовые рожки не горели.

Видимо, тот, кто проводил в этот дом газ, не подумал о том, что оплата за него будет неподъемной для его семьи. И поэтому газовые светильники служили всего лишь украшением.

Сиэлле нравились свечи. Ей всегда казалось, что они намного уютнее синеватого газового пламени.

Вымыв кухню, Силь принялась за коридор. Наверное, было глупо надевать хорошее платье перед тем, как браться за такую работу, но пыль въелась в ткань. Волосы пахли песком, и Силь не могла дожидаться момента, когда все лягут спать и она сможет занять ванную комнату.

Мыло разъедало когда-то нежную кожу рук, но Сиэлла с удовлетворением отметила, что с каждым разом подобная работа приносит все меньше дискомфорта. Скоро кожа огрубеет окончательно. И, наверное, это хорошо.

– Все-таки это неправильно, – раздался над ней голос Криса.

Силь подняла голову и вопросительно посмотрела на него.

Он растянул губы в невеселой улыбке.

– Графская дочь моет полы в моем доме. Это пахнет неприятно.

Силь отложила тряпку и поднялась на ноги. Она не хотела говорить, ведь где-то рядом была Тина. Сиэлла боялась, что мнения брата и сестры могут разделиться. Крис искренне сочувствовал ей, но... дождется ли Силь того же самого от его сестры?

Она не хотела рисковать.

Крис сощурился, глядя на нее.

– Скоро стемнеет, – сказал он невпопад.

Сиэлла продолжала смотреть на него, не понимая, чего он от нее хочет. Она не может жить в его доме просто так. И он это понимает. Так почему он смотрит на нее с долей укоризны?

Туз вздохнул. А потом сунул руку в карман сюртука, достал оттуда маленький сверток и протянул Силь.

– Это тебе, – сказал он.

Силь взяла сверток, развернула бумагу и ахнула. Две тонкие цепочки из серебра заканчивались маленькими зелеными камушками.

– Я подумал, что серьги подойдут к тому браслету, что у тебя в кармане... ну прости! – Он развел руками. – Я ведь детектив, шарить в чужих вещах у меня давно вошло в привычку.... Это не изумруды. Прости, милая, но это слишком дорого для меня. Это берилл.

Силь уставилась на серьги, не зная, что ей делать. С чего вдруг Крис решил подарить ей украшения? Пусть и недорогие.

– Это... не подумай ничего, хорошо? – Его холодные глаза смеялись. – Я просто хотел сделать тебе приятное.

Силь усмехнулась. В голову пришла совершенно неблагоприятная мысль.

Лучше бы он купил ей самое дешевое платье...

* * *

Аннет стало немного лучше. Женщина вновь была в силах подняться с кровати, однако выводить ее на прогулку больше не рисковали. Отчасти оттого, что боялись, что ее силы вновь иссякнут, отчасти оттого, что ни Тина, ни Крис не могли надолго оставить работу.

Туз опять убил. И это убийство взорвало Омиршу новой волной слухов, ужаса и отчаяния. В этот раз убили женщину. Грейс Ликлиа. В статье просто говорилось, что Туз безжалостен и к представительницам прекрасного пола, однако Крис был взбудоражен. Когда Силь спросила его, был ли он знаком с этой женщиной, он только грязно выругался.

Видимо, был.

Это не мешало ему каждый день приносить Сиэлле небольшие подарки. Спустя неделю после того, как он ее разоблачил, он даже сообразил купить ей платье. А потом спросил: может, стоит «подарить ей немного денег»?

Но Сиэлла не хотела ходить по магазинам. Нет, сейчас она чувствовала себя в безопасности, только находясь в тесном мирке дома Винтспиров.

И не важно, что комната Аннет пропахла морфием и лекарствами.

И не важно, что ей приходилось много работать, а по вечерам играть для старой женщины на рояле. Музыка наполняла душу, и Силь жалела только об одном: она не могла петь.

Не могла говорить.

С каждым днем ее все больше одолевало желание открыться. Но что-то останавливало. Сиэлла и сама не знала что. Аннет вряд ли могла ей навредить. Тина же с каждым днем становилась все жестче и злее. Силь видела, что она очень устала.

Крис тоже устал. Пожалуй, даже больше сестры. После убийства Грейс Ликлиа патрули стали еженощными. Он почти не спал.

Как-то, когда на Омиршу опустились вечные сумерки второго месяца осени, Крис вернулся из патруля совсем поздно: часы показывали почти десять утра. Аннет, позавтракав, читала книгу у себя в комнате, Тина ушла на работу, а Силь как раз закончила полировать серебро.

– Завтра... – отрывисто сказал он, подойдя к ней. – Завтра, цветочек.

Силь моргнула.

– Что завтра? – испуганно прошелестела она.

– Прибыли проверяющие из столицы. – Крис поморщился, будто ему в рот попало что-то противное. – Завтра начнутся обыски.

Сиэлла почувствовала, как ей становится холодно.

– Они меня не узнают... – прошептала она. – Я не блистала в высшем обществе, понимаешь?

Крис нахмурился.

– Ты не знаешь? – озадаченно спросил он.

Холод, схвативший ее в свои колючие лапы, стал еще сильнее.

– Чего я не знаю? – спросила она. Забывшись, она почти перестала шептать.

Крис посмотрел на нее сочувственно. Шагнув вперед, он положил руки на ее плечи. Ей в нос ударили запахи пота, пыли и одеколona. Он был так близко, что его дыхание шевелило ее выбившиеся из косы волосы.

– Твой жених удвоил вознаграждение, – прошептал он ей на ухо. – И теперь твой портрет в газете очень похож на тебя. Тинклер раскошелится на нормального художника.

Силь громко сглотнула. Дыхание сбилось, и она не знала, что именно служит этому причиной: страх или чувство неправильности.

Крис не должен быть так близко. Силь неглупа, она прекрасно понимает, что очевидно нравится этому мужчине... а что будет, если она ему откажет? Сейчас их отношения балансируют на грани ухаживания... подарки, улыбки... но что будет, если Сиэлла заявит, что не собирается ничего давать взамен?

А она не собирается?

Тинклер удвоил вознаграждение. Черт побери, да за такие деньги можно купить приличный дом! Зачем он это делает? Почему ему так нужна Сиэлла? Или это всего лишь уязвленное самолюбие того, кто не привык к отказам?

Что он с ней сделает, когда найдет? Почему-то Силь казалось, что ее ждет что-то страшное.

Нет.

Не когда. Если найдет.

– Что мне делать? – тихонько прошептала Силь.

Крис вздохнул и притянул ее к себе. Погладил по волосам и невесомо прикоснулся губами к виску.

– Ничего. Тебе не нужно ничего делать, цветочек. Тебе нужно только согласиться на мое предложение...

Сиэлла застыла.

Это все-таки случилось. Нет, для нее это не было сюрпризом. Кажется, она даже этого ждала. Ждала, но все равно не была готова.

Что ему ответить? И решать нужно прямо сейчас, пока его руки лежат на ее плечах, а дыхание обдает теплом кожу.

Она ведь столько раз думала об этом. Это ведь нормально! Крис – мужчина, а Сиэлла – женщина, оказавшаяся в его власти. Странно, что он для начала решил задобрить ее мелкими подарками.

Даже платье купил...

Опустив глаза, Силь прерывисто вздохнула. Она не знала, что ответить. Не знала, что делать.

– Цветочек, ты чего?

Она может отказаться. Почему-то Силь была уверена, что если она откажется, то Крис ее отпустит. Только вот идти ей некуда. Там, во внешнем мире, наполненном песком и ветрами, ее ждет тьма.

Получается, ее выбор лишь в том, кого выбрать. Она в любом случае будет... куклой? Или дорогим украшением?

Нет. Не дорогим. С точки зрения стоимости Крис купит ее намного дешевле, чем Нейтан.

Туз отстранился от нее. Его теплое дыхание перестало шевелить ее волосы. Сиэлла подняла глаза и встретила с ним взглядом. Все-таки странно. Крис улыбается тепло, а глаза у него колючие. От них веет холодом.

– Как бы я хотел узнать, о чем ты думаешь, – прошептал он.

Силь качнула головой. Она все еще была не готова ответить. Хотя бы самой себе.

– Кажется, ты меня неправильно поняла, – заметил он, когда молчание затянулось.

Сиэлла вопросительно посмотрела на него. О чем он говорит? Он собирался предложить ей свое покровительство, ведь так?

И Силь прекрасно понимала, чем за это покровительство придется заплатить.

Крис усмехнулся, снова прижимая ее к себе.

– И много успела передумать, цветочек? Я начинаю себя чувствовать гнусным растлителем! Вообще-то я собирался предложить тебе кое-что получше. Пожестче. Наверное, здесь тебе тоже придется переступить через себя. И прежде, чем ты придешь в ужас от моих слов, я хочу, чтобы ты запомнила: нет ничего плохого в том, чтобы использовать возможность, которая тебе дана.

– О чем ты? – Сиэлле стало страшно. Почему-то померещился запах крови.

Крис снова прикоснулся губами к ее виску. А потом пощекотал ими мочку ее уха.

– Я хочу тебя убить, – выдохнул он.

Наверное, целую вечность Сиэлла думала, что он говорит серьезно и сейчас она перестанет жить.

А потом она моргнула. И все поняла.

– Но... как? – тихонько прошептала она в ответ.

Он погладил ее по волосам и снова отстранился.

– Мы об этом поговорим. Вечером. Сегодня ночью мне не нужно в патруль. Придешь? Или боишься?

Чувствуя, как горит кожа в тех местах, которых касались его губы, Сиэлла кивнула.

– Я тебя не боюсь, – тихо сказала она.

Крис улыбнулся. Его колючие глаза озорно смотрели на нее.

– Ты так мило краснеешь, цветочек, – заметил он. – Я действительно очарован.

И он пошел в свою комнату. Очевидно, спать.

В этот день у Сиэллы все валялось из рук. И она сама не понимала почему. Что именно заставляет сердце стучать, как ненормальное? Нет, она действительно не боялась Криса. Несмотря на то что он уже и не скрывал, что не прочь сделать их отношения... ближе, но не настаивал на своем. Силь понимала, что она играет с огнем. Она в его власти, и кто знает, когда его терпение кончится и он решит этой властью воспользоваться.

К вечеру она уже знала: лучше уж Крис, чем Нейтан Тинклер.

Мысли о собственной смерти не покидали ее. Она одновременно восхищалась задумкой Криса и приходила от нее в ужас. Умереть – лучший выход. Тогда ее точно перестанут искать. Но... для того, чтобы инсценировать собственную смерть, ей и Крису кое-что нужно.

Тело.

Сиэлла понимала, что вряд ли детектив собирается кого-то убить, но подленькая мысль, что Туз может оказаться намного более беспринципным, чем ей кажется, не выходила из головы.

Силь пыталась избавиться от тревожных мыслей, затолкнуть их подальше. Она все узнает, когда Аннет и Тина заснут. И тогда, когда план Криса будет известен ей во всех деталях, она и решит. Выберет.

«Нет ничего плохого в том, чтобы использовать возможность, которая тебе дана...»

Тина вернулась с работы, когда уже стемнело. У Аннет сегодня был хороший день, и старая женщина даже вышла пару раз из комнаты. Подходила к книжному шкафу в гостиной, водила пальцами по корешкам книг и тяжело вздыхала. В последнюю неделю она не утруждала себя одеванием, и, глядя на ее хрупкую фигурку в теплом халате, накинутом поверх ночной сорочки, Сиэлла чувствовала себя слишком... бодрой. Слишком здоровой. Слишком живой.

Тина быстро поужинала и направилась в комнату матери. Силь стало стыдно. Ведь получается, что она отвлекает Криса. Его матери

плохо, ей нужна поддержка, а детектив занимается проблемами Сиэллы.

Это же неправильно!

Но что-то подсказывало Силь, что Крис не отступит. Возможно, это отвлекает его. Он не в силах остановить болезнь матери и поэтому делает хоть что-то, чтобы не сидеть сложа руки. И ведь он же не бросает мать ради Сиэллы?

Мыть полы приходилось каждый день. Совсем скоро грязи станет меньше, однако сезон ветров еще не закончился, и поэтому песка в коридорах было очень много. Иногда Сиэлле казалось, что его наматывает и ночью. Но это была всего лишь ее неопытность. Конечно, мытье полов не требует специальных знаний, но даже в таком деле нужна сноровка, которой у Сиэллы не было. Пока не было. Со временем она сможет нормально делать эту работу. Не возвращаясь по утрам к местам, которые она пропустила вечером.

Силь уже заканчивала. Она отжимала тряпку над ведром, когда почувствовала чей-то взгляд. Подняв голову, она увидела Тину. Ее взгляд был колючим, но не таким замораживающим, как у Криса. Это все цвет. У Криса были слишком голубые глаза, заставляющие замерзать.

На губах молодой женщины играла скептическая улыбка. Сиэлле на миг почудилось отвращение во взгляде Тины.

Что Силь сделала не так?

Положив тряпку рядом с ведром, Сиэлла поднялась на ноги и вопросительно посмотрела на сестру Криса.

– Завтра обязательно почистишь ковер в комнате моей матери, поняла?

Силь кивнула. Она и так собиралась. Даже нашла на кухне настойку чабреца, чтобы добавить в воду. Хотелось хоть чуть-чуть вытравить тяжелый запах лекарств.

Губы Тины дернулись.

– Крис за тобой ухлестывает? – внезапно спросила она.

Глаза Силь расширились, и, чтобы скрыть смущение и страх (а вдруг Тина догадалась, кто прислуживает в ее доме?), она опустила голову. Видимо, Тина восприняла это как кивок.

– Будь осторожней, – предупредила она. – Мой брат любит молоденьких девочек типа тебя.

Силь вздохнула. Что она должна делать?

– Он искренен, об этом ты можешь не волноваться. Возможно, он влюблен в тебя. Наверное, влюблен. Но... знаешь, Фиалка, это у него не впервые. И еще ни разу его чувства не были долговечными. Он быстро остывает, понимаешь?

Сиэлла подумала, что это неплохо. Она не хотела бы разбивать сердце детективу, который дал ей шанс выбирать, как распорядиться своей жизнью.

– Я не исключаю, конечно, что он может полюбить по-настоящему. Возможно, это будешь ты. Но я советую тебе все-таки не слишком надеяться на это. Ты меня поняла?

Сиэлла кивнула. А потом подняла голову и благодарно улыбнулась Тине. Эта забота ее тронула.

– Выбор за тобой, – хмыкнула Тина. – Спокойной ночи, Фиалка.

Настало время идти к Крису. Силь вынесла ведро с грязной водой, спрятала его в подсобку, потом зашла в свою комнату и тщательно расчесала волосы, сама не зная, зачем это делает. Ей казалось, что она ужасно пахнет, и, наверное, это было так.

Зайдя в ванную комнату, она сполоснула лицо и шею, чтобы хоть чуть-чуть смыть запах пота и пыли. Взгляд упал на духи Тины.

Ей разрешалось брать ароматное мыло, Тина сказала, что не потерпит замарашки, но про духи речи не шло. Было бы странно, если бы ей разрешили пользоваться ими.

Почему-то ей хотелось выглядеть и пахнуть хорошо.

Усмехнувшись своим странным желанием, Силь еще раз посмотрела в зеркало. Из трех свечей в ее подсвечнике горели только две, и блики огня играли с тенями, создавая причудливые узоры на стенах, отражались в зеркале, множились и ложились на лицо Сиэллы.

Увидев светлую полосу на лице, соединяющую уголок губ и ухо, она даже не удивилась. Это видение так долго преследовало ее, что она устала бояться. Каждый вечер она обнаруживала темную полосу на щеке. Обычно пыльную – она сама рисовала ее, притрагиваясь к лицу руками во время грязной работы.

Правда, сны, где ее лицо было изуродовано жутким шрамом и при этом она чувствовала себя спокойной и счастливой, ей больше не снились.

И на том спасибо.

Выкинув из головы всякую ерунду, Силь тихонько вышла из ванной и медленно, стараясь ступать бесшумно, двинулась к комнате Криса.

Пора было узнать, что он задумал.

В комнате пахло вином и медом. А еще – шоколадом и корицей.

Крис, одетый в рубашку и брюки, полулежал на кровати со знакомой Сиэлле папкой и сосредоточенно читал. Он так увлекся, что не заметил прихода Сиэллы. На прикроватном столике стояли початая бутылка вина, два бокала, один из которых был наполнен, и небольшая тарелочка с разломанной шоколадной плиткой.

Сиэлла почувствовала, как ее рот наполняется слюной. Она не ела шоколада, наверное, года два, уж очень он был дорог для обнищавшей семьи Ремур.

Захотелось подбежать к столику, взять кусочек и сунуть в рот... почувствовать на языке шоколадную сладость...

Надо быть сильной.

С трудом оторвав взгляд от тарелочки, она тихонько кашлянула, обозначая свое присутствие.

Крис вздрогнул и поднял глаза от папки с материалами по Тузу, и Сиэлла не знала, чего ей хочется больше: шоколада или информации по делу о маньяке, убившем Элджа.

– Она ведь играла? – внезапно спросила Силь. – Та женщина, которую убили?

– Редко. Чтобы расслабиться. У нее была очень... ответственная работа, – ничуть не удивившись, ответил Крис.

Силь поджала губы.

– Значит, он убивает игроков... таких же, как и он сам.

Крис усмехнулся.

– Прости, цветочек, но твоя идея, что Туз – это Тинклер... мм... не выдерживает никакой критики. Я бы и рад посадить этого высокомерного ублюдка, но, к сожалению, это не он.

– Откуда ты знаешь? – упрямо спросила Сиэлла.

Крис замялся. Захлопнув папку, он положил ее под одеяло, налил вина во второй бокал и подал его Силь.

– Ты же выпьешь со мной?

Сиэлла взяла бокал, но пить не стала.

– Откуда ты знаешь, что это не он, Крис?

Он вздохнул. А потом посмотрел на нее с такой болью, будто она резала его заживо.

– Потому что в ту ночь, когда убили твоего... слугу, именно я был его партнером по покеру. Мы играли всю ночь, цветочек.

Только глупая мысль о том, что она испачкает платье, если упадет, заставила ее устоять на ногах.

Она должна была догадаться. Туз... странный позывной для детектива, если подумать. А вот для детектива, который часто проводит время за игровым столом, – в самый раз.

– Ты... ты – игрок...

Крис нахмурился. Кажется, он ожидал от нее совсем не такой реакции.

– Я этого и не скрывал. Не подчеркивал, конечно, но...

– Я еще думала, почему ты так часто ходишь в патруль... почти каждую ночь. Половину этих ночей ты проводил за игрой, да?

Крис глубоко вздохнул. Было видно, что он жалеет о том, что сказал Сиэлле.

– Быть азартным – не грех, цветочек, – заметил он. – Да, некоторые ночи я был не в патруле. Просто Тина не одобряет игру, тем более сейчас, когда дело этого маньяка стопорит ее свадьбу с Эриком... Но...

– Я ненавижу игроков... – прошептала Силь, сдерживая желание выплеснуть вино в лицо Крису. – Ненавижу таких, как ты...

Кажется, эти слова его задели. Он поднялся с кровати и шагнул к ней. Она сделала два шага назад.

– Твой Элдж тоже играл, – прошипел он сквозь зубы. – Но его ты любила...

– Он... играл пару ночей... хотел подкопить денег, чтобы мы могли спокойно начать новую жизнь... он не был игроком! – Силь очень хотелось закричать.

Завыть ветром осенней Омирши, снести все на своем пути, заставить этот мир содрогнуться от ее злости и разочарования.

Но она не хотела выдавать себя. И поэтому говорила тихо.

Крис, поняв, что, если он приблизится, она убежит, остановился, пристально глядя на нее.

– Послушай, цветочек, я понимаю, что ты... не любишь азартных людей. Я так понимаю, что одной из причин, по которой ты не хотела

брака с Тинклером, – это его образ жизни, но... в общем, для реализации моего плана, о котором я хотел тебе рассказать, нужны деньги. И... они теперь есть.

Деньги.

Деньги...

Как же Сиэлла ненавидела это слово! Почему все вокруг нее считают, что для счастья нужны деньги? Неужели кроме материального благополучия ничего больше не важно?

Этот мир погряз в грехах. Он принадлежит тем, у кого есть деньги. И когда человек может позволить себе многое, он себе это позволит.

Потому что может.

Сиэлла сбежала от такого человека. И попала к тому, кто хотел бы таким же человеком стать.

– Цветочек... ты вся дрожишь... – забеспокоился Крис. – Небеса, да ты побледнела!

– Да пусть будут прокляты все эти деньги, – всхлипнула Силь, и по ее щекам побежали теплые дорожки слез.

Крис внезапно сделал рывок вперед и прижал Сиэлла к себе. Бокал с вином опрокинулся на его рубашку, но, кажется, детективу было все равно.

– Прости... я должен был сразу тебе сказать... это все разочарование. Ты вбила себе в голову, что твой жених – убийца, а теперь тебе не за что зацепиться, вот ты и расстроилась...

– Отпусти меня... – Силь забила в его руках, но он держал крепко. – Отпусти! Ненавижу игроков... ненавижу тебя, слышишь?

– Хорошо... ненавидь. – Его дыхание защекотало ее шею. – Я это переживу. Ты остынешь, цветочек мой. И примешь мое предложение...

– Нет... не приму.

– Тогда ты обречена вернуться к Тинклеру, – заметил Крис. – А ты этого точно не хочешь, правда? Выбор за тобой...

Еще несколько минут назад Силь была уверена в том, что Крис намного лучше Нейтана, а теперь...

Нет, она не вернется к жениху. И дело тут не в игре.

Сиэлла застыла, пораженная внезапной мыслью. Рыдания отпустили ее. Перестав вырываться, она повернула голову и встретилась с Крисом взглядом.

– Ты не прав, – прошептала она. – Нейтан все еще может быть Тузом. Просто у него есть сообщник...

Крис застонал.

– Ты просто одержима, – заключил он. – Мне кажется, если выяснится, что твой жених здесь ни при чем, ты сбросишься с башни ратуши. Все еще ненавидишь меня?

– Ненавижу, – буркнула Силь.

Волна горечи и гнева схлынула, оставив после себя только пустоту. Чувствуя себя совершенной дурой, Сиэлла попыталась высвободиться из объятий Криса.

Почему тот факт, что детектив, давший ей кров, оказался азартным человеком, доставил ей пусть мимолетную, но боль? Он же ей не нравится! То есть она испытывает к нему симпатию... испытывала, но это не повод так переживать. Если подумать, ей должно быть все равно.

Но ей было не все равно.

Туз держал ее крепко.

– Слушай, а давай мы потом подумаем о теоретических сообщниках Тинклера, хорошо? – Он снова поймал ее взгляд, заставив похолодеть.

Сейчас его глаза были особенно колючими.

Силь сделала глубокий вздох. Потом еще один.

И еще.

– Хорошо, – согласилась она.

Смешная ситуация. Этот человек буквально уговаривает ее ей же помочь. Наверное, она действительно ему нравится.

«Еще бы... он же только что сообщил, что выиграл много денег. И, кажется, он собирается потратить их на тебя».

Внутренний голос почему-то был голосом отца. И это было странно.

– Если я тебя отпущу, ты не убежишь? – спросил Крис, немного ослабляя хватку.

Сиэлла покачала головой. Ей некуда бежать. Она уже жалела, что устроила эту сцену.

– Ладно... – Он медленно опустил руки. На его рубашке расплывалось пятно от вина, напоминая... нет, ничего не напоминая!

Это вино, а не кровь... Это всего лишь вино! Которое она сама же на него и вылила!

– Т-ты... прости меня за... – Дрожащей рукой она указала на пятно.

Крис хмыкнул. Отвернувшись от нее, он подошел к платяному шкафу и вытащил свежую рубашку. Пока он переодевался, Силь подняла бокал и поставила его на прикроватный столик.

«Надо бы его заменить», – отрешенно подумала она.

На полуодетого Криса она старалась не смотреть. На тарелочку с шоколадом – тоже.

– Итак... – Сменив рубашку, Крис сел на кровать и похлопал ладонью рядом с собой, приглашая присоединиться. – Давай поговорим о деле.

Немного помявшись, Силь приняла его приглашение. Кажется, детективу это очень понравилось.

– Давай, – тихо ответила Сиэлла, опустив глаза.

Было стыдно.

– Туз убил женщину, – начал Крис. – И мы можем это использовать.

– Как? – спросила Силь. – Ведь ты же был с ней знаком! Я так поняла, она из ваших?

– Нет, она не детектив, если ты об этом. – Крис помрачнел. – Она работала в одной государственной структуре... простым людям о ней ничего неизвестно, так что...

– Ты хочешь сказать, что последней жертвой Туза стала... шпионка? – Сиэлла чуть с кровати не упала.

– Нет, конечно, – хмыкнул Крис. – В общем, она занимала довольно серьезную должность в Тайной Канцелярии. Доступ туда имеют только государственные служащие. А между делом заходят только такие, как я.

– Такие, как ты? – нахмурилась Сиэлла. – Игроки?

Крис тихо и беззлобно рассмеялся.

– Ты одержима игроками, да, цветочек?

– Я ненавижу игроков, – напомнила Силь.

Туз легонько потрепал ее по щеке.

– Не игроки, милая. В Тайную Канцелярию иногда забегают заклинатели. Когда находят очередного духа, вылезшего с Той

Стороны. Помнишь, в ночь нашей встречи я нашел духа и ушел, а сюда тебя привел Эрик?

Силь кивнула.

– Прости... я действительно... наверное, это действительно выглядит как помешательство.

– Выглядит, – подтвердил Крис. – Но сейчас не об этом. Дело в том, что кто-нибудь может убить и тебя. А найдут тебя, скажем, послезавтра, когда все будет готово.

– Что будет готово? – спросила Сиэлла. Ей внезапно захотелось выпить вина. Она была уверена, что ответ Криса ей не понравится.

И она оказалась права.

– У меня есть знакомый во втором морге, – тихо сказал Крис, протягивая руку и беря свой бокал. – Позавчера к ним поступила неизвестная. Я... был у него утром, перед тем как предложить тебе эту авантюру. Она немного похожа на тебя.

– И что? Любой менталист, прикоснувшись к ее телу, обнаружит, что она – не я, – возразила Силь.

– Да... и поэтому мы подождем еще пару дней.

– И что это изменит?

– Сразу видно, что ты никогда не была близко знакома с менталистами, цветочек, – усмехнулся Крис. – Эхо мыслей со временем затихает. И через пару дней даже самый сильный ментальный колдун не сможет определить, кто перед ним.

– Но это же буду не я. Мы никого не обманем. Придет отец, Эви, Элис... они увидят, что это не я!

– И поэтому ты должна решиться на кое-что. – Крис поджал губы, и его лицо снова стало страдальческим. – В общем, если той несчастной немного... подправить лицо... Арох мог бы...

– Подожди... – Силь почувствовала, как у нее кружится голова. – Ты хочешь, чтобы я согласилась изуродовать тело? Осквернить его?

Крис отвел глаза. Сделал глоток из своего бокала. Потом еще один.

– Телу уже все равно. И эта не известная никому девушка может спасти тебя. Помнишь, что я говорил? Нет ничего плохого в том, чтобы использовать то, что дарит тебе судьба.

Сиэлла почувствовала, как к горлу подкатывает комочек тошноты.

– Я... я... должна подумать. У меня есть время?

Крис грустно улыбнулся.

– Обыски начнутся завтра, цветочек. И никто не знает, с кого они начнут. Думай быстрее.

Силь поднялась с кровати и на негнущихся ногах пошла к двери.

– Я... я попробую решиться до утра, – чувствуя отвращение к самой себе, ответила она.

Крис подарил ей нежную улыбку.

– Спокойной ночи, цветочек мой...

Чувствуя, как к щекам подступает румянец, Сиэлла выскользнула из комнаты, ничего не ответив.

* * *

Крис пришел к ней утром, когда Шейла уже гроыхала на кухне кастрюлями. Бессонная ночь давала о себе знать: глаза слипались, в голове не осталось ни одной связной мысли, но в то же время разум был ясен, как будто превратился в чистый лист, на котором можно нарисовать все что угодно. Даже новую жизнь.

За долгие часы Силь вконец измучила себя. С одной стороны, она понимала, что для своего спасения ей не нужно никого убивать, но с другой – кто-то никогда не найдет свою дочь или сестру. Потому что тело этой женщины будет покоиться в могиле, на которой будет лежать гранитная плита с именем «Сиэлла Ремур».

Решиться было очень трудно. И лишь ужас при мысли оказаться во власти Нейтана Тинклера помог ей это сделать.

– Я скажу Тине, что ты заболела и сегодня будешь отдыхать, – закрыв дверь и уколов ее своим ледяным взглядом, сказал Крис.

– Зачем? – Сиэлла поежилась. Она просидела на кровати всю ночь, лишь изредка поднимаясь, чтобы размять ноги, потому что сон не шел.

– Ты не спала ведь? – проницательно спросил детектив. – Бледная вся, да и глаза красные.

– Это ничего. Справлюсь, – сглотнув, ответила Силь.

– Что ты решила? – Крис прислонился спиной к двери.

Сиэлла вздохнула.

– Я тут подумала... ты говорил, что через пару дней никто и не сможет доказать, что та женщина – не я. Ей придется изуродовать лицо, я права?

Произнести это вслух было страшно. Она как будто собственными руками уродовала лицо этой несчастной, просто сказав о такой возможности.

– Права, – бросил Крис.

– Но... но как мы докажем, что она – это я?

Туз прищурился. Он смотрел на нее изучающе, будто пытаюсь понять, готова ли Силь пойти до конца.

– Придется тебе кое-что одолжить, – ответил он.

– Что?

– Платье, цветочек. То платье, в котором ты была в ночь побега. Я за ним, кстати, и пришел.

– За ним? – удивилась Силь. – Откуда ты знал, что я соглашусь? И если подумать, то я еще не сказала «да»!

Крис улыбнулся и сложил руки на груди. В его взгляде сквозило превосходство.

– Если ты начала обдумывать детали, значит, ты согласна. Иначе ты бы никогда не задалась вопросом, как мы с Эриком докажем, что она – это ты.

– Эрик?

– Конечно! Одному такое дело не провернуть... мы «найдем» тебя послезавтра ночью. Но платье ты должна отдать сейчас. Нужно, чтобы ментальное эхо на ткани замолкло, понимаешь?

Силь кивнула. Подойдя к шкафу, она вытащила платье и подала его детективу.

– Молодец, цветочек! Я знал, что ты умная. Кстати, работать ты больше не будешь. Я заплатил врачу, он придет к обеду и объявит, что ты больна. Тины не будет, и отсутствие «начала болезни» моя сестра не заметит. Тебе придется пару дней изображать очень больную.

– Почему? Я же могу...

– Потому что, дорогая, оставаться в доме тебе нельзя. И чем быстрее ты его покинешь, тем лучше.

– Но при чем здесь болезнь?

– Послезавтра, когда мы с Эриком пойдем «находить» твое тело, немая служанка по имени Фиалка сбежит, не выдержав соседства с

заклинателем духов. Она напишет записку хозяевам, где выразит сожаление, что не смогла совладать со своим страхом. И свяжет свою болезнь с близостью заклинателя. Нам и не такое приписывают, так что мама и Тина поверят.

Сиэлла сжала зубы. Ей не хотелось уходить из этого дома вот так. Аннет – прекрасная женщина, да и Тина всегда относилась к ней по-доброму, пусть и слегка высокомерно.

– Я не хочу быть неблагодарной дрянью... – прошептала Сиэлла.

Крис глубоко вздохнул и укоризненно покачал головой. А потом приблизился к ней и легонько поцеловал в висок.

– Я знаю, что не хочешь, цветочек. Но репутация не так важна, чтобы за нее умереть, согласна?

– Согласна, – всхлипнула Силь.

– Вот и хорошо. – Он снова прикоснулся губами к ее виску. – До вечера, родная.

И, отстранившись от нее, он покинул комнату, оставив Сиэлла в совершенно растрепанных чувствах.

Она ненавидит игроков. Всех.

Или она готова сделать исключение?

Доктор, пришедший зафиксировать ее «болезнь», был не тем, который приходил к Аннет, и, когда в комнате появился худой как жердь мужчина лет пятидесяти, с усеянным оспинами лицом и абсолютно седыми волосами, собранными в хвост, Силь немного испугалась.

– Меня зовут Дерек Хорст. – У него был прокуренный голос, хриплый и не очень приятный. От него пахло табаком.

Не зная, что именно Крис сказал этому человеку и в курсе ли он, что она умеет говорить, Сиэлла коротко кивнула.

– Мое дело немного провести с вами время, а потом сказать сестре Криса, что работать вы пока не можете. Вы не против? – Он кивнул на вторую кровать.

Силь покачала головой. С нарастающим удивлением она наблюдала, как он садится на покрывало, достает из своего чемоданчика какую-то растрепанную книгу и углубляется в чтение. Ей было очень интересно, как он попал в дом. Ведь Тина на работе, а Аннет вряд ли бы открыла ему дверь. Шейла же обычно к этому времени покидала дом Винтспиров.

Он, получается, сам зашел? Дверь открыта, или ему дали ключ?

К сожалению, удовлетворить свое любопытство Сиэлла не могла. Потому что не имела сведений о том, что про нее этому человеку рассказал Крис.

Забравшись с ногами на кровать, Силь обняла колени и уставилась в стену. Накатила жуткая усталость, наверное, от бессонной ночи.

Что-то происходило, жизнь опять менялась, и Сиэлла не могла понять, к лучшему ли. Она ведь просто хотела покоя! Ей не нужна куча денег, роскошь или власть. Только покой. Она хочет покарать убийцу Элджа и жить. Просто жить. Не обязательно счастливо. Она хочет покоя.

Неужели это так много?

Слыша, как доктор Дерек Хорст переворачивает страницы, Силь думала о Тузе. О Тузе-убийце. И о том, как именно он убивает. И так, можно предположить, что отрубленные пальцы – это символ выплаты долга. Очевидно, карточного долга. То ли Крис это говорил, то ли она читала об этом, когда писала для него отчет, но все жертвы Туза накануне проиграли.

Элдж был левшой. Именно пальцы левой руки ему и отрубили. Но... но почему Элдж? Игрных домов в Омирше не один и не два. И очевидно, что каждую ночь кто-то проигрывает.

Но Туз убивает не каждую ночь. Занят?

Или дело в другом?

Силь нахмурилась. В голову пришла странная мысль. Первые четыре убийства были совершены с довольно маленькими промежутками. А вот последние два – с разницей в неделю и даже больше. Туз стал осторожней из-за патрулей?

Или дело в другом?

Что объединяет его жертв? Если бы Туз охотился за игроками, он мог бы убивать по десятку человек каждую ночь. Но он убивает по одному.

Что-то есть. Что-то, о чем никто не знает. Что-то, что объединяет всех шестерых. Может, они играли с одним и тем же человеком? Нет, тогда бы детективы за это зацепились. Может, у них был общий знакомый? Или же здесь что-то иное?

Печень. Печень во рту. Благородство или подлость?

«Засунь свое благородство куда подальше», – услышала она голос в голове.

Голос Туза.

Голос Тинклера.

Нет, не так. Не то он хотел сказать.

«Подавись своим благородством».

А вот так – правильно.

Не в силах сдержаться, Силь тихонько всхлипнула. Ей нужен Крис. Надо рассказать ему! Этого точно не было в отчетах. Быть может, конечно, ее выводы глупые, но... вдруг она права? Вероятно, это никак не поможет, но ведь любая кроха помощи сейчас не помешает никому?

– Что с вами? – Доктор оторвался от книги и заинтересованно посмотрел на нее.

Глубоко вздохнув, Силь покачала головой, показывая, что все в порядке.

Потом.

Дерек Хорст сунул руку в карман жилета и достал оттуда серебряные карманные часы. Посмотрев на время, он вернул их на место, а затем спрятал книгу обратно в чемоданчик.

– Мне пора. Я сообщу Тине Винтспир, что вы пока не сможете работать. Отдыхайте.

Он поднялся на ноги, взял чемоданчик и шагнул к двери. Но потом остановился.

– Знаете, я бы посоветовал вам в скором времени обратиться к доктору по-настоящему. Судя по всему, у вас нервное расстройство. Вы его купируете, очевидно, у вас исключительная сила воли. Но гром грянет. И вы сляжете. Возможно, надолго. Советую не затягивать. Всего хорошего.

И он ушел, оставив Сиэлле одну.

Она усмехнулась. Пожалуй, если она сляжет, ее точно ждет покой... так стоит ли ей тогда сопротивляться?

Пока Тина не вернулась, Сиэлла тихонько проскользнула в гостиную. Если ей предстоит два дня безвылазно сидеть в комнате, стоит взять какую-нибудь книгу.

И карандаш.

У нее же есть записная книжка, подаренная Элджером. И, пожалуй, стоит туда все записать. Не только факты, известные полиции. А еще свои мысли. Возможно – касающиеся не только Туза-убийцы, но и Туза-детектива. Вдруг это поможет ей понять, что делать с его неприкрытой симпатией.

Сейчас он ей помогает, не требуя ничего взамен. Долго ли это продлится? И не захочет ли он позже взять долг с процентами?

Или он охладит к ней раньше, чем это случится?

И что будет, если она перестанет быть ему интересна? Не захочет ли он забрать все, что дает сейчас?

В глаза бросился корешок, настолько потрепанный, что разобрать надпись на нем было невозможно. Вытащив книгу, Силь с удивлением обнаружила, что держит в руках старинный философский трактат о Той Стороне. Странно, когда она разбирала книжный шкаф, не замечала его... может, он был в комнате Аннет?

Решив, что рассуждения о мире духов после того, что она уже насмотрелась, ей ни к чему, Сиэлла взяла книгу, нашла на письменном столе карандаш и вернулась в комнату.

Положив все под подушку, она легла поверх одеяла и мгновенно уснула.

В этот раз ей снилась степь. Красная, желтая, зеленая, белая, как будто вокруг Силь бесновались все четыре времени года разом. Одно мгновение глаза Сиэллы слепило обжигающее солнце, а в следующее – накатывала бесконечная тьма. И в этой тьме вдалеке был виден маленький костерок. Как мотылек, глупый и безумный, Силь двинулась в сторону оранжевого света, не понимая, да и не желая понимать зачем.

Путь был бесконечно долгим, но уже через миг Силь обнаружила себя прикрывающей глаза от жара костра. Возле огня сидела старая женщина в жутком тряпье. Ее сморщенные узловатые руки держали в руках кривые спицы, но ниток не было. Вместо них был дым от костра, стелющийся к старухе. Казалось, что она вяжет этот дым. Или вяжет из дыма.

Силь почувствовала, как у нее першит в горле. В испуге она прижала руки к шее и попыталась что-то сказать.

Но вместо голоса степь услышала только хрип.

– Ты долго молчала, девочка. – Подняв голову, старуха посмотрела на Сиэllu слепыми глазами. Та в ужасе увидела в уголках этих страшных глаз могильных червей. Голос женщины был высоким, низким, хриплым и тонким одновременно. Нет, голосов было множество...

Перед Силь была не просто старуха, а Старуха, самое страшное божество степняков.

Хрип перерос в стон. Сначала тьма, теперь еще и воплощение смерти! Почему даже во сне она не может обрести покой?

– Ты многое видишь. – Голоса Старухи окутали Силь, и она замерла, не в силах пошевелиться. – Ты многое знаешь. Но мало говоришь.

«Я не могу говорить!» – хотела воскликнуть Силь. Но не сумела.

Старуха заклацала своими кривыми спицами, и дыма стало еще больше. Теперь он разъедал глаза Сиэлли.

– Ты многое видишь... и при этом слепа...

Силь попробовала сделать шаг назад, броситься прочь от этого костра, но у нее ничего не получалось. Она не могла говорить. Не могла пошевелиться. И почти ничего не видела...

– Ты слишком долго молчала... и слишком много видела... ты слепа и должна будешь за это заплатить. – Старуха улыбнулась своим беззубым ртом. Она поднялась на ноги и, бросив вязание-дым на землю, подошла к Сиэлле.

Из уголка ее губ стекала тонкая вязкая струйка полусвернувшейся крови.

– Не смотри. Не говори. Отринь все, что ты знаешь. И, когда твой разум станет чист, тебе останется только одно.

Не в силах видеть ужасный лик смерти, Сиэлла закрыла глаза.

– Слушай свою интуицию. – Голоса Старухи завибрировали, загремели, затрубили, а потом...

Потом Силь проснулась. За окном было темно. А на кровати напротив сидел Крис.

Сиэлла села на кровати, поджав ноги.

– Я опять кричала? – спросила она.

Детектив покачал головой.

– Нет. Спала как младенец. Не удержался, прости...

Чувствуя, как к щекам приливает кровь, она отвела глаза. Сколько он уже наблюдает за ней? Зачем?

Впрочем, на последний вопрос она знала ответ. Крис действительно ею очарован, и ей стоит благодарить небеса за это. Если он спрячет ее от всех... а где спрячет?

– Куда я убегу послезавтра? – тихо спросила Силь, избегая взгляда Криса. – Куда ты собираешься меня деть?

Крис вздохнул.

– Это тоже проблема... твоя проблема, цветочек.

– Что?

Неужели он собирается просто ее убрать? Ей же некуда идти! И он об этом знает!

– Мне... ты выгонишь меня? – пролепетала Сиэлла.

Туз уставился на нее как на сумасшедшую.

– С чего ты взяла? Хотел бы выгнать – давно бы отдал тебя жениху и денег получил немало. То, что я дарю тебе подарки, пытаюсь скрыть от него, влезаю в не самые законные дела, тебе ни о чем не говорит?

– Прости... – Сиэлле стало стыдно. – Это я просто не проснулась, наверное.

Крис хмыкнул.

– В общем, я могу подарить тебе кое-что дорогое. Но должен предупредить, что я это выиграл.

– Выиграл что?

Он посмотрел на нее смеющимися глазами. Теплыми, как солнечные лучи, и одновременно холодными, как кристаллики льда.

– Деньги, конечно, цветочек. Я выиграл деньги. И на них купил небольшой домик на улице Синих Ветров. Это, конечно, не центр, но тебе вполне подойдет...

– Дом? – тупо переспросила Сиэлла. – Ты купил мне дом?

Крис тихонько рассмеялся.

– Не тебе. Себе. Или Тине, но об этой покупке я еще никому не говорил. Кроме тебя. Потому что именно ты первое время будешь там жить.

– А потом? – Происходящее не укладывалось в голове.

Целый дом! Маленький, большой – не важно! Конечно, это не навсегда, но этот подарок действительно весьма щедрый! И кажется,

Сиэлла готова забыть, что домик куплен на деньги с выигрыша.

Какая разница, если подумать? Никто не заставляет всех этих людей ходить в игорные дома и оставлять там целые состояния!

– Потом... а потом посмотрим. Может, я захочу на тебе жениться, – усмехнулся Крис.

Сиэлла испуганно посмотрела ему в глаза, пытаясь понять, шутит он или нет. Она же не дает ему повода подумать, что испытывает к нему нечто большее, чем симпатия? Или ему все равно? Или то, что она принимает его помощь, и есть тот самый повод?

– Не дрожи. Я шучу. Пока, – подмигнул ей Крис и встал с кровати. Нависнув над ней, он протянул руку, предлагая ей тоже встать.

– Шутишь? – громко сглотнув, переспросила Сиэлла. – Правда шутишь?

Она приняла его руку и поднялась на ноги.

Его дыхание опалило ее кожу огнем.

– Я еще не решил, – ответил Крис. А потом резко подался вперед и жадно, будто погибающий от жажды в пустыне, припал к ее губам.

Силь замерла, не зная, что делать. Ответить на поцелуй? А что, если он захочет большего? Сейчас ночь, они в комнате одни...

А если оттолкнуть? Что будет, сделай она так? Не бросит ли Крис все на полпути?

«Слушай свою интуицию», – раздался в голове голос Старухи.

Но интуиция молчала. И Силь все еще не знала, что будет правильно.

Поэтому сделала то, что требовали губы Криса.

Ответила на поцелуй.

Глава 6

Ароматное мыло наполнило помещение запахами фиалки, лаванды и ванили. Сиэлла зажмурилась в предвкушении. В последний раз она принимала горячую ванну еще дома... в доме отца, и теперь разрывалась от противоречивого желания опуститься в пенную воду прямо сейчас или еще чуть-чуть помедлить, растягивая удовольствие.

А еще где-то на задворках сознания зудела навязчивая и неприятная мысль: сколько же Крис отдал за все это?

Сколько же он выиграл?

Его первый подарок – серебряные серьги с бериллом. Они были совсем недорогими, а значит, тогда у него не было столько денег.

При мысли о том, что ради нее он столько потратил... нет, не ради нее. Это его дом. Она просто спрячется здесь ненадолго.

А дальше... о том, что будет дальше, Сиэлла старалась не думать.

Ее жизнь сейчас – это горная река, дерзкая, бурная, непредсказуемая. Ничего не остается, как отдаться течению. Надеяться, что не налетишь на острые скалы. И не разобьешься на сотни зеркальных осколков.

Именно сейчас, стоя над заполненной горячей водой ванной, Силь осознала, что ее побег был ошибкой. Надо было придумать что-то другое.

Она – всего лишь слабая женщина, привыкшая опираться на чье-то плечо. Сначала была семья... отец, Элис... Эдж. А сейчас – Крис.

Крис, давший ей кров вот уже второй раз. Крис, который смог остановиться три дня назад, когда она еще была в доме его матери.

Сегодня, когда он привел ее сюда, его губы стали еще более жадными, а руки – смелыми, заставляя Сиэлла гореть от странных ощущений и желаний. И выбора у нее больше не осталось.

Сегодня он дошел до конца.

Да и как она могла ему отказать? Дом, одежда, продукты в кладовой... все это сейчас принадлежало ей. Пусть ненадолго, но от осознания, что она может побыть хозяйкой, кружилась голова. И Туз этим воспользовался.

Он был нежен, внимателен, чуток... через несколько минут после того, как он освободил ее от одежды, она перестала смущаться. Он смотрел на нее с таким восхищением, что она чувствовала себя по меньшей мере богиней...

А вечером он ушел. То ли в патруль, то ли в игорный дом, то ли домой, оставив Силь одну.

И она решила принять ванну.

«Слушай свою интуицию», – сказала Старуха.

И сегодня... сейчас интуиция проснулась. Сиэлла ощущала непреодолимое желание уйти, сама не зная почему. Как будто сегодня произошло что-то очень плохое. Что-то необратимое.

Скользнув в теплую воду, Силь попыталась расслабиться, но у нее не получалось. Наверное, потому, что она поняла причину своей тревоги.

Сегодня похоронили Сиэllu Ремур. Теперь у нее есть могила. И даже не пустая. Быть может, поэтому на душе так гадко?

Ее больше не существует.

Ее больше не будут искать.

Может, поэтому ей недавно явился образ смерти в виде Старухи? Пусть смерть и не настоящая, ее родные, близкие, да и просто знакомые похоронили ее.

Ее больше нет.

Силь окунулась в воду, изо всех сил пытаясь выкинуть из головы мысль, что она совершила ужасную ошибку.

Она долго лежала в теплой воде и выбралась из ванны, когда вода уже начала остывать. Вытерлась досуха белоснежным, пахнущим свежестью полотенцем и подошла к запотевшему зеркалу. Тщательно протерла его, следя за тем, чтобы не появилась полоса от виска к уголку губ. Хватит страшных знаков и жутких предчувствий.

Но полоса все равно была. Маленькая прядка волос прилипла на привычном месте. Да что же такое! Зачем небеса подкидывают ей все это? Чем она заслужила вечную тревогу? Она должна быть счастлива. Почему же ей так гадко?

Почти не понимая, что именно она делает, Силь взяла бритву (очевидно, Крис покупал ее для себя) и безжалостно отрезала непокорную прядь. Теперь она не будет прилипать, где не надо. Вот так.

И все будет хорошо.

Все будет хорошо.

Она просто все время накручивает себя, вот и все. Надо немного отдохнуть. Почувствовать вкус спокойной жизни, и тогда никакие знаки или предчувствия не будут ее донимать.

А то, что произошло между ней и Крисом... она знала, что так будет. И сегодня она уже была к этому готова. Пусть. Пусть она пала ниже некуда, но ведь теперь ее больше нет.

Ее больше нет.

Никто не обвинит ее в бесчестии. Она больше не Сиэлла Ремур.

Она теперь никто.

Она выберется. Надо просто в это верить. Может быть, она не в силах повлиять на свою судьбу сейчас, но это не значит, что все обязательно обернется ужасом, ведь так?

Завтра будет новый день. И возможно, завтра она поймет, что ее сегодняшние мысли – всего лишь следствие очередных перемен. Или же она просто слишком накручивает себя. Доктор же сказал ей, что у нее нервный вид. Возможно, ей стоит купить каких-нибудь успокаивающих трав?

Завернувшись во влажное полотенце, Сиэлла вышла из ванной комнаты и прошла в спальню. Постель еще хранила запах страсти, и Силь поняла, что не сумеет заснуть.

Пришлось полностью перестелить постель прежде, чем она решила прилечь. Ночную сорочку, что купил ей Крис, она надевать не стала, оставшись обнаженной.

Пытаясь отвлечься от странных предчувствий, Сиэлла повернулась на бок. Спальня была совсем небольшой, но зеркало было огромным. Оно занимало половину стены, и Силь обнаружила себя смотрящей на свое отражение. Огонек единственной свечи, которую она до этого намеревалась оставить, трепетал, и она снова увидела полосу на лице.

Хватит.

Хватит, хватит, хватит, хватит!

Разозлившись на весь мир, Силь зло задула свечу, накрылась с головой одеялом и попыталась думать о хорошем.

О том, что обрела свободу от прошлой жизни. О том, что Нейтан Тинклер теперь перестанет ее искать. Она больше никогда его не

увидит, и тьма его глаз больше никогда не испугает ее.

Но подсознание, интуиция или просто судьба решили над ней подшутить.

Заснув, она оказалась в том переулке, где нашли тело Элджа. В том месте, где она впервые встретила Туза и Ифрита. Было темно, фонари не горели, но Силь видела происходящее вокруг очень хорошо. А еще она точно знала, что ее нет. Что она лишь призрак, и никто не сможет ее увидеть. Сначала было тихо, но потом Сиэлла услышала чьи-то тихие шаги. Она еще не видела, кто это, но знала.

Нейтан Тинклер.

Он не видел ее, ведь она была всего лишь призраком, а вот она могла хорошо его разглядеть. Впервые она его не боялась. Потому что он не мог причинить ей вреда.

Его черный плащ был распахнут, и Сиэлла видела, что он не изменяет себе. Все та же белоснежная рубашка, темно-серый шейный платок, черный костюм-тройка. Дорогие туфли. Темные круги под глазами и застывшая на губах презрительная ухмылка. В руках он держал бутылку виски, наполовину пустую.

Он шел покачиваясь, и Сиэлла поняла, что он пьян. А ведь она впервые видит его таким. Пусть и во сне.

Как будто почувствовав ее присутствие, Нейтан внезапно остановился. Он был так близко, что Сиэлла смогла разглядеть маленькие морщинки в уголках его глаз. Черных глаз. Просто черных.

Он не может ничего ей сделать, и поэтому она не видит его тьму.

Пьяно озираясь, Тинклер сделал глоток из бутылки. А потом со злостью разбил ее о стену. Осколки разлетелись по переулку, сокрушив тишину, а Нейтан повернулся к Силь и посмотрел ей в глаза.

– Он – заклинатель, – произнес он своим скрежещущим голосом. – Это же очевидно!

Силь почувствовала, что ей трудно дышать. Горло сдавливали невидимые пальцы, но в этот раз тьма Тинклера была здесь ни при чем, хотя он продолжал смотреть ей в глаза, как будто действительно видел.

Задыхаясь, она все-таки смогла выпутаться из цепких объятий сна. Резко сев, Силь обнаружила, что постель мокрая от пота, как будто кто-то вылил на нее целое ведро воды.

Тяжело дыша, она сползла с кровати и кое-как дошла до ванной, чтобы умыться. Нет, это не кошмар. Это опять подсознание. Интуиция пытается до нее достучаться. В прошлый раз была Старуха, а в этот раз Тинклер. Форма ни при чем.

Ни при чем.

Заклинатель... конечно же! Туз – заклинитель. Нет у него никаких сообщников, только те, кем он повелевает.

Туз – заклинитель. Крис – заклинитель...

Нет.

Стоило ей на миг подумать, что Крис может оказаться убийцей Элджа, как ее жутко вырвало. Хорошо, что она стояла над умывальником.

Руки тряслись, и для того, чтобы зажечь свечу, понадобилась целая вечность. И только когда маленький огонек осветил все вокруг, она поняла, что Крис не может быть Тузом-убийцей. Он – точно нет. Она ведь заставляла его за изучением материала по Тузу. Она видела, как он хочет побыстрее закрыть это дело.

Или все игра?

Нет, это не может быть игрой... Она точно знает, что он был искренен. Если Старуха имела в виду именно это, то она будет слушать свою интуицию. Крис – не убийца. Он тот, кто пытается этого убийцу найти.

Третьей смены постельного белья не было, поэтому Силь пришлось застелить кровать покрывалом и лечь поверх, укрывшись теплым халатом.

Едва она положила голову на подушку, как мгновенно уснула. И в этот раз ей ничего не снилось.

А когда проснулась – не сразу поняла, где находится. Долго смотрела в потолок, вспоминая вчерашний день. День, когда она умерла. То ли во сне она неудобно повернулась, то ли из-за того, что вчера она впервые была с мужчиной, тело ломало, а еще – ее бил небольшой озноб.

Нежели она простудилась?

Нет, это все оттого, что за ночь дом выстыл, ведь она не решилась оставлять камин зажженным, опасаясь пожара.

Кое-как поднявшись с кровати, Сиэлла раздвинула шторы, впуслав в спальню холодное осеннее солнце, и подошла к платяному

шкафу. Вчера она толком не успела разглядеть свое жилище.

Временное жилище. Она здесь не навсегда. Нужно об этом помнить.

Открыв дверцу, Силь вытащила первое попавшееся платье. Сиреневое, пошитое из бархата и драпа. То, что надо в свете наступающих холодов. К платью нашлись мягкие туфли. Порывшись в шкафу, Силь нашла и накидку, и плащ, и даже шляпку.

Через несколько дней она сможет выйти на улицу. В этом районе Омирши она никогда толком не бывала, поэтому была надежда не встретить никого из знакомых.

Но лучше дождаться, когда все забудут ее портрет и сумму, что обещали за сведения о ней.

Обещал.

Тинклер.

Вспомнив вчерашний сон, Сиэлла подошла к прикроватному столику и достала оттуда записную книжку и карандаш. К сожалению, книгу о Той Стороне пришлось оставить. Она не хотела, чтобы Тина или Аннет считали ее воровкой.

Глянув на последнюю запись, Сиэлла усмехнулась.

«Подавись своим благородством», – было выведено ее рукой.

И теперь она добавила: «Заклинатель».

Это действительно очевидно. Не зря начались обыски у сотрудников магполиции. Дело не в том, что Туз неуловим. Не только. Туз – повелевает обитателями Той Стороны. Как и детектив, пытающийся его найти.

Зачем она этим занимается? Понятно же, что она, бывшая графская дочь, бывшая немая служанка, а теперь женщина, которой не существует, не сможет узнать больше, чем магполицейские.

Не считать же достоверной информацию, что ей снится. Возможно, все это чушь.

В животе заурчало. С тоской подумав, что печь на кухне холодна и безжизненна, ведь в этом доме нет даже приходящей кухарки, Силь спрятала записную книжечку обратно. Зачем-то вытащила браслет Элджа и серьги Криса.

Зачем-то надела.

И подошла к зеркалу.

Отразившись от зеркала, шальной солнечный зайчик попал сначала на серебро сережки, а потом и на кожу, рисуя привычную полосу от уголка губ до виска.

Силь даже не стало страшно. Пожалуй, не обнаружив очередного дурного знака, она бы очень удивилась.

Усмехнувшись собственному безразличию, она расчесала волосы, заплела их в косу и вышла из спальни.

Пора было начинать новый день.

Новую жизнь. Ведь старая больше ей не принадлежала.

Остатки эйфории, что хотя бы на несколько дней или недель она будет хозяйкой, сошли на нет уже к вечеру. Сиэлла осознала, что долго так не протянет. Ей остро не хватало общества. Хотя бы чьего-то. Не то чтобы в доме Винтспиров она с кем-то разговаривала, ведь они считали ее немой, но присутствие людей действовало успокаивающе.

А сейчас она осталась со своими мыслями один на один. И здесь не было инструмента, который помог бы ей заполнить душу музыкой.

Наверное, поэтому ей так плохо. Она бросила свой рояль... оставила старого друга там, где к нему больше никто не прикоснется, ведь Аннет не может играть. И рояль Сиэллы обречен на вечное молчание... как и она сама.

Здесь, в этом небольшом домике на улице Синих Ветров, она может быть кем угодно. Но она все равно немая... если только не начнет разговаривать сама с собой.

Да и ко всему прочему – она почти не умела готовить. Хлеб с сыром и кое-как сваренный кофе – вот и все, что она могла себе позволить.

Крис пришел вечером. Было видно, что он очень устал: его колючие глаза запали, светлые волосы растрепались, а губы были плотно сжаты.

– Как ты тут, цветочек? Нравится? – спросил он, сняв плащ.

Силь, за несколько минут до этого сварившая очередную порцию кофе, улыбнулась. Она была рада ему, а еще была рада тому, что кофе она варила не зря.

– Здесь очень хорошо, – ответила она, хотя это и не было правдой. Но говорить о том, что такой щедрый подарок ей не нравится и она предпочла бы оставаться его служанкой, а не содержанкой... гостьей этого дома, ей казалось совершенно неблагоприятным.

– Я рад, – сказал он. И, шагнув к ней, сжал в объятиях. – Как ты вкусно пахнешь... Ты надела мои серьги... тебе очень идет.

– Это всего лишь кофе... я как раз приготовила, будешь?

– Мм... – протянул он. А потом наклонился и поймал ее губы.

Почувствовав, как его руки скользят по ее телу, Силь попыталась выпутаться. Нет, не сейчас. Она же не соержанка... не для того здесь живет, правда?

Мысль о том, что Туз просто воспользовался ее ситуацией, чтобы найти себе молодую и полностью подчиненную его власти любовницу, тоже казалась Сиэлле неблагодарной.

Может быть, зря.

* * *

Всю следующую неделю Сиэлла пыталась привыкнуть. К своему новому положению. К новой жизни, которая с каждым днем становилась все более невыносимой от всепоглощающего одиночества. К тому, что ее больше не существует.

До того как все случилось, она и не задумывалась о том, как тяжело ей будет осознавать, что никто больше не назовет ее Сиэллоу.

Только Крис, навещающий ее каждый вечер. Он оставлял ей деньги, приносил продукты, дарил фиалки и милые мелочи вроде шкатулки для драгоценностей или томика стихов.

Он приходил, наполнял молчаливый дом запахом усталости, отчаяния и, наверное, любви.

Аннет становилось все хуже, и Сиэлла знала, что Тина оставила работу, чтобы ухаживать за матерью. С каждым днем визиты Криса были все короче, он тоже торопился домой.

Короткие объятия, короткая страсть, легкий поцелуй в плечо, прощание, и Сиэлла снова оставалась одна.

В доме, который ей не принадлежал.

Она не винила Криса. В конце концов, он не заставлял ее делать все это. Она согласилась на все сама, и, если подумать, он ни к чему ее не подталкивал.

Об этой плате говорила Старуха? О плате одиночеством?

Сиэлла не знала.

Этим вечером Крис пришел раньше обычного. Пошатываясь, будто пьяный, он ввалился в гостиную, где она сидела с подаренным им томиков стихов, и сгреб ее в охапку.

– Что случилось? Ты сам не свой! – воскликнула Силь, когда он прижался губами к ее шее, пытаясь справиться с завязками платья.

– Не говори ничего... – прошептал он. – Пожалуйста...

– Крис, что случилось? – Она забилась в его руках, стараясь выпутаться.

Нет, они не будут предаваться страсти на ковре в гостиной! Пусть Сиэлла и пала ниже некуда, какие-то рамки еще остались, и она не хотела их нарушать.

Он сжал ее крепче, но больше не пытался раздеть. Глубоко вздохнул, обдавая дыханием ее кожу, а потом снова прижался губами к пульсирующей жилке на ее шее.

– Сегодня добрались до меня. Обыскивали дом, – глухо сказал он. – Я и не думал, что это будет так... унижительно.

– О... я... мне жаль, – неловко ответила Силь, не зная, что еще сказать. – Но ведь все прошло хорошо? Ты же непричастен к делам Туза...

– Я и есть Туз... и поверь, благодаря моему позывному именно в моем доме обыск был намного тщательнее, чем у других. Идиоты... Это же газетчики дали маньяку прозвище, о чем думают эти бюрократы из Шивала? Они заставили маму встать, хотя невооруженным глазом видно, что она еле дышит! Они обыскивали ее, понимаешь? Один из них бросил, что она притворяется, будто... а потом добавил, что мы все здесь – просто неотесанные чурбаны, не чета столичным жителям. Ты не представляешь, чего мне стоило не начать драку.

Не говоря ни слова, Силь обняла мужчину в ответ. Теперь она понимала, почему он так зол.

– Как Аннет себя чувствует? – тихо спросила она.

Крис опять глубоко вздохнул, а потом отстранился. Проведя рукой по волосам Сиэллы, он плюхнулся в единственное кресло возле горящего камина.

– Плохо. Теперь она все время чувствует себя плохо. Тина... – Он помедлил. А потом сглотнул и продолжил: – Сестра думает, что нашей матери совсем недолго осталось. Знаешь, в чем самая соль, цветочек?

Неделю назад к нам приходил известный доктор из Шивала. Я заплатил огромную сумму, чтобы вызвать его сюда. Он тоже не знает, понимаешь? Никто не знает, от чего именно умирает моя мать!

Застонав, он закрыл лицо руками, а Силь почувствовала, как с ее сердца падает огромный булыжник. Пусть новости, которые сообщил Крис, были ужасными, но она обнаружила, что все это время на нее давило не только осознание своего падения.

В глубине души она думала, что Крис купил этот дом вместо того, чтобы спасти свою мать.

Нет. Он купил его после того, как выделил нужную сумму семье.

И пусть это оказалось бесполезным и Аннет все равно умирала, Силь стало немного легче.

Теперь она точно знала, что ценой ее спасения не стала жизнь этой доброй несчастной женщины.

Сиэлла села у ног Криса и прижалась щекой к его колену, чувствуя, как он тяжело дышит, пытаясь справиться с собой.

Слова были лишними. В горе не нужны слова. Нужно просто чувствовать, что кому-то не все равно.

Они просидели так довольно долго. Потом Крис потянул ее к себе, усадил на колени, и они бесконечно долго целовались у потухающего камина. Слова действительно были не нужны, Сиэлла и без слов понимала, почему Крис цепляется за нее, как утопающий за соломинку.

Возможно, лучшим выходом для него было бы отправиться в какой-нибудь бар вместе с Эриком и хорошенько напиться, выговориться. Но из-за того, что каждый день детективу приходилось идти либо в участок, либо в патруль, либо и туда и туда, он не мог себе этого позволить.

Но у него была Сиэлла.

Не думать. Не думать, что он просто использует эту ситуацию в своих интересах. Не думать о том, что будет, когда она ему надоест.

Сегодня Крис был особенно нежен. Лаская, он смотрел на нее, как на нечто невероятно красивое. Целовал ее так, будто только это могло принести ему облегчение.

– Ты просто чудо, цветочек мой, – прошептал он, когда они, усталые и удовлетворенные, лежали в постели.

Играя ее волосами, он бормотал еще какие-то нежности, но Силь не могла разобрать слов. Ей было одновременно хорошо и гадко.

Она верила Крису. Пожалуй, она точно знала, что он искренен. Но при этом она была противна сама себе, ведь она отдавала ему себя не потому, что влюбилась.

А потому, что он был ее единственной надеждой.

Так кто же кого использует?

Впрочем, Сиэлла была бы не против, если бы оказалось, что каждый преследует свои цели. Так их отношения выглядели бы намного честнее.

Уверяя, что он очень хотел бы остаться, но иначе Тина сойдет с ума, ухаживая за матерью в одиночку, Крис ушел, и Сиэлла, пожалуй, была рада этому.

Да, она умирала от одиночества, и Крис был единственным, кто это одиночество разбавлял, но при этом она не хотела вставать между ним и его семьей.

А еще без него ей легче удавалось не думать о том, что она сама загнала себя в ловушку.

Она пролежала без сна до рассвета, а поднявшись с постели, обнаружила, что за ночь Омирша укуталась в снежные покровы. Сезон ветров закончился. Конечно, первый снег скоро сойдет, но больше не будет столько песка. Улицы заполнятся горожанами, которым не надо будет опасаться, что порывы неистового ветра унесут их шляпу или бросят в лицо горсти песка.

Песок насытится снегом до весны. Смешается с землей.

И скоро Омирша станет очень красивой. Украшенной инеем, кружевами морозных узоров на окнах и белым пушистым снегом.

Осень еще не закончилась, близится лишь середина. Но здесь, в степной Омирше, зима наступает намного раньше, чем по календарю.

Мысли потекли в другую сторону. Туз опять затаился. Значит ли это, что он просто хотел убить определенных людей и больше убийств не будет? Или же здесь что-то другое? Сиэлла не могла выкинуть из головы странность, что поначалу убийства были частыми, а потом темп очень снизился. Практически сошел на нет.

Что связывает жертв Туза кроме игры?

Целый отряд детективов не может найти эту связь. Получится ли это сделать у Сиэллы, которая не выходит из дома?

Наверное, нет.

Полюбовавшись еще немного на пока что белый снег, Силь отвернулась от окна. А потом решительно открыла шкаф, вытянула оттуда теплое платье, плащ, перчатки и теплые сапожки.

Может, она об этом и пожалеет потом. Может быть, ее прихоть – лишь следствие очередной бессонной ночи.

Но ей нужно прогуляться. Иначе она точно сойдет с ума.

Стоило ей переступить порог, как она едва не задохнулась от хлынувшего в легкие свежего воздуха. Небеса, как же давно она не гуляла!

Страх держал ее в душных комнатах, и сейчас, выйдя на улицу впервые за неделю, она почувствовала головокружение.

Прислонившись спиной к двери, Силь закрыла глаза, пережидая приступ. Надо чаще выходить.

Она все-таки не цветок в горшке.

Не Фиалка. Не кукла.

Она – женщина, которая хочет видеть что-то, кроме четырех стен. Она хочет жить. И она будет.

Жить, а не существовать.

Почувствовав, что слабость отступила, Силь накинула на голову капюшон и спустилась с крыльца. В тот день, когда Крис привел ее сюда, она почти ничего не сумела разглядеть: слишком волновалась, да и то, что в этот же день хоронили неизвестную, занявшую ее место в списке мертвых, тоже не способствовало вниманию.

А сегодня она обнаружила, что улица Синих Ветров весьма симпатична. Здесь бурлила жизнь, потому что в каждом втором жилом доме была какая-нибудь лавка. Силь заметила аптекаря, мясника, ювелира и даже букиниста... а в конце улицы виднелся небольшой сквер.

Именно туда она и отправилась.

Припорошенные снегом дорожки, кустарники и чирикание воробьев заставило Сиэллу задохнуться от нахлынувшего чувства беспричинного счастья. Дурные мысли улетучивались, а оставался только покой. Может, поэтому ей и мерещится везде подвох? Она просто слишком долго провела в четырех стенах, и жизнь шла мимо

нее. Ей ничего не оставалось, кроме как думать. Мысли бежали по спирали, становились все тревожнее, а на самом деле... может быть, на самом деле все просто?

Очень хотелось откинуть капюшон, поднять лицо к затянутому серыми облаками небу и улыбнуться. Но Силь сдержалась. Еще слишком мало времени прошло с тех пор, как ее портрет перестали печатать в каждом номере. Нужно немного потерпеть.

Поэтому Сиэлла просто прогулялась по заснеженному скверу, а когда немного замерзла, отправилась обратно.

В этой части Омирши она не бывала, и ей нравился здешний воздух. А еще – фабрика по производству кирпича была очень далеко, а это значило, что снег здесь никогда не покрывается красноватой пылью. Даже на улице Мятного Хлеба, где стоял дом ее отца... ее бывший дом, такое бывало.

Когда Силь проходила мимо лавки букиниста, ей пришло в голову, что, возможно, стоит найти себе более полезное чтение, чем стихи. Рискованно, однако Силь не удержалась и вошла в лавку, звякнув колокольчиком. Утром рабочего дня здесь конечно же не было посетителей, и Силь не знала, радоваться этому или нет. С одной стороны, точно не встретишь никого из знакомых, а с другой – лавочник наверняка ее разглядит.

Надеясь, что ей повезет, Сиэлла откинула капюшон и поздоровалась с хозяином – высоким и худощавым мужчиной, ровесником ее отца. Когда она вошла, он занимался тем, что протирал от пыли верхнюю полку одного из массивных книжных шкафов. Содержимое полки грудой лежало у лестницы, на которой он стоял.

– Доброе утро, молодая леди, – удивленно посмотрев на раннюю посетительницу, поздоровался он глубоким баритоном.

Леди... она не леди. Уже нет.

– Доброе утро, – кивнула Силь, подарив ему несмелую улыбку. Надо же, она так отвыкла разговаривать с кем-то, кроме Криса, что отвечать ему было непривычно. Так и хотелось притвориться немой.

– Ищете что-то определенное? Или вам просто скучно в это серое утро?

Сиэлла не стала говорить этому человеку, что это утро совсем не серое. Оно – белое. А еще – оно кажется прекрасным.

– Я... – Ее взгляд упал на кипу книг у подножия лестницы.

На самом верху лежала книга под названием «Лабиринты Той Стороны». Сиэлла будто обухом по голове ударили.

Потому что иначе, как судьбой, она это назвать не могла.

– Я уже нашла то, что мне нужно, – прошептала она.

Радуюсь, что не забыла деньги, Сиэлла расплатилась за книгу и покинула лавку, надеясь, что хозяин ее не запомнит. Смотрел он на нее странно, но это вполне могло быть оттого, что ее покупка была необычной. По словам лавочника, эта книга пролежала в лавке несколько лет, никому не нужная.

Конечно, простому люду, что здесь жил, вряд ли интересны рассуждения о Той Стороне. Ближайшая сыскная школа, которой могла бы понадобиться эта книга, тоже была не близко.

Силь подумала, что книга сама позвала ее. Она не знала, почему ей так интересна эта тема. Возможно, это все интуиция? Или она уже потихоньку сходит с ума?

Купив несколько свежих булочек в хлебной лавке, Силь вернулась домой. Сварила кофе, позавтракала и устроилась у камина с книгой. Она совершенно не чувствовала, что не спала всю ночь, усталости почти не ощущалось.

В отличие от книги, которую Сиэлла не дочитала в доме Винтспиров, «Лабиринты Той Стороны» не были философским трактатом. Как выяснилось, Сиэлла купила книгу не о духах.

О заклинателях. Об истории их дара.

Вводная глава была посвящена тем временам, когда заклинатели были вне закона, ведь их способности считались опасными. Но вот уже много веков, как повелевающие духами служат на благо Хортелла.

Странные намеки, которые не укладывались в голове, Сиэлла заметила с первых страниц, но пыталась не обращать на них внимания. Однако уже первые строки второй главы заставили ее разум вывернуться наизнанку.

Всю жизнь она думала, что заклинатели – это те, кто может призывать обитателей Той Стороны и заставить служить себе. Но, как выяснилось, все было совсем не так.

Заклинатели не призывали духов. Они находили их на улицах, попавших в мир сквозь зеркальные коридоры, открытые глаза мертвеца или же через гладь воды, в которой находился утопленник. И не отправляли обратно, потому что никто не знал, как это сделать.

Нет, духов не изгоняли. Их запечатывали внутри собственной души. То есть получается, что Крис носит Ароха в себе? И еще кого-то? Сколько жутких порождений иного мира спрятано внутри души Криса Винтспира?

Книга выпала из рук, но Силь этого не заметила. Она думала о том, что эту книгу надо запретить. Чтобы никто из простых людей, никак не связанных с даром заклинателя, не знал страшной истины. У Криса, как и многих его коллег-заклинателей, есть определенные проблемы с прислугой. Их боятся. А какие проблемы начнутся, если многие узнают, что обитатели Той Стороны, внушающие ужас и страх, никуда не исчезают?

Что они смотрят на тебя из души заклинателя?

Может, именно поэтому взгляд Криса всегда казался ей колючим? Замораживающим. Может, каждый раз на нее смотрел не Крис, а тот, кто живет внутри?

Сколько их у него?

И не могут ли они завладеть душой заклинателя, полностью подчинив его себе? Нет, наверное, не могут, иначе заклинатели до сих пор оставались бы вне закона. Их бы просто истребляли...

Небеса...

Заклинатели не вызывают духов. Они просто выпускают их на время! А ведь есть еще артефакты... Сиэлла думала, что с их помощью можно воззвать к Той Стороне, но получается, что артефакты – это тоже просто вместилища.

А что будет, если заклинатель сойдет с ума?

И куда уходят запечатанные духи, когда заклинатель умирает?

– Куда они уходят? Куда? – прошептала Силь, прижимая руки к вискам.

Хлопнула дверь, и она поняла, что больше не одна в доме.

Пришел Крис.

Сиэлла подняла книгу, намереваясь спрятать ее где-нибудь, но не успела.

– Вот ты где... – При свете дня Крис выглядел не таким изможденным. – Я тут решил, что... Небеса, цветочек, ты бледна как смерть! Что с тобой?

Сиэлла быстро помотала головой. Слова застряли в горле. Она просто не знала, что ей сказать.

– Что это за книга... – Туз быстро подошел к ней, отобрал у нее томик и грязно выругался. – Где ты взяла эту дрянь?

– Купила... – прошептала Силь. – Хочешь сказать, что в ней все неправда?

– Не хочу. – Крис хмуро смотрел на книгу. Его лоб прорезала глубокая складка. – Но эта книга опасна... ее автор совершил ошибку, понимаешь?

Сиэлла понимала. Но, несмотря на это, покачала головой.

– Вы всем внушаете, что всего лишь вызываете их... почему?

Еще она хотела спросить, почему он пришел так рано. Ведь время только к обеду!

– А как ты думаешь? – спросил Крис в ответ.

Силь опустила глаза. Она представила, каким злом во плоти людям будут представляться те, кто их защищает.

– А куда уходят духи после... после вашей смерти?

– На Ту Сторону. Вместе с нашей душой, к которой они привязаны.

Силь почувствовала, что дрожит. Ей захотелось оказаться подальше от Криса.

– Цветочек... пойми, ничего не изменилось. Это все еще я. То, что ты теперь знаешь, что я запечатал в своей душе несколько сущностей, не меняет ничего. Я все тот же, понимаешь?

Сиэлла понимала. Но легче не становилось.

– Я... прости, мне просто надо это осознать. Принять. Почему ты так рано?

Крис вздохнул.

– Хотел сделать тебе сюрприз. Тебе же одиноко, вот я и попросил Эрика прикрыть меня сегодня... Хотел сводить тебя на прогулку, но ты меня опередила.

Силь положила книгу на кресло и вновь повернулась к Крису.

– Я справлюсь с этим. Ты прав. От того, что я теперь знаю правду, ты не изменился. Просто это... этого действительно лучше не знать.

Крис несмело улыбнулся. Его глаза были холодными, но теперь Силь знала почему. Глаза – зеркало души, а душа Криса заполнена чем-то кроме страстей. В ней живут страшные существа.

Он же не виноват в этом, правда?

– Крис, я хочу, чтобы ты ответил мне на один вопрос, – вглядываясь в глубины его ледяных глаз, попросила Силь.

– Хорошо. Все что угодно, цветочек. – Он немного расслабился. Шагнув к ней, он поднял руку, чтобы ее обнять, но Силь отстранилась.

– Скажи мне, что ты собираешься со мной делать?

Он замер, непонимающе глядя на нее.

– Ты о чем? – прищурившись, спросил он.

Сиэлла поморщилась. Почему она решила затеять этот разговор именно сейчас? Но назад дороги не было. Может, это все оттого, что она проветрила голову?

– Я хочу понять, чего мне ждать, – осторожно сказала она. – Что будет, если я тебе надоем? Сейчас я никто. Меня не существует...

– Ты сама на это согласилась.

– ...и я живу в этом доме, к которому не имею никакого отношения. По сути, у меня ничего нет. Даже имени. Я полностью в твоей власти. Я хочу знать, что меня ждет!

Крис застыл. На его лице появилось жесткое выражение.

– Ты настолько мне не доверяешь? Считаешь, будто я с тобой играю? Как с куклой?

Силь опустила глаза.

– Нет, я... не это имела в виду.

– Ты доверилась мне, и ты не представляешь, как я был этому рад. Я думал, что тебе нравится то, что происходит. Ты ведь хотела спрятаться от своего жениха, и я сделал все, чтобы тебя спрятать! Что тебе еще нужно?

– Ты меня не слышишь... – прошептала Силь. – Я благодарна тебе за то, что ты для меня сделал. Правда, я не вру! Но... послушай, сейчас ты, возможно, влюблен, но... Я хочу понять, куда все идет, понимаешь? Я не хочу показаться неблагодарной, нет. Я... я просто хочу знать, что будет завтра.

Повисло молчание. Крис не говорил ни слова и, кажется, даже не шевелился. Может, не знал, что сказать? Или подбирал слова? Сиэлле было страшно поднять взгляд и увидеть.

– Такого я не ожидал, – когда тишина стала совсем уж тягостной, ответил Крис. – Я даже не знаю, что сказать.

– Скажи правду.

Он вздохнул. Обошел Сиэллу и сел в кресло, бросив книгу о заклинателях на пол. Опять воцарилась тишина. Лишь треск в камине нарушал ее да тиканье часов.

Бом-м-м...

Силь вздрогнула от неожиданности и посмотрела на циферблат. Уже час дня. Или еще?

– Ты была так очаровательна, – внезапно сказал Крис. – Пожалуй, не будь ты беглянкой, я все равно бы купил этот дом и поселил тебя здесь. И знаешь, мне жаль, что ты – знатная леди. Будь ты проще... было бы проще и мне.

Силь не очень понимала, к чему он клонит.

– Зачем ты все портишь? – Он поднял голову и встретился с ней взглядом. – Нам же было так хорошо...

Сиэлле стало совсем холодно под его взглядом. Он будто вымораживал ее изнутри. Обняв себя за плечи в тщетных попытках согреться, она продолжала смотреть на него.

Прекрасное утро, когда решила, что будет жить, а не существовать, было так далеко, что Силь не могла поверить, что прошло всего несколько часов.

Холод внутри... он ведь не оттого, что на нее смотрит Крис.

А оттого, что он не знает ответа на ее вопрос.

Это не холод. Это страх.

Страх перед неизбежным...

Так и не дождавшись от нее ответа, Крис посмотрел на огонь, а потом зло пнул несчастную книгу и поднялся на ноги.

– Цветочек, ну зачем? – В его голосе была злость. – Мне сейчас только тебя не хватает! Зашедшее в тупик расследование, обыски, умирающая мать... но я нашел время, чтобы заняться твоими проблемами. Я сделал все, что ты хотела. И ничего не попросил взамен!

– Я отдала тебе себя, – напомнила Силь. В душе становилось пусто, будто кто-то выкачивал оттуда последние крохи радости и надежды.

– Только не надо говорить, что ты сама этого не хотела! – Он внезапно разъярился. – Еще и насильником меня выставить хочешь?

– Нет... я не это имела в виду, – бесстрастно ответила Силь. Ее накрыло нереальностью происходящего.

– А мне кажется, именно это! – Крис сделал к ней шаг и схватил за подбородок, заставив поднять голову и посмотреть ему в глаза. – Зачем ты все сломала, Фиалка?

– Я не цветок, Крис. Я – человек. Я просто хотела знать, чего мне ждать.

– Чего тебе ждать? Я давал тебе повод думать, что выкину тебя отсюда? Давал тебе повод думать, что ты для меня – всего лишь кукла? Зачем ты все это начала?

– Да потому, что я чувствую, что это ненадолго! – выкрикнула Силь. – Ты скоро начнешь охладевать ко мне! И я просто хотела быть готовой... к тому, что меня ждет. Вдруг ты просто вышвырнешь меня!

Крис разжал пальцы и с горечью посмотрел на нее. Потом обошел ее по широкой дуге и направился к выходу из гостиной.

– Я и не думал, что ты такого мнения обо мне, – тихо сказал он, остановившись в дверях. – Даже не знаю, что теперь делать. До того как ты это озвучила, мне это в голову не приходило. Знаешь, это даже больно. Знать, что женщина, для которой ты столько сделал, считает тебя мерзавцем.

– Но я не считаю тебя мерзавцем! Ты все неправильно понял! – воскликнула Сизэлла. – Я... наверное, я не так выразилась!

– Ты сказала правду, – безжизненно проговорил Туз. – Ты действительно так думаешь.

Силь почувствовала, как по щекам катятся слезы. Какая же она дура! Она обвинила его в том, чего он даже не делал! Почему все в ее жизни происходит неправильно? Как будто она живет в перевернутом мире и поэтому не может найти общий язык с его обитателями!

– Прости меня, Крис. – Она бросилась к нему, но он не дал ей себя обнять.

Перехватив ее руки, он поднял их над ее головой, заставив почувствовать себя совершенно беспомощной.

– Не надо, – жестко сказал он. – Пойду займусь делом, раз уж мое общество тебе неприятно.

– Я так не говорила... ты меня неправильно понял...

– Как же я забыл... Ты ненавидишь игроков. А я то, дурак, думал, что для меня ты сделаешь исключение...

Он грубо оттолкнул ее, она упала и больно ударилась плечом о край журнального столика. Крис покинул дом, оставив Сизэлле рыдать

над последствиями собственной глупости.

* * *

Казалось, что мир раскалывается на кусочки. Она ведь думала об этом, почему она не была готова к тому, что Крис разозлится?

Она понимала, почему он так себя вел. Потому что она задавала неудобные вопросы. Потому что он хотел просто расслабиться, а она...

Она просто не вовремя.

Оправдываться не было смысла. Оправдывать Криса – тоже. Нужно было вытереть слезы, подняться с пола и привести себя в порядок.

Или выспаться.

Сегодня Крис уже не придет. А когда придет... что ж, чему быть, того не миновать. Будь что будет. Силь решила, что не станет продумывать варианты. Она уже продумала и все испортила.

Встав на ноги, Сиэлла подняла книгу и прижала ее к груди. Пошатываясь, прошла в спальню. Положив «Лабиринты Той Стороны» на прикроватный столик, села на покрывало и посмотрела в зеркало.

Глаза опухли от бессонной ночи и недавних слез, волосы растрепались, а платье было порвано на груди. Когда это случилось?

Крис, конечно, вел себя скверно, но уж точно не рвал на ней одежду!

Поражаясь собственному безразличию и пустоте, поселившейся в душе, Сиэлла легла на кровать и закрыла глаза.

Привести себя в порядок она успеет. Сейчас нужно заснуть. Может, когда она проснется, все происходящее покажется лишь мимолетным кошмаром?

Не правдой, а просто видением.

Сиэлла очень хотела в это верить...

Заснула она мгновенно, и в этот раз ей снова снилась Старуха. Она сидела в огромном кресле у камина в доме Винтспиров и вязала дым, что-то тихо бормоча себе под нос.

Сиэлла обнаружила себя у рояля, и даже во сне она очень хотела на нем сыграть.

– Ему суждено вечное молчание, – проскрежетала Старуха, недовольно морщась. Кажется, вязание плохо шло. – Но ты можешь этого избежать. Если перестанешь прятаться.

Сегодня она казалась Силь более человеческой. А еще она чем-то напоминала Аннет.

– Я скоро умру? Поэтому ты являешься мне? – спросила Сиэлла.

Старуха зацыкала своими кривыми спицами.

– Я – не то, что ты думаешь. Я – то, о чем ты стараешься не думать. Но спрятаться навечно не получится...

Дым, как и в прошлый раз, с каждым мгновением становился все более едким. Сиэлла почувствовала, как в горле начинает першить.

– Зачем ты пришла? Зачем ты мучаешь меня? – прохрипела она.

Старуха перестала вязать. Она сложила спицы и бросила их в камин. Они вспыхнули, выстрелили сотнями искр, разгорелись, и огонь выпустил свои жадные щупальца к ногам вязальщицы.

– Ты мучаешь себя сама. Ты совершила слишком много ошибок. А за ошибки всегда приходится платить.

Сиэлла задрожала.

– Что меня ждет? Ответь! Слышишь? Ответь! – Голос с каждой секундой становился все тише.

Угасал, в то время как пламя вокруг становилось все ярче.

Старуха усмехнулась.

– Я не знаю, что тебя ждет. И не могу знать... ведь я – это ты!

Сиэлла закричала и... проснулась.

В комнате было темно, но на прикроватном столике горела свеча. Ноги были укрыты пледом.

Опершись спиной о кровать, у ног Сиэллы сидел Крис.

И спал, откинув голову назад.

Единственная мысль, которая посетила ее, была про то, что мужчине неудобно. Надо его разбудить, не то у него будет болеть шея...

Сев на кровати, Сиэлла протянула руку и нежно провела по пшеничным волосам Криса.

– Проснись, – тихо попросила она.

Туз открыл глаза. Повернулся к ней и поморщился. Очевидно, шея все-таки затекла.

Они застыли, глядя друг другу в глаза. Сиэлла пыталась понять, почему он вернулся. Решил, что не стоит ссориться? Почувствовал себя виноватым? Или простил ее за неудобные вопросы? А может, понял, что для Силь это действительно важно?

К сожалению, понять это было невозможно. Его лицо было совершенно бесстрастным, а взгляд – привычно колючим. Он тоже смотрел на нее. Возможно, он хотел понять, о чем думает она.

Кто из них попросит прощения? Кто из них признает, что был не прав?

Силь себя неправой не считала. Она признавала, что полезла со своими вопросами не вовремя, но сути это не меняло. Крис не знал ответа. И, возможно, не хотел знать.

Наконец в его глазах появились эмоции. Но они Сиэлле не понравились. Потому что главной из них было разочарование.

Он отвел взгляд, поднялся на ноги и молча вышел из комнаты. Силь же вспомнила, что так и не привела себя в порядок, а значит, ее платье разорвано, а на голове гнездо.

Но это больше ее не трогало.

Она откинула покрывало, встала с кровати и направилась вслед за Тузом.

– Уже уходишь? Опять? – обнаружив его в прихожей, спросила она.

Он невесело усмехнулся.

– А ты хочешь, чтобы я остался? Брось, цветочек, я тебе не нужен. Ты здесь только потому, что тебе некуда идти.

– А я тебе? Я тебе нужна? – спросила Силь, чувствуя, как в животе шевелятся склизкие щупальца страха и дурного предчувствия.

Он застыл, глядя на нее. Растянул губы в грустной улыбке.

А потом развернулся и вышел из дома, так ничего и не ответив.

И Сиэлла с ужасом осознала, что ей все равно.

* * *

Дни потекли своим чередом. Крис продолжал приходить каждый вечер, но теперь они больше не были близки. Он приносил ей газеты, иногда подкидывал денег, чтобы она могла купить себе еду, даже пару

раз приносил какие-то мелочи вроде коробки с чаем или воздушных кремовых пирожных.

Иногда просто оставлял это молча и уходил. Иногда Сиэлла успевала спросить у него, как себя чувствует Аннет. И получала неизменный ответ: «Пока жива».

Отчуждение, поселившееся между ними, разрасталось, превращалось в бездну, и Силь понимала: ей нужно уходить.

Вот только куда?

Все чаще возникала мысль о том, что нужно возвращаться домой. Пусть ее «смерть» объявят жуткой ошибкой, ведь она жива... Мысль эта пока что вызывала отвращение, потому что Сиэлла прекрасно понимала, что если она решится – придется объясняться не только с отцом.

Но и с Тинклером. А к этому она пока была не готова.

Туз-убийца будто бы затих. Ему не давали повода убивать? Не может быть, ведь каждый день во всех игорных домах Омирши обязательно кто-то проигрывал. Стало очевидно, что Туз убивает не тех, кто проиграл. Есть еще какая-то связь, однако найти ее не получалось.

Наверное.

Силь больше не имела доступа к материалам по этому делу, ведь с Крисом она почти не разговаривала.

Как быстро все развалилось, если подумать... ей стоило просто задать несколько неудобных вопросов, и Крис сделал именно то, чего она боялась.

Охладел к ней. Она это прекрасно чувствовала. И была благодарна Тузу за то, что он ее не выгоняет и даже продолжает навещать.

Книга о Той Стороне и заклинателях на многое открыла ей глаза. Теперь она знала, что те, чьи души сильны настолько, что могут вместить больше десяти духов, называются шаманами. Она теперь знала, что существуют и те, чьи души слабы и могут поглотить лишь одного выходца с Той Стороны. Именно о таких людях в этой книге было написано особенно много. Туманные рассуждения о том, что единственный дух, который запечатан в душе слабого заклинателя, может завладеть таким желанным телом, не нравились Сиэлле. Но книгу она сохранила, хотя часто ее посещало желание сжечь ее.

Казалось, что именно «Лабиринты Той Стороны» разрушили все, что было между ней и Крисом.

Старуха ей больше не снилась. Ей вообще перестали сниться сны. Она просто засыпала, а потом открывала глаза.

Дни слились в один, и Сизэлла могла лишь беспомощно наблюдать за течением времени.

Как будто чего-то ждала. Знака? Нового явления Старухи?

Или расплаты за свои ошибки?

Однажды Силь проснулась до рассвета и, выглянув в окно, поняла, что Омирша попрощалась со слякотью и грязью до весны. Наступил третий месяц осени, который в этой местности невозможно было отличить от настоящей зимы.

Гадая, что же ее разбудило, Силь накинула халат, расчесала волосы, оставив их распущенными, и вышла из спальни, намереваясь сварить кофе.

Но до кухни она не дошла, обнаружив, что в гостиной горит свет. Неужели она вчера забыла погасить свечи? Боясь пожара, она никогда такого не делала!

В гостиной сидел Крис. Он был в теплом плаще и сапогах, цилиндр же вертел в руках, о чем-то напряженно думая.

Силь почувствовала, что ее сердце начинает биться быстрее, а колени задрожали. Дурное предчувствие накрыло ее с головой шквалом песчаной бури.

Что-то не так.

Не так.

– Доброе утро, – тихо произнесла она.

Крис резко поднял голову и впился в нее своим морозным взглядом. Его губы скривились в гримасе отвращения.

– Доброе? Ты считаешь это утро добрым? – прошипел он.

В его взгляде было столько ненависти, что Силь невольно сделала шаг назад.

– Что случилось? – прошелестела она. – Что-то с Аннет? Она... она...

– Ты так часто спрашиваешь про мою мать, что, мне кажется, ты будешь рада, когда она наконец умрет, – процедил Крис. – Нет. Жива.

– Я... я... – Силь совсем растерялась. – Ты бледен, да и смотришь так... я просто волновалась за тебя!

– За себя волноваться будешь, – жестко ответил Крис. С каждым мгновением он дышал все тяжелей. – Собирайся. И быстро.

– Что? Ты выгоняешь меня? Сейчас?

Вот и случилось. Ну что ж, так тому и быть. Пора платить за ошибки.

– Я больше не имею на это права. – Туз покачал головой. – Это больше не мой дом. Я проиграл его сегодня ночью. Проиграл бы и собственное жилище, да хорошо, что остановили... Собирайся, слышишь?

– Ты... проиграл? – Силь почувствовала, что у нее земля уходит из-под ног. Головокружение было столь сильным, что ей пришлось схватиться за дверной косяк.

– Это – плата за игру, дорогая, – жестко ответил Крис. – Иногда мы проигрываем...

– Ты проиграл... меня?

– Не тебя. Дом. Собирайся.

– Куда?

Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

– Сегодня побудешь у Эрика. А потом... посмотрим...

– Посмотрим? Зачем? Я ведь просто камень на твоей шее! Так скинь меня!

Крис зашипел от злости.

– Слушай, – сглотнув, сказал он. – Ты была права. Я... действительно к тебе охладел. Я не врал тебе, слышишь? Не врал. Я действительно был тобой очарован. Я и не думал, что... что это быстро пройдет... ты сама виновата! – Он внезапно вскинулся и сделал два шага вперед. – Слышишь? Тебе не нужно было устраивать мне сцен, и, возможно...

– Я? Я виновата? – Силь попятилась.

Он наступал. Она шла назад.

– Возможно, если бы ты не начала все это, все было бы по-другому. Ты была моей отдушиной. А потом все развалилось... и мне оставалось только играть! Ты можешь это понять?! Ты сама не смогла удержаться и запела в моем доме! Если бы не ты, я бы был сегодня ночью в твоей постели. Но мне пришлось играть...

Силь сделала еще несколько шагов назад, оказавшись в спальне. Зачем-то посмотрела в зеркало. Оказывается, она плакала.

– То есть это я виновата? Да? Только я?

Крис остановился. Несколько раз выдохнул сквозь сжатые зубы, а потом резко подался вперед, сгребая ее в объятия.

– Ты должна была просто вести себя хорошо. Я хотел заботиться о тебе, а ты меня оттолкнула, – пробормотал он, обжигая дыханием ее шею.

– Я? – Это было до такой степени неправдой, что Сиэлла задохнулась от несправедливости. Забившись в его руках, она замолотила кулаками по его груди. – Отпусти меня! Отпусти!

И Крис отпустил. И даже слегка оттолкнул.

Потеряв равновесие, Сиэлла подвернула ногу, ударилась лицом о зеркало и упала на пол.

Она не сразу почувствовала боль. Боль пришла лишь тогда, когда она осознала две вещи: она лежит на осколках, и на эти осколки капает что-то красное.

Кровь.

Крис выругался. Кажется, он не заметил, что она ранена.

– Фиалка, не усложняй, – попросил он. – Нужно уходить. Собирайся. Я обещал, что позабочусь о тебе, и сделаю это. Наши отношения здесь ни при чем, понимаешь?

Силь не понимала. Ей было больно, а еще – страшно. Почему сны никогда не предупреждали ее о Крисе? Почему ей снились Элдж, Тинклер, Аннет, Старуха... но никогда – Крис?

Всхлипнув, Силь села, не обращая внимания на то, что осколки ранят ее тело, что волосы прилипли к щекам, и закрыла лицо руками.

– Цветочек, ты слышишь? Надо уходить! Хватит устраивать сцены! Потом! Собирайся!

Как он не видит? Может, поэтому он такой? Он просто погряз в собственных проблемах и в упор не видит, что она не может встать!

– Фиалка! – прогремел Крис. – Ты что, не понимаешь меня?

– Я другого не понимаю, Винтспир, – раздался скрежещущий голос. – Ты же знаешь, что карточный долг священен. Какого черта ты и твоя любовница до сих пор отсюда не убрались?

Силь всхлипнула и затихла, а ужас накрыл ее песчаной волной. Скрючившись, она сделала все, чтобы гость не увидел ее лица.

Она узнала бы этот голос из тысячи.

Новым хозяином дома на улице Синих Ветров стал Нейтан Тинклер.

Глава 7

Боль колола ее острыми осколками зеркала, но Силь почти не чувствовала ее. Сейчас самым главным чувством, завладевшим ею, был страх.

Нет, не так.

Небеса, пожалуйста, только не так! Только не Тинклер!

– Ты рано, – сухо сказал Крис.

Силь закрывала лицо руками и не могла видеть, но слышала, что он отступил на шаг.

– Ничего подобного, – проскрежетал Тинклер. – Ты обещал освободить дом к рассвету. Он уже наступил. Только что.

– Слушай... потерпи до полудня, – попросил Крис. – Сейчас я помогу... Фиалке собраться, и мы уйдем.

– Собирайтесь, – милостиво ответил Нейтан. – Я вам не помешаю. Что с ней? Почему она у тебя среди осколков сидит?

– Упала...

– Угу. – Силь затряслась, услышав, что кто-то сделал шаг в ее направлении. Пожалуйста, пусть это будет Крис, пожалуйста!

– Отойди от нее, Тинклер. – В голосе Криса слышалась тревога. – Просто дай мне немного времени, я ей помогу и...

– Да она в крови! Ты совсем слепой? – Тинклер наклонился к ней и коснулся пальцами тыльной стороны ее ладони, закрывающей лицо. И сразу убрал, будто обжегшись.

Сиэлла услышала, как он делает шаг назад. Небеса, пусть он уйдет! Пусть он даст Крису отвести ее к Ифриту, а потом... потом она вернется домой, попросит прощения у отца, у Элис, у Эви... она объяснится с Нейтаном, но только пусть сейчас он уйдет!

Что будет, если он сейчас ее узнает, Силь было страшно представить...

– Убирайся, – проскрипел Тинклер. Сейчас его голос был еще более хриплым и казался ей скрежетом ножа по стеклу.

– Я уйду, – ответил Крис. – Только дай мне помочь ей собраться...

– Ты не понял, – перебил его Нейтан. – Я сказал убираться только тебе... хотя нет, рано. Принеси-ка мне перо и чернильницу. Здесь же

есть?

– Что? – удивился Крис.

Сиэлла еще сильнее скрючилась на полу. Боль начинала давать о себе знать, но Силь не хотела напоминать о себе, из последних сил сдерживая стоны.

– Я сказал, принеси мне перо и чернила, – прорычал Тинклер. – Быстро, Винтспир, иначе, поверь, я тебя убью прежде, чем ты успеешь отсюда сбежать.

Силь услышала, что Крис уходит из спальни, и еще сильнее прижала ладони к лицу, почти не дыша. Она осталась наедине с Нейтаном... пусть и ненадолго.

Она слышала его дыхание. Шумное, но медленное. Казалось, что он был просто раздражен. Он не произнес ни слова, не сделал ни одного движения.

А боль становилась все сильнее.

– Вот. – Крис вернулся. – Но я не понимаю, зачем...

Послышался шорох бумаги, потом скрип пера, а потом...

– Бери. И убирайся.

– Я не понимаю. Что это?

– Убирайся, Винтспир. Это теперь мой дом. А это, – Тинклер внезапно наклонился над Силь и резко отвел ее руки от лица, – моя невеста. Если ты не заметил, ты держишь в руках чек на десять тысяч золотянок.

Силь зажмурилась и бессильно задергалась, тоненько подвывая от ужаса. Как он ее узнал? Как?

Что теперь делать... что он теперь с ней сделает? Убьет? Оставит здесь и будет приходить, как Крис?

Она же сейчас никто... ее не существует. И сейчас она оказалась во власти того, кого боится до икоты.

– Кто еще знает? – Его хриплый голос разрывал барабанные перепонки Сиэллы.

– Никто, – ответил Крис, и Силь услышала в его голосе страх.

– Врешь, – отчеканил Тинклер, отпуская ее руки. – Ты не мог проверить это один. Кто. Еще. Знает?

– Мой напарник.

– Отлично! Тогда передай ему то, что я сейчас скажу. Если кто-то из вас проболтается о том, что произошло на самом деле, я устрою вам

такую веселую жизнь, что твои нынешние проблемы покажутся тебе мелкими неприятностями. Ты меня понял?

– Тинклер, послушай...

– Прочь. Прочь, пока я тебя не убил! – прорычал Нейтан.

И в тот момент, когда шаги Криса стихли в коридоре, разум Сиэллы не выдержал и покинул ее, подарив блаженное забытье.

* * *

Она была во тьме. Тонула в черной смоле. Всплывала на миг, делала глоток воздуха и снова тонула. Чьи-то пальцы с острыми ногтями впивались в ее тело и тянули вниз, в бездну, заполненную чернотой.

Сиэлла отбивалась. Всплывала. Делала глоток воздуха. И снова тонула.

И снова.

И снова.

Казалось, это продолжается вечность. Казалось, так будет всегда. Она обречена на это с самого своего рождения. Вот она, расплата.

В один прекрасный момент тьма хлынула ей в рот, Силь захлебнулась и, закашлявшись, пришла в себя.

Был день. А потолок – белый, украшенный лепниной – чуть не упал на Сиэллу, когда она резко открыла глаза. Не шевелясь, боясь даже скосить глаза, Силь смотрела в потолок и пыталась понять хоть что-то.

Она прекрасно помнила, что упала в обморок, когда Крис оставил ее на растерзание Тинклеру. Дальше была только тьма, но предшествующие тьме события Сиэлла помнила очень ясно.

Она жива. И она не в доме на улице Синих Ветров. Там потолок не был украшен лепниной.

Сиэлла медленно подняла руку, вяло удивившись тому, что ее даже не связали. Аккуратно повернула голову к окну. На Омиршу ласково лились холодные солнечные лучи. Она не видела улицы, а значит, эта комната, скорее всего, находилась на втором этаже.

Неторопливо, боясь, что голова снова закружится, Сиэлла села на кровати и огляделась. Гостиная спальня, не иначе. Мягкий ковер,

прикроватный столик из красного дерева, платяной шкаф из него же... зеркало в золоченой раме.

Взглянув в него, Сиэлла сначала усмехнулась привычному видению, а потом поняла, что в этот раз кое-что изменилось.

Медленно встав с кровати, она, пошатываясь, подошла к зеркалу, не сводя взгляда со своего отражения.

Нет, ей действительно не показалось.

Видимо, осколки зеркала, на которое она упала, распороли ей щеку, а судя по шву – рана была глубокой. И рваной. Шевелить губами было больно. Открывать рот – еще больнее, да и шов так и норовил разойтись.

Вот и сбылось. Теперь она не просто падшая женщина.

Теперь она – падшая женщина с изуродованным лицом.

Сиэлла опустила взгляд вниз. Ночная сорочка из нежнейшего шелка облегла фигуру. Дорогая вещь. Впрочем, все вокруг Силь было дорогим.

Открыв шкаф, она обнаружила, что он пуст. Даже халата не было.

Вздыхнув, она вернулась к зеркалу. Осколки порезали не только ее лицо. На руках тоже были порезы, а приподняв подол, она обнаружила раны и на бедрах.

Десять тысяч золотянок. Тинклер все-таки отдал за нее деньги. Купил.

Купил порченный товар. Во всех отношениях.

Сморгнув очередную порцию слез, Силь вернулась в постель. Она не хотела думать, что будет дальше. Она хотела уснуть и больше никогда не просыпаться.

Но уснуть ей не дали.

Дверь открылась, и в комнату вошла молодая женщина. Скорее всего, она была ровесницей Элис. Ее темно-русые волосы были заплетены в косу и лежали на голове короной, платье темно-бордового цвета облегло тонкую фигуру, а глаза...

Глаза были злыми.

В руках незнакомка держала поднос, на котором стояла неглубокая чаша с какой-то жидкой мазью, стакан с чем-то горячим и лежало несколько белоснежных тряпиц.

– Очнулась? – Ее голос был звонким, будто идеально натянутая струна, и одновременно глубоким.

Силь коротко кивнула, кутаясь в одеяло. Она не знала, чего ей ждать.

Женщина поставила поднос на столик и повернулась к Сиэлле.

– Убирай одеяло, осмотрю, – приказала она.

Силь подчинилась. Ей совсем не хотелось перечить.

Бесцеремонно подняв подол сорочки, женщина быстро осмотрела раны от осколков на теле Силь и намазала их жидкостью из чаши, а потом аккуратно, но крепко сжала подбородок Сиэлле, поворачивая ее лицо израненной стороной к себе.

Недовольно цыкнула.

– Как можно было так разорвать себе лицо? – пробурчала она, касаясь тряпицей раны. – Шрам останется на всю жизнь, сразу предупреждаю.

А Силь опять подумала о том, что Нейтан отдал слишком большие деньги за сломанную куклу, которой она себя чувствовала.

Она хотела открыть рот и спросить, что ее ждет дальше, но женщина не дала ей это сделать.

– Не вздумай, если хочешь, чтобы остался только шрам! Шов разойдется, дура! Молчать умеешь?

Силь опять почувствовала, как слезы жгут глаза. Она кивнула и опустила взгляд.

– Упиваешься жалостью к себе? – хмыкнула женщина, отпуская ее подбородок. – Жалкой дуре только жалостью и упиваться. Пей. – Она сунула ей под нос стакан с горячим напитком, похожим на травяной чай.

Силь послушно сделала глоток, стараясь сморгнуть нежеланные капли на глазах.

Слова «жалкая дура» ее обидели.

Заставив Сиэllu выпить содержимое стакана до дна, женщина взяла поднос и пошла к выходу. Остановившись у двери, она обернулась и одарила Сиэllu легкой улыбкой.

– Ложись. В стакане было снотворное. Врач сказал, что у тебя нервное истощение и тебе нужен сон. Меня зовут Лейни. Я приду к тебе вечером, когда ты проснешься.

Силь удивленно посмотрела на нее. Эта женщина то ведет себя так, будто готова выцарапать ей глаза, то смотрит так... по-доброму.

Но не успела Сиэлла улыбнуться в ответ, как Лейни добавила:

– А может, приду и не я.

И она ушла, оставив Силь в совершенно растрепанных чувствах. Снотворное подействовало быстро, и уже спустя несколько минут Сизлла вновь тонула в бездонной тьме.

Когда она открыла глаза в следующий раз, в комнате было темно. Слева шел свет от свечи, но Сизлла не хотела поворачивать голову.

Не шевелиться.

Не дышать.

В голове царила пустота и безразличие. Зачем она проснулась? Почему до сих пор жива? Почему бы ей просто не закрыть глаза навсегда?

Она не найдет покоя в жизни. Она сама виновата. Никто другой. Она.

Если бы она умерила свой эгоизм и вышла замуж за Тинклера, Элдж не пошел бы играть.

Он был бы жив.

Если бы она не поддавалась странной прихоти и не пошла гулять в ту ночь, не встретила бы Криса и Эрика.

Если бы она не притворилась немой, не стала бы служанкой в доме Винтспиров.

Если бы она была терпеливой и не села за рояль, то и Крис бы ее, возможно, не раскрыл.

Он не заставлял ее. Она сама на все согласилась.

И теперь она никто. Шлюха с изуродованным лицом. И в этом виновата только она.

Глубоко вздохнув, Силь опять закрыла глаза. Если бы можно было все вернуть! Начать сначала эту осень... она бы все сделала не так. Она бы поступила правильно.

Но время назад не повернуть. И единственное, что Сизлле остается, – это пожинать то, что она посеяла. Изуродованное лицо – это только начало.

Подивившись безразличию к собственной судьбе, она медленно повернула голову к свету свечи и... чуть не закричала от ужаса.

Нейтан Тинклер стоял у окна, баюкая в руках полупустой бокал с янтарной жидкостью. Почему-то Силь была уверена, что он погружен в свои мысли и вряд ли видит что-то за пределами этого дома.

Совершенно неподвижный, словно высеченный из камня, он был одет в неизменный черный костюм-тройку и белоснежную рубашку.

Он вообще дышит? Казалось, что он действительно всего лишь каменная статуя.

Силь тихонько повернула голову в прежнее положение и закрыла глаза. Она не готова разговаривать с ним. Не готова.

Да и не может она говорить. Она – немая.

Опять.

– Рад, что ты проснулась, – проскрежетал Тинклер. – Мне пора уходить, а я хотел кое-что прояснить перед этим.

Как он это делает? Она же почти не шевелилась, а он выглядел увлеченным своими мыслями, чтобы заметить поворот ее головы.

Сиэлла опять глубоко вздохнула. Забывшись, хотела прикусить губу, и рана взорвалась болью. Но Силь сдержала стон.

«Жалкая дура».

Эти слова служанки Тинклера сильно задели ее. Может, потому, что были правдой?

Нейтан перестал сверлить взглядом окно и повернулся к ней. Силь почувствовала острую потребность подняться. Или хотя бы сесть, что она и сделала, избегая смотреть ему в глаза.

Боялась тьмы, что всегда мучила ее?

Или это стыд? Она ведь сбежала практически из-под венца. После официального объявления о помолвке... Конечно, его репутации ничто не навредит, но он все равно мог столкнуться с насмешками.

Хотя надо быть сумасшедшим, чтобы смеяться над этим человеком.

– Сиэлла, я хочу, чтобы ты меня услышала, – хрипло сказал Тинклер.

Силь сглотнула слюну. Попыталась. Во рту было сухо, как в пустыне.

Не поднимая глаз, она кивнула, показывая, что готова слушать.

– Завтра придет доктор, – продолжил Нейтан. – Если он разрешит тебе встать, Лейни принесет тебе одежду. Ходить по дому тебе не запрещено. Но от прогулок на свежем воздухе придется воздержаться. Ты меня понимаешь?

Силь, не выдержав, вскинула голову. Конечно, она его понимает! Она же не дура!

«Жалкая дура».

При свете единственной свечи любые глаза будут казаться черными, а взгляд Тинклера сочился тьмой.

Но страха не было. Теперь ей было все равно.

– Хорошо. – Правильно истолковав ее жест, он приподнял уголки губ в легкой улыбке. – А теперь главное: ты останешься мертвой. Пока я не решу, что с тобой делать. Но запомни, в этом доме тебе не причинят зла. Никто. Ты меня слышишь?

Сиэлла кивнула. Она слышала. Но не верила.

Не хотела из-за своего упрямства?

Не могла, потому что в глазах Нейтана она должна быть грязной уродливой шлюхой?

Он хладнокровно смотрел на нее. Ждал.

Преодолевая себя, Сиэлла вгляделась в тьму его глаз, ища ненависть или отвращение.

Он должен это почувствовать! Должен.

Но его взгляд был совершенно бесстрастным. Будто лицо Силь не уродовал шов через всю левую щеку. Будто он не обнаружил ее содержанкой другого мужчины.

– Ты меня услышала, Сиэлла? – повторил он.

Силь кивнула. Она услышала. Осталось только выяснить, что в этом доме значит понятие зла.

Кажется, в этот раз ее кивок его удовлетворил. Поставив недопитый бокал на прикроватный столик Сиэллы, он коротко бросил: «Лейни принесет тебе воды», – и покинул комнату.

В стакане был виски.

Силь долго сидела на кровати, глядя в темноту. Она не представляла, сколько сейчас времени, да это было и не важно. Кажется, ее брошенный жених добился своего. Она успокоилась. Успокоилась настолько, что почувствовала сильный голод.

Из-за шва на щеке ей вряд ли удастся в ближайшее время нормально поесть, но... может, хотя бы бульона? Или воды?

Кажется, Лейни не торопилась нести ей воду. Конечно, «жалкая дура» потерпит, ей же другого не остается.

В очередной раз попытавшись сглотнуть слюну и не преуспев, Силь поняла, что ждать она больше не может. стакан с виски переливался янтарем и золотом в свете огонька свечи.

Еще немного, и она умрет от жажды. Да, наверное, доктор, который ее зашивал, упомянул, что ей пока лучше не вставать. Но сейчас у Силь нет выбора.

Он у нее вообще бывает, этот выбор?

Бывает.

Сейчас она может просто остаться в комнате и покорно ждать, когда служанка Тинклера наконец про нее вспомнит. Лечь, закрыть глаза и дальше упиваться своим чувством вины.

«Жалкая дура».

А можно попробовать что-то сделать. Вернуть себе хотя бы толику самоуважения. Туз еще не найден. Элдж еще не отомщен. Она не имеет права валяться в постели в ожидании смерти. Пока нет.

Она еще должна пожить. И сейчас, после того, когда она упала на самое дно, когда ее, графскую дочь, оскорбляет прислуга, Сиэлла испытывала желание жить не цветком в горшке, который забывают поливать.

Она ведь уже пыталась. Пыталась вернуть себе чувство собственного достоинства. В то утро она поссорилась с Крисом.

Хорошо, что в этом доме ей не с кем ссориться.

Пусть на ней только сорочка, это не помешает ей выйти из комнаты, не боясь встретить кого-нибудь. Она – падшая женщина. Ей нечего терять.

И Силь попробует извлечь выгоду из своего положения.

Голова слегка кружилась, но Сиэлла была уверена – это оттого, что она долго спала. Нужно двигаться, и тогда все пройдет.

Сиэлла взяла свечу и медленно, выверяя каждый шаг, двинулась к двери. Открыла ее и вышла в коридор. В какую сторону идти? Наверное, это плохая идея – шарахаться по незнакомому дому в темноте.

Но до утра она ждать не может. Ей нужен хотя бы глоток воды.

Давай, Сиэлла, вспомни, что говорила Старуха. «Слушай свою интуицию». Ну что ж, лучше начать это делать поздно, чем никогда.

Направо или налево?

Зажмурившись, Силь сделала шаг и пошла вперед, сама не понимая, какое направление выбрала. Подумала, что потом, если она найдет воду, возвращение в комнату тоже будет интересным приключением, и сделала еще несколько шагов, смотря под ноги.

Коридор был не очень длинным и кончался лестницей вниз. Ну что ж, кажется, она на правильном пути. Одной рукой держа свечу, второй Сиэлла ухватилась за перила. Головокружение не хотело ее отпускать.

Шаг. Шаг. Шаг.

Главное, не упасть. Если она упадет, то точно навсегда останется жалкой дурой, которая не в силах найти себе глоток воды! Она сама себя до этого довела, и она сама себя из этого вытащит. По крайней мере, для того чтобы найти Туза. Или дожждаться, когда его найдет кто-нибудь другой.

Шаг. Шаг.

Лестница кончилась, и Силь оказалась в помещении, больше всего похожем на холл. Здесь горели газовые рожки. Их огоньки были совсем тусклыми, видимо, подачу поставили на минимум, но сам факт того, что в этом доме тратят дорогой газ для освещения комнаты, когда в ней никого нет, говорил о том, что здесь не считают деньги. Хотя о чем это она. Тинклер не раздумывая отдал Крису десять тысяч золотянок, хотя это было необязательно. Сейчас Сиэлла прекрасно понимала, что Крис ушел бы и так. Наверное, он был даже рад избавиться от той обузы, которой она для него стала.

Силь огляделась. Картины на стенах, тяжелые портьеры на окнах, камин, в котором потрескивали дрова, пара мягких диванчиков и двери... шесть дверей. Наверное, одна из них ведет на кухню. Или в столовую. В столовой она может найти графин с водой!

Сунувшись в одну из дверей, Сиэлла оказалась в библиотеке. Огонек свечи осветил несколько шкафов, забитых книгами, и столик, на котором были расставлены шахматные фигуры. Здесь было прохладно.

Ей нужна вода, а не книги!

Закрыв дверь, Силь прошла ко второй двери. Повернула ручку и...

– Ничего себе! Только не говори, что тебе разрешили встать. Ах да, ты же не можешь говорить!

Силь обернулась. Лейни, держа в руках поднос, на котором помимо всего остального стоял стакан с водой, вышла из противоположной двери.

Сиэлла сначала почувствовала потребность спрятаться. Забиться в угол, чтобы не видеть насмешливых глаз служанки. А потом она

вспомнила, что решила не быть жалкой.

Пусть Лейни ее лучше просто ненавидит. Но не жалеет.

Вздернув подбородок, Сизэлла медленно подошла к служанке и взяла стакан с водой, взамен поставив свечу, что до сих пор держала в руках.

Первый глоток был настолько сладким, что Силь едва сдержала стон наслаждения. Как мало нужно иногда для счастья, правда?

– Надо же... – протянула Лейни. На ее губах играла насмешливая улыбка. – А я думала, ты совсем без характера.

Силь, не обращая внимания на едкие слова, сделала еще один глоток, чувствуя, как ей становится хорошо. Хотелось выпить содержимое стакана залпом, но она упрямо растягивала удовольствие. После третьего глотка проснулось обоняние, и Силь поняла, что на подносе стоит тарелка с бульоном.

Это для нее?

Желудок радостно заурчал.

– Ну извини, я не думала, что ты настолько хочешь пить. – Виноватой Лейни, впрочем, не выглядела. – Хотела принести все сразу. Ты знаешь что... сядь-ка на диван и пей. А я пока отнесу поднос в твою комнату. Потом вернусь и помогу тебе дойти обратно.

Силь сделала четвертый глоток и покачала головой, показывая, что дойдет обратно сама.

Улыбка Лейни перестала быть насмешливой, а в глазах появилось нечто похожее на уважение.

– Тебя качает, – уведомила она. – Хочешь достойно дойти обратно или предпочтешь свалиться на полпути?

Силь сделала пятый глоток. Продолжая делать вид, что ей плевать на то, что она разгуливает по чужому дому в одной ночной сорочке, она аккуратно подошла к креслу у камина и села в него, сжимая полупустой стакан в руке.

– Правильный выбор, – усмехнулась Лейни.

Служанка пошла к лестнице, а Силь, глядя на тлеющие угли, подумала о том, как же мало времени ей понадобилось, чтобы превратиться в совершенно никчемное существо. Держать лицо даже столь ничтожное время оказалось трудно.

Но надо привыкать.

Сколько бы ей ни осталось, она не проживет этот отрезок жалкой дурой.

Пожалуй, надо поблагодарить Лейни за оскорбительные, по сути, слова.

Правда не всегда красива. Но от этого она не перестает быть правдой. И иногда нам нужно услышать истину, которую мы и так знаем, из уст чужого человека.

Возненавидеть его. Обидеться.

А потом понять, что этот человек сделал для нас нечто важное.

Пусть Сиэлла до сих пор чувствовала себя ничтожеством. Но, возможно, у нее будет шанс доказать, что это не так?

Хотя бы самой себе.

Лейни вернулась быстро, и Силь была рада этому. Дело было не только в голоде, а еще и в том, что, кроме легкого шелка ночной сорочки, на ней ничего не было.

В этом доме было достаточно тепло, однако Сиэлла все равно озябла. Босая, в ночном одеянии, кого она хочет обмануть?

Нет. Хватит. Она в шелковой сорочке, потому что ей не дали даже халата. Ее ноги босы, потому что обуви ей тоже не дали.

Нейтан сказал, что ходить по дому ей не запрещено. Она ничего не нарушила!

– Вставай. – Служанка подошла к ней и протянула руку. – Замерзла ведь, дурочка.

Силь поднялась на ноги без помощи Лейни и посмотрела той в глаза. А потом покачала головой, надеясь, что тело не выдаст ее.

Она действительно замерзла, черт возьми!

– Ладно, не обижайся. Еще одного побега нам не нужно... но тебя же не остановить? Ты и босиком по снегу отсюда сбежишь, если упрешься, я права?

Силь моргнула, не зная, как отреагировать. А точнее, как ответить без слов. Она не собирается сбегать. Уж точно не сейчас...

Но Лейни права: она действительно способна убежать отсюда даже босиком. Если захочет. Хорошо это или плохо, но этого не изменить.

Служанка, увидев замешательство Сиэллы, заразительно расхохоталась.

– Да уж... – хихикая, сказала она. – Я думаю, ты на многое способна при необходимости. Сбежать от Нейта... пожалуй, ты всех удивила!

Силь продолжала непонимающе смотреть на Лейни. Ее веселье и странные слова... нет, она не служанка.

А кто?

На любовницу тоже не похожа... было бы странно, если бы Тинклер заставил любовницу ухаживать за своей несостоявшейся женой... или это здесь в порядке вещей?

Что Сиэлла знает о своем женихе? Пожалуй, ничего, если не считать общеизвестных фактов и слухов. Игрок, из-за своего азарта лишенный наследства. Игрок, которому часто везет. Любит тратить деньги. Любит красивую жизнь. Скупил активы кирпичной фабрики по самой высокой цене. Продал их же, не выиграв от сделки ни серебрянки. Говорили, он знается с главой преступного синдиката Омирши. Говорили, что его состояние – это не только выигрыши в покер, но и ставки в боях без правил.

Говорили, что еще ни один человек, задолжавший ему и не отдавший долг вовремя, не выжил. Говорили, что самые отпетые мошенники этого города платят ему за прикрытие.

Говорили...

О заклинателях тоже говорят, будто они вызывают духов. Однако они их не вызывают. Они носят обитателей Той Стороны в себе.

– Ты здесь еще? – Лейни помахала рукой у Силь перед глазами. – Пошли уже, тебе надо поесть.

Она схватила Силь под руку и потащила к лестнице.

– Знаешь, ты, конечно, та еще... неумная, но сил тебе не занимать. В таком состоянии по лестнице спуститься и не упасть... ты хоть понимаешь, сколько крови потеряла?

Сиэлла понимала. Но она очень хотела пить.

Приведя ее в комнату, Лейни усадила Силь на кровать и указала на поднос.

– Раз уж ты такая сильная, сама справишься? Или тебя с ложечки покормить?

Сиэлла вспыхнула. Опять Лейни над ней издевается! Как ей понять эту странную женщину, которая чередует похвалу и

оскорбления так непринужденно, что заметить перемену не всегда удается?

– Значит, справишься, – глянув на Силь, заключила служанка. – Я завтра все заберу. Во второй чаше травяной настой. Со снотворным. Сейчас полночь, все спят, и я тоже очень хочу присоединиться к этим счастливым людям. Но если хочешь валяться на кровати без сна, это будет твой выбор. Разгуливать по дому не советую. Свалишься, а мне потом отвечать. Лучше выпей. А утром проснешься, и посмотрим. Может, до библиотеки доведу... болеть весьма скучно, да?

Силь посмотрела на тарелку с бульоном, от которой поднимался невероятно вкусный аромат. На чашку с настоем.

А потом взглянула на Лейни и кивнула, сама не понимая, с чем именно согласна: с тем, что справится сама, или с тем, что быть немощной – очень неприятно. И скучно.

– Спокойной ночи, леди Ремур. – Лейни насмешливо поклонилась и вышла из комнаты.

А Силь принялась за еду, размышляя над тем, кем именно является Лейни.

Она не служанка.

Но тогда кто?

Бульон притупил чувство голода, и Силь решила все-таки выпить настой. Лежать без сна всю ночь смысла не было. Укрывшись одеялом, она закрыла глаза и попросила у небес, чтобы ей приснилась Старуха. Пусть божество степняков – это всего лишь ее подсознание, ей нужно с ним поговорить. Найти смысл жить дальше не ради мести. А ради чего-то еще. Чего-то большего.

Но Старуха не пришла. Как назло, в эту ночь Силь ничего не снилось. Возможно, дело было в снотворном. Скорее всего, именно в нем. Может, это к лучшему: ведь сны будоражили Сиэллу, превратив ее разум в воспаленный нарыв. Ей поставили нервное истощение, наверное, это снотворное прописал доктор.

Когда Силь открыла глаза, в окна били лучи холодного осеннего солнца. Усмехнувшись про себя, что она уже третий раз просыпается в гостевой спальне дома Тинклера, а прошел всего один день (хотя неизвестно, сколько она спала до этого, надо выяснить...), Сиэлла села на постели, обнаружив две вещи: поднос с посудой исчез, а еще она в комнате не одна.

Девушка, протирающая пыль с зеркала, была Силь незнакома. А еще она была в коричневом платье и белоснежном переднике, что полностью подтвердило предположения Силь, что Лейни – не прислуга. Прислуга не щеголяет в бархатных платьях.

Горничная обернулась и коротко поклонилась Сиэлле, не сказав ни слова. Одарила ее настороженным взглядом серых глаз и вернулась к своему занятию. Закончив с зеркалом, она еще раз кивнула Силь и ушла.

А Сиэлла поняла, что ей жаль. Хотелось услышать голос. Хотя бы чей-нибудь. Ей настолько не хватает уколов Лейни, которые заставляют злиться и испытывать желание доказать свою состоятельность?

Возможно.

Спустив ноги на пол, Силь оглядела себя и с досадой обнаружила, что сорочка испачкана. Желтые пятна от мази, которой ей обрабатывали раны, испортили белоснежный шелк. Сиэлла испытала настоящую потребность снять испачканную одежду. Но другой не было. Не голышом же ей ходить!

С трудом поднявшись на ноги (как она ночью умудрилась не упасть?), Силь доковыляла до смежной ванной комнаты и кое-как умылась. Пятерней расчесала волосы и только потом обнаружила на полочке из дорогого прозрачного стекла расческу.

Интересно, это для нее?

Ей бы переодеться...

В комнате послышались шаги. Кто-то пришел.

Очень надеясь, что это Лейни, а не Тинклер, Силь выглянула из ванной и обнаружила в комнате мужчину средних лет. Худой как жердь, он выглядел неряшливо: сюртук бежевого цвета сидел на нем как на вешалке, воротничок белой рубашки был испачкан чем-то желтым и выглядел, по меньшей мере, несвежим, а каштановые волосы, в которых виднелись нити седины, растрепались.

Странно, Силь казалось, что доктора всегда опрятны. Хорошие доктора, по крайней мере. Ну что ж... надо быть благодарной, что ее не бросили истекать кровью.

– Вот вы где! – Ко всему прочему, мужчина был небрит. – Как самочувствие?

Силь, держась за стену, вышла из ванной, жутко стесняясь желтых пятен на сорочке. При свете дня вчерашнее утверждение, что ей нечего терять, уже не выглядело убедительным.

На ней же только сорочка. И больше ничего. Будь этот мужчина больше похож на нормального доктора, Сизлле, возможно, было бы легче.

Поставив чемоданчик на пол, мужчина шагнул к ней и, не церемонясь, схватил под руку.

– Садитесь. Мне надо вас осмотреть.

Почему в этом доме все относятся к ней как к бездушной кукле? Все, кроме того, кто имеет на это основания?

Она не сделала ничего ни Лейни, ни этому человеку. Почему только Нейтан Тинклер, которого она, по меньшей мере, оскорбила своими поступками, был единственным, кто разговаривал и вел себя с ней как с человеком?

Но пришлось проглотить обиду. Не драться же ей с доктором!

Усадив ее на кровать, мужчина взял ее подбородок и повернул лицо Силь раненой стороной к себе.

Мимолетно коснулся пальцем шва.

– Больно?

Силь кивнула.

– Выглядит тем не менее хорошо. Еще пара дней, и вы сможете питаться не только бульоном, но и мягким пюре. А если процесс заживления не замедлится, то через неделю сможете хоть как-то говорить. Сквозь зубы, не сильно отрывая рот, но это лучше, чем быть немой, да?

Силь опять кивнула.

Да.

Ей надоело быть немой.

Врач повернул лицо Силь к себе, зачем-то приподнял ей веки, посчитал пульс и осмотрел раны на руках.

– Ваш организм хорошо справляется, – удовлетворенно заключил он и повернулся к своему чемоданчику. – Вы можете потихоньку начинать ходить. Но недолго, у вас была большая потеря крови, слабость еще некоторое время будет вас беспокоить. Я оставлю порошки, которые помогут вам спать спокойно и без сновидений. Живляющее средство нужно наносить два раза в день, не забывайте.

Он положил рядом с Сиэллаой сверток, в котором оказались бумажные пакетики с порошками.

Интересно, а этот человек знает, кто она? Как ему объяснили эти раны?

Но Сиэлла не могла этого спросить. Любое неосторожное движение губ доставляло острую боль.

– Выздоровливайте. – Доктор на миг склонил голову и вышел прочь.

Силь положила лекарства на прикроватный столик и замерла, глядя на свое отражение. Шрам выделялся на щеке так ярко, что все время привлекал к себе взгляд.

Ну у нее и вид... испачканная сорочка, волосы, которые она так и не решилась уложить расческой, всклокочены, бледная, шрам этот еще...

Даже если она и найдет в себе силы жить после мести, ее жизнь будет совсем другой. Пожалуй, шрам спасет ее от позора, если она вернется домой.

Ей суждена участь старой девы, и никто не узнает, что она была содержанкой... если, конечно, Крис не проболтается.

Если Нейтан Тинклер вообще разрешит ей когда-нибудь вернуться домой.

С другой стороны, может, он просто проявил... великодушие? Вылечит ее и отпустит?

Так... ей разрешили вставать... Она опять хочет пить, и, пожалуй, придется попробовать повторить ночной подвиг еще раз.

Но этого не потребовалось. Не успела Сиэлла собраться с силами, как дверь опять открылась и в комнату вошла Лейни. В руках у нее была большая коробка и... трость с набалдашником в виде кленового листа.

– Тебе разрешили ходить, но аккуратно, – с порога заявила Лейни, поставив коробку на пол. – Будешь на трость опираться, если что. В коробке платье. Хочешь одеться?

Силь хотела. Но прежде, чем надевать свежую одежду, она хотела освежить и тело.

Как же сообщить об этом Лейни? Но, кажется, та и сама это понимала.

– В ванной не упадешь? Или тебя посторожить, чтобы не смыло? – хмыкнув, спросила она.

Понимая, что над ней опять издеваются, Сиэлла тем не менее почувствовала, что хочет рассмеяться. Ей же больно!

– Прости... я все время забываю, что тебе даже улыбка сейчас недоступна. Ну так что? Тебя оставить? Через полчаса вернусь и помогу одеться. Или все-таки помочь?

Силь покачала головой. Сама справится.

И она это сделала. Когда Лейни удалилась, Сиэлла с наслаждением скинула с себя испачканную сорочку и юркнула в ванную. Мысль о том, что она переоденется в чистое, придавала силы. Стоя под теплыми струями, Силь старалась не морщиться от неприятных ощущений, потому что тогда стало бы еще больней.

Зато она будет чистой.

Едва не поскользнувшись на мокрой плитке (изумрудно-зеленой и мелкой, страшно было подумать, сколько стоило это богатство), Силь завернулась в полотенце и вернулась в комнату.

Чувствуя себя человеком.

А когда пришла Лейни и помогла ей надеть теплое бархатное платье темно-зеленого цвета, идеально подчеркивающее фигуру, это чувство стало еще сильнее.

Туфельки в тон тоже подняли настроение.

– Вот теперь видно, что ты – леди. – Лейни удовлетворенно цокнула языком. – А шрам... шрам однажды перестанет так выделяться. Будешь почти красивой.

Силь благодарно кивнула.

Почти красивой.

Впрочем, ее воспаленные сны подсказали, что она будет делать, еще до того, как она сбежала из дома.

Шляпка с вуалью теперь будет ее постоянной спутницей. Но это ничего.

Сейчас это не главное. Сейчас главное – это понять, что будет дальше. Она твердо решила, что, когда сможет говорить, это будет первый вопрос, который она задаст Нейтану Тинклеру.

Она очень надеялась, что, в отличие от Криса, он на него ответит.

– Ну что, готова к подвигам? Спустишься к завтраку сама? – спросила Лейни, а Сиэлла почувствовала легкий укол паники.

Думать о перспективе разговора с бывшим женихом было легче, чем встретиться прямо сейчас.

С другой стороны, ничто не мешает ему прийти к ней в комнату, если он захочет. Смысла прятаться нет.

– Вот и молодец, – когда Силь кивнула, сказала Лейни, подавая трость. – Я пойду следом. Поймаю, если начнешь падать.

Чувствуя, как у нее засосало под ложечкой, Сиэлла неуверенно шагнула к выходу из комнаты.

Дорога до столовой оказалась трудным испытанием, заставив поминутно удивляться, как же она умудрилась проделать почти такой же путь ночью.

Трость оказалась очень кстати, а еще Силь была благодарна Лейни за то, что та не порывалась схватить ее за руку и помочь. Сиэлла хотела дойти сама. Наверное, потому, что не хотела выглядеть жалкой дурой.

Стол был накрыт на одного. Молчаливая служанка, та же самая, что протирала зеркало в комнате Силь, как раз ставила на стол белоснежный кофейник.

– Все, конечно, жидкое. – Лейни кивнула служанке, и та, не проронив ни слова, вышла из столовой. – Доктор говорил, что через пару дней тебе можно пюре, но я подумала, что можно и сейчас. Ты же не будешь сильно жевать? За три дня, что ты здесь, ты заметно спала с тела, может, от того тебя и качает, что почти не ешь. Пара ложек суфле не должны тебе сильно навредить...

Сиэлла благодарно кивнула. От сердца отлегло: кажется, завтракать она будет в одиночестве...

Так и получилось. Лейни пожелала ей приятного аппетита и удалилась, оставив Силь одну. С одной стороны, поражала подобная легкомысленность, а с другой – куда она уйдет в таком состоянии?

Бульон был легким, а суфле – невероятно вкусным. Очень хотелось еще. Желудок ворчал, не понимая, за что над ним так издеваются, но просить добавки Сиэлла не собиралась.

Выпив чашку кофе, она встала из-за стола, стараясь опираться на трость как можно реже.

Напомнив себе, что хозяин дома лично разрешил ей передвигаться по своей собственности, вышла из столовой и прошла через холл в

библиотеку, обнаруженную ночью. Если она предоставлена самой себе, то ведь никто не будет против, если она развлечет себя чтением?

Немного побродив от шкафа к шкафу, Силь немного устала и присела на обитый мягким вельветом стул у шахматного столика. Взгляд ее упал на еще одну дверь, которая, судя по всему, вела не в холл, а в соседнюю комнату.

Надеясь, что не вломится ненароком в хозяйский кабинет, Силь подошла к двери и неуверенно повернула ручку.

Заглянула.

Это был не кабинет, а гостиная. Большой камин, столик, на котором стояло несколько бутылок и хрустальных бокалов, мягкие диванчики... а на возвышении, сияя полированной поверхностью, стоял белоснежный рояль.

У Сизеллы сердце защемило при воспоминании о том, что ее рояль обречен на вечное молчание в доме Винтспиров. Она никогда больше не услышит расстроенный звук си-бемоль малой октавы...

Надо же, она и подумать не могла, что в этом доме звучит музыка... здесь было слишком тихо... молчание будто поглотило все звуки.

Не осознавая, что по ее щекам текут слезы, Силь подошла к инструменту и открыла крышку. Поднесла руку к клавише до-диез и...

– У тебя пальцы дрожат, – раздался позади хриплый голос.

Силь подпрыгнула от неожиданности, обернулась и, потеряв равновесие, плюхнулась на стул. Слезы мгновенно высохли.

Тинклер, стоявший в проеме, выглядел непривычно растрепанно. Кажется, он только что поднялся с постели. Вместо костюма-тройки на нем были темно-серая рубашка и брюки, а глаза не казались Силь залитыми тьмой. Они были запавшими и немного покрасневшими.

Повисло молчание. Нейтан смотрел на нее со странной смесью горечи и упрека, и Сизелла, пожалуй, даже испытала облегчение.

Так он и должен смотреть. И даже жестче.

– Нравится? – спросил он, и в его голосе Силь почувствовало ехидство.

Нравится ли ей? Какая разница?

Он отлип от косяка и сделал шаг вперед. Силь почувствовала потребность съежиться.

– Нравится? – повторил он свой вопрос.

Силь неуверенно кивнула, радуясь, что сегодня под его взглядом ей просто неудобно, а не страшно. Стыдно, ужасно стыдно, это да. Кем бы ни был этот человек, он не сделал ей ничего плохого. И в ночь, когда убили Эджа, он, если верить Крису, играл в покер.

– Хорошо. – Тинклер подошел к диванчику неподалеку от камина и уселся на него. – Сыграешь, раз уж я проснулся так рано?

Силь моргнула.

Рано? Ах да, он же наверняка опять играл всю ночь...

Показывая, что сейчас из нее не самый лучший музыкант, она вытянула вперед руки, которые действительно дрожали.

Он хмыкнул. Его лицо опять исказила гримаса горечи.

– Это ведь для тебя. Подарок на свадьбу.

Силь положила руки на колени и сжала их в кулаки, смотря на Нейтана во все глаза.

– Что? Или ты думала, будто я не знаю, что ты любишь музыку?

Нельзя. Нельзя плакать. Он не должен ее жалеть!

Тинклер тем временем поднялся на ноги и шагнул в сторону Сиэллы. Она, не выдержав, съежилась.

– Боишься... – разочарованно прошипел он.

Силь отвела взгляд. И покачала головой. Ей стыдно, а не страшно. Нейтан собирался сделать ей идеальный подарок. Он знал, что она любит.

И, в отличие от ее отца, кажется, не был против ее увлечений.

А теперь... теперь она просто никто. Мертвая невеста. Жаль, что она не может спросить, что он решил насчет нее. Или он еще не решил?

– Нет, это что за новости? – раздался от двери голос Лейни. – Зачем ты поднялся так рано?

– Не спится, – буркнул Тинклер и быстрым шагом покинул гостиную.

Сиэлла вздохнула с облегчением.

Ей почему-то казалось, что Нейтан сказал не все, что хотел. А она все-таки не готова. Еще не готова находиться рядом с ним, не чувствуя себя ничтожеством.

Следующие пять дней Сиэлла провела в молчании. Лейни все реже приходила, потому что Силь теперь могла справиться со всем сама. Завтрак ей накрывала молчаливая служанка, она же перестилала ей постель. Силь выяснила, что в этом доме всего пять слуг, не считая Лейни, которую трудно было назвать прислугой. Три горничных, садовник, кухарка. К сожалению, им, очевидно, запретили разговаривать с Сиэллою, а завести разговор первой она не могла.

Молчание окружало ее, заставляя ненавидеть тишину.

Но прикасаться к роялю, чтобы разбавить тишину музыкой, Силь не решалась. Да, Нейтан сказал, что инструмент для нее. Но именно поэтому она не могла на нем играть.

Это подарок на свадьбу, которая не состоялась. Вместо свадьбы был побег и одна ошибка за другой. И как бы Сиэлла ни старалась, она не могла перестать испытывать стыд.

Стыд, который перекрыл страх перед бывшим женихом.

К сожалению, кое-что от него пришлось принять. На следующий день после того разговора Силь обнаружила, что ее платяной шкаф заполнился одеждой. По размеру. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, откуда она.

Силь старалась как можно меньше попадаться на глаза хозяину дома. Она пересилит себя, поговорит с ним... когда сможет. А сейчас, когда она способна только кивать или мотать головой, это не разговор.

Она хочет иметь возможность защититься хотя бы словом.

Впрочем, Тинклер и сам не искал с ней встречи. Но, несмотря на это, она умудрилась полностью изучить его расписание. Он действительно почти всегда приходил домой не раньше рассвета. Спал до обеда, завтракал, а потом запирался в кабинете. Всегда – один. Потом выходил, звал садовника и отдавал ему несколько написанных писем.

Кому – Сиэлла не знала. И не хотела знать.

Потом шел в свою комнату, одевался и уходил. Иногда даже до ужина. А приходил уже утром.

Теперь к завтраку Сиэлле подавали не только бульон и суфле, но и небольшие кусочки хлебного мякиша. Шов заживал, и потихоньку она начинала жевать. Она со страхом и предвкушением ждала следующего визита доктора.

Если ей разрешат разговаривать хотя бы сквозь зубы, не сильно шевеля губами, то она...

Она должна это выдержать. Решиться.

И поговорить с бывшим женихом. Задать ему несколько вопросов. И понять, что с ней будет дальше.

Также к завтраку Силь теперь подавали не только еду, но и газету. Она знала, что Туз продолжает молчать. Как будто устал от убийств. Все чаще заметки о нем публиковались не на первой полосе, да и содержание начинало походить на издевку над магполицией. «Кажется, Туз не стал ждать, пока его поймают, и самоликвидировался». Силь в это не верила. Просто ему не дают повода. Жертв объединяла не только игра. Было что-то еще. Просто связь не нашли.

Расследование зашло в тупик.

Сиэлле почему-то очень не хватало ее записной книжки, хотя ей нечего было туда записать. Если, находясь рядом с Крисом, она могла быть в курсе дела Туза, то теперь она была слепа и глуха. И с каждым днем заметки в газетах становились все более бесполезными.

Но Сиэлла была уверена, что Туз еще вернется. Что бы ни стало причиной этой паузы, она закончится.

И Туз убьет снова.

Каждый раз, когда Силь одолевало желание узнать, чем именно занимается Нейтан в кабинете, она обрывала себя. Не стоит совать нос не в свои дела. Если она попадетсся, ее вышвырнут на улицу. Может, это было бы хорошим выходом, вот только Сиэлла понимала, что, явись она в таком состоянии в отчий дом, скандала и позора не избежать.

Впрочем, ее вышвырнут все равно.

И позор ждет своего часа.

Проведя несложные вычисления, Сиэлла выяснила, что женские недомогания, которые должны были прийти еще в доме Криса, так и не случились.

Это могло означать только одно. И это убивало последнюю призрачную надежду на тихую жизнь старой девы.

Она носила под сердцем ребенка.

Глава 8

В то утро, когда должен был прийти доктор, Сиэлла проснулась до рассвета. В серых сумерках долго смотрела на лепнину потолка и размышляла о том, что сегодня ей, наверное, разрешат разговаривать.

Молчать надоело, и Силь была рада этому. С одной стороны.

А с другой – боялась. Если доктор скажет, что ей теперь можно говорить, у нее больше не будет повода избегать неизбежного.

Она должна сказать Тинклеру, что ее глупость обернулась еще более неприятными последствиями. Что он после этого с ней сделает, ей было все равно. Заслужила. Но врать тому, кто, несмотря на все ее грехи, даже плохого слова ей не сказал, она не собиралась.

Она справится. Смешно: она искала в себе причины жить дальше, когда Элдж будет отомщен.

В себе она их и нашла. В прямом смысле этого слова.

В доме было так тихо, что Силь слышала возню кухарки на кухне, несмотря на то что дом Тинклера был большим.

Здесь всегда было тихо. Всегда. Если подумать хорошенько, то она ни разу не слышала голосов прислуги. Они не просто были немногословны. Они молчали. Всегда.

В этом доме звучали только голоса Нейтана и Лейни. А если повезет, то сегодня зазвучит и ее, Сиэллы, голос.

Надолго ли?

Поняв, что сон к ней больше не придет, Сиэлла поднялась с постели, умылась, надела самое незатейливое платье, что нашлось в шкафу, и, схватив трость (хотя в последнее время она была ей толком не нужна), вышла из комнаты.

Когда она оказалась в холле, случилось две вещи: в окна ударили первые лучи солнца, а дверь, ведущая в гардеробную, открылась.

Понимая, что это скорее всего вернулся Нейтан, Силь зачем-то шагнула назад.

Глупость, конечно, по дороге в свою спальню он все равно столкнется с ней на лестнице, но об этом Сиэлла подумать не успела.

Но, кажется, она сделала это не зря.

– Как можно быть такой неаккуратной! – В скрипучем голосе Тинклера звучала тревога. – Я всегда думал, что безрассудней Лейни никого нет, но сегодня ты переплюнула даже ее.

– Царапина, – раздался женский голос, показавшийся Силь смутно знакомым. – Не о чем волноваться. Зато у меня появится повод немного отдохнуть. Фесс совсем озверел.

– Эта царапина до сих пор кровоточит, – устало напомнил Нейтан. – Пошли в кабинет, у меня там есть бинты. Зачем ты в это ввязалась, идиотка?

– А что? Надо было оставить так? Три бесхозных духа в одном месте – это не шутки. Где-то создали зеркальный коридор, попомни мои слова!

– Или глаза мертвецу забыли закрыть... какая разница, откуда взялись эти исчадия Той Стороны? Главное, что твои ручные зверьки с ними не справились. Еще чуть-чуть, и пришлось бы тащить твоё тело в морг.

– Если бы я не вмешалась, то в морг бы повезли тебя, – огрызнулась женщина. – Жаль, что ты не видел выражения рожки Кройна, когда я притащила этих красавцев.

– Он должен был вызвать тебе доктора, не ограничиваться скупой благодарностью, – проворчал Тинклер.

Послышался звук открываемой двери. Собеседники дошли до кабинета.

– Сам знаешь, такие, как мы с тобой, на сочувствие рассчитывать не могут, – разочарованно ответила незнакомка со знакомым голосом.

– Осторожно, порог... скоро мы тебя отмоём, Марианна, обещаю.

Силь тихонько поднялась на ступеньку выше. Потом еще на одну. И еще.

Оказавшись наверху, она тихонько шмыгнула в свою комнату и как можно тише закрыла дверь.

Сердце колотилось как безумное, а перед глазами стояла высокая фигура женщины с жестокими глазами и непослушными кудряшками.

Спутницей Нейтана была Холера. Детектив, которая, по словам Криса и Эрика, закрывала дела за деньги.

Ну что ж, кажется, теперь Сиэлла знала, в чьих интересах она это делала.

Скинув туфли, Силь забралась на кровать, обвила колени руками и усмехнулась.

А ведь она почти забыла, кем является Нейтан. Пусть ей здесь было не слишком уютно, но стараниями Лейни и хозяина в этом доме она смогла обрести некое подобие покоя. Пожалуй, если бы не чувство вины и боязнь будущего, она была бы почти счастлива в этом покое.

Жаль, что тогда ее быстро увели из ресторана. Марианна ждала какого-то друга, и сейчас Сиэлла не сомневалась, что этим другом был Нейтан. Попадись она ему тогда, все сложилось бы по-другому. И не было бы шрама на лице.

И не было бы того, что у нее внутри.

Ребенок... благодаря ему ее ждет нелегкая судьба. Да и для той жизни, что растет внутри нее, вряд ли будет много радости.

Теперь Сиэлле нельзя возвращаться домой. Потому что ее позор станет общим. И у Эви, ее младшей сестры, не будет даже малюсенького шанса выйти замуж за достойного человека. Отец и Элис станут изгоями во всех салонах Омирши.

Нет, она не поступит так со своей семьей. Она уже обрекла их на нищету тогда, когда могла от нее спасти.

Пусть будет тяжело. Она справится. Она сделает все, чтобы больше не совершить ошибок.

Она выживет.

Старуха сказала ей слушать свою интуицию. И сейчас интуиция говорила о том, что ей не вернуть имя. А еще – что тот сон, где она была почти счастлива – сбудется.

А еще интуиция шептала о том, что ей больше никогда не стать Сиэллою Ремур.

Она просидела так долго. Слушала тихие шаги в коридоре: проснулась Лейни, да и горничные приступили к своим обязанностям. К ней никто не заходил, и Сиэлла понимала почему. В доме есть раненый человек, о присутствии которого ей знать необязательно.

Случайно подслушанный разговор не давал покоя. Что-то в нем было такое... неправильное. Если Тинклер работает с Холерой, обращаясь к ней, когда ему нужно закрыть глаза полиции на некоторые дела, то что значит это «отмоем»? Он собирается прекратить это сотрудничество?

Возможно.

В любом случае это не ее, Сиэллы, дело. Она не собирается в это лезть. И осуждать кого-то тоже. Жизни пришлось несколько раз ударить ее по самым больным местам, чтобы она наконец осознала: не стоит судить людей, не разобравшись в мотивах их поступков.

Она больше не будет судить. Ни Нейтана Тинклера, ни Марианну, ни Криса.

Ей нужно думать о другом. К сожалению, ничего конкретного по поводу собственного положения Сиэлле придумать не удавалось.

Если она сможет уехать отсюда, то есть шанс представиться на новом месте простой служанкой. Черная работа не требует специальных познаний, а сноровка приходит с опытом. Простолюдинок, нагулявших ребенка, тоже не очень жалуют, но при этом не лишают работы, если они с ней справляются.

Ей придется окончательно забыть о том, что она когда-то была леди.

Но чем больше Силь об этом думала, тем больше понимала: у нее просто-напросто нет денег и возможностей, чтобы покинуть Омиршу и начать новую жизнь.

У нее нет даже документов. Ни на какое имя.

Она мертва.

Скрепя сердце пришлось признать: ей нужно идти на поклон к Нейтану.

На крайний случай остается Крис – ведь это его ребенок, но, честно сказать, Сиэлле совсем не хотелось встречаться с заклинателем еще хотя бы раз.

Он предал ее. Говорил, что, несмотря на его отношение, позаботится о ней, а потом просто взял деньги и ушел. Его можно понять – зачем связываться с могущественным человеком ради той, что стала обузой, но это все равно выглядело предательством.

А что, если он захочет быть отцом? Привяжет ее к себе... хоть браком, хоть деньгами. Думать об этом было невыносимо, но скидывать со счетов такой вариант Сиэлла не стала.

Все может быть. Если выбирать между торговлей телом (а это тоже возможно) и связью с Крисом, как бы противно ни было об этом думать, то выбор очевиден.

Шлюхой Сиэлла уж точно становиться не хотела.

Время шло, и в один прекрасный момент в комнату Сиэллы постучали. Горничная принесла поднос с завтраком. Неудивительно. Если Холера все еще здесь, то вряд ли хозяин хочет видеть Силь. С другой стороны, никто не пришел и не попросил ее оставаться в комнате, а значит, она вполне могла выходить.

Но не хотела. Она со страхом и предвкушением ждала визита доктора.

Поставив поднос на комод, служанка удалилась. Сиэлла взяла чашку с кофе, газету и села обратно на кровать. Есть не очень хотелось.

И как же она возблагодарила небеса, что не положила ничего в желудок! На первой полосе огромными буквами горела надпись: «Туз вернулся, и он очень зол! Сегодня ночью были убиты четыре человека!»

Дрожащими руками поставив нетронутый кофе на прикроватный столик, Силь развернула газету и углубилась в чтение.

Туз действительно вернулся. Утром были найдены тела. Почерк не изменился, изменилось только расположение: будто смеясь над всеми, убийца расположил своих жертв по четыре стороны от здания ратуши. Одно из тел лежало прямо на пороге главного входа.

Список жертв впечатлял: маркиз Жан Норей, владелец книжной лавки, ростовщик и владелец банка.

Туз действительно вернулся и показал всем, что эта пауза была лишь подготовкой к чему-то масштабному.

Сегодня ночью снег Омирши окрасился в красный цвет.

Силь отбросила газету и закрыла лицо руками. Туз вернулся... вернулся откуда?

Три недели бездействия, а теперь сразу четверо. Как он мог все успеть за одну ночь?

Значит ли это, что он убивает не один? Сколько людей скрывается под маской маньяка по прозвищу Туз?

А Тинклер и Холера? Что, если эти двое заметили ее присутствие и тот разговор, что она слышала, был всего лишь спектаклем?

Нет, они не могли ее видеть.

Не могли.

Да и нет смысла перед ней что-то разыгрывать. Она же просто глупая девчонка, возомнившая себя детективом. У нее нет ни имени,

ни права на голос. Она здесь из милости.

Как же ей не хватает записной книжки, подаренной Элджером! Пусть там и написана полная ерунда, но сейчас, когда Сиэлле надо было пополнить эту ерунду новыми записями, она чувствовала себя слепой.

Смешно: она не знает, что ее ждет завтра, но продолжает думать о том, что может кому-то помочь в деле с Тузом.

Никому не нужны дурацкие размышления дуручки, которая сама разрушила свою жизнь до основания...

Но как же все-таки не хватает записной книжки! И браслета. Она хотела бы его сохранить...

Интересно, что Тинклер сделал с домом? А с его содержимым? Решится ли Силь попросить вернуть ей эти мелочи?

Потянувшись к чашке кофе, Силь сделала глоток.

А может, хватит этих игр? Да, она хочет отомстить Тузу за смерть возлюбленного, но у нее нет возможности это сделать.

В этом мире есть люди намного умнее, чем она.

Есть ничего не стала, ограничившись кофе. Аппетита не было и до прочтения газеты, а уж сейчас... очень хотелось на воздух. Впервые за время, проведенное в этом доме, Силь стало душно. Это нервы? Или здесь действительно нечем дышать?

Она же вроде бы осталась равнодушна к известиям. Даже как-то обрадовалась возвращению маньяка, потому что теперь дело могло сдвинуться с мертвой точки.

Почему она задыхается?

Силь осознала, что стоит у двери, держась руками за горло и хватая ртом воздух. Надо... надо позвать на помощь!

И Сиэлла позвала. Хрипло, почти неслышно.

– Помогите... пожалуйста... – выдыхая последние остатки воздуха, сипела она. – Кто-нибудь...

Горло сдавливали тиски паники, по телу бежали тысячи мурашек, а ноги подкашивались от слабости. В голове звучал стрекот сверчков. Он нарастал, как будто к ней приближалась целая стая!

Последним усилием она шагнула к двери и повернула ручку.

Кажется, она оступилась и упала. Она помнила это чувство падения. Или полета.

А потом она окунулась в вязкую тьму.

Долго барахтаться не пришлось. Сиэлла почти сразу вынырнула и обнаружила себя в доме на улице Синих Ветров. И в этот раз ее старая знакомая Старуха не вязала дым. В ее руках не было спиц и призрачных нитей.

Она держала на коленях книгу.

«Лабиринты Той Стороны».

Силь улыбнулась воплощению смерти, как старой подруге. Чего бояться, если Старуха – это всего лишь причудливая форма ее подсознания. Она ведь не так давно сама хотела этой встречи.

– Зачем я здесь? – спросила Силь, глядя в потухший камин. Может, поэтому Старуха не вяжет дым? Потому что нет пламени?

Смерть усмехнулась и протянула книгу.

– Посмотри на нее внимательно, – попросила она. – Что ты видишь?

Силь непонимающе уставилась на старый переплет. Нет, не старый.

Эта книга была не такой потрепанной, как та, что она купила в лавке букиниста. Оказывается, когда-то название переливалось золотом и серебром, а кожа переплета была мягкой на ощупь. И теплой. Будто держишь в руках живое существо, а не бездушный предмет.

Книга о духах и их тюремщиках такой быть и должна.

– Найди ее, – сказала Старуха.

Силь непонимающе уставилась на свою собеседницу. А потом перевела взгляд на книгу.

– Зачем?

Старуха улыбнулась.

– Узнаешь. Найди ее... и тогда ты наконец поймешь, что делать дальше.

– Но я уже читала ее! – воскликнула Сиэлла.

Черты лица Старухи изменились. Волосы потемнели, а в глазах перестали ползать могильные черви.

– Тебе не нужно ее читать. Тебе нужно просто ее найти...

Сиэлла снова посмотрела на книгу. А когда она подняла глаза, Старухи больше не было. Гостиной – тоже.

Лишь мгла колыхалась серой завесой.

– Пора открыть глаза... – послышался шепот за спиной.

Сиэлла обернулась.
И вернулась в реальность.

* * *

Несмотря на совет подсознания, открывать глаза не хотелось. Она дышит, лежит на чем-то мягком, и этого достаточно.

А еще ее лоб покрывает прохладная тряпица. Кто-то аккуратно обрабатывает шов на щеке.

В этом доме о ней слишком хорошо заботятся. Слишком.

– Открой глаза, я же вижу, что ты не спишь, – послышался недовольный голос Лейни над ухом.

Сиэлла послушалась. Над головой был знакомый потолок, украшенный лепниной.

– Умница. – Лейни выглядела встревоженной. – Доктор осмотрел тебя, пока ты была без сознания. Тебе можно говорить. Но аккуратно.

– Сп... спасибо, – прошептала Силь.

– Ты здорово нас напугала, девочка. Но зато теперь многое становится ясно, – продолжила Лейни. Она отставила чашу с заживляющей мазью подальше и посмотрела на Сиэлла со смесью восхищения и жалости.

– Ты о чем? – Голос звучал хрипло. Она слишком долго молчала. Теперь нужно разработать связки, чтобы голос зазвучал, как прежде.

А еще ей нужно найти книгу. Не ту, что она купила.

Очевидно, ей нужно порыться в библиотеке Тинклера, ведь так?

Лейни вздохнула.

– Если хочешь, можешь попробовать встать. Мы с тобой оденемся и выйдем в сад. А там поговорим. Тебе нужен воздух, а мы об этом забыли. Только давай сделаем это быстрее: поднимается ветер. Кажется, нас ждет знатная метель.

Сиэлла хотела возразить, что, пока она будет ползать и собираться, метель уже нагрянет, но Лейни не стала слушать.

Она безжалостно сорвала с Силь одеяло и гаркнула:

– Одевайся! Твой обморок не имеет ничего общего с твоим здоровьем. Так что не стоит думать, что умираешь. Я жду тебя в холле.

Она бросила одеяло в угол и вышла из комнаты.

Силь аккуратно села на кровати и поняла, что Лейни права. Как будто и не было этого странного приступа, она чувствовала себя просто замечательно. Да и мысль о том, что она теперь может говорить, доставляла удовольствие.

Приведя себя в порядок, Сиэлла вытащила из шкафа плащ с меховой оторочкой и завернулась в него. Было немного страшно, но в большей степени Сиэлла чувствовала любопытство. Лейни что-то собирается рассказать ей. А вдруг это поможет ей понять, что делать дальше?

Интересно, а Холеру уже отправили домой? Наверное, да, иначе бы Лейни не настаивала на прогулке. С другой стороны, никто в этом доме не знает, что она, пусть и мимолетно, но знакома с Марианной.

Это не важно. Спустившись вниз, Сиэлла поняла это абсолютно ясно.

Сама не зная откуда. Как будто Старуха шептала ей это изнутри.

Лейни, облаченная в черный драп, выглядела восхитительно. Сейчас она меньше всего на свете была похожа на служанку. Как Сиэлла вообще умудрилась принять ее за прислугу?

– Молодец! Я знала, что ты справишься! – Глаза Лейни блеснули. – Пойдем в сад. Ты ведь ни разу на улицу не выходила с тех пор, как появилась здесь, я права?

Сиэлла кивнула.

– Помни, что тебе можно говорить, – заметила Лейни и открыла дверь. – Пойдем.

Глотнув свежего морозного воздуха, Сиэлла почувствовала, как у нее кружится голова. Сад, огражденный каменным забором, был небольшой, но зато очень красивый. Покрытые инеем ветки акации и черемухи, засыпанные снегом дорожки, кусты сирени и войлочной вишни, среди которых прятались каменные скамейки.

– Нравится? – спросила Лейни.

– Я и забыла, как вкусно пахнет мороз, – ответила Сиэлла, подняв голову к небу. Рваные тучи двигались по нему довольно быстро, то скрывая солнце, то возвращая его Омирше. Лейни была права: скоро начнется метель.

Еще раз вдохнув полной грудью, Сиэлла спустилась по крыльцу.

– Почему ты хотела поговорить на улице? – спросила она, наслаждаясь самой возможностью говорить.

Она может говорить! Пусть это пока что доставляет некое неудобство, а щека кажется стянутой.

Скоро это пройдет. Или она привыкнет.

– Потому что тебе нужно дышать свежим воздухом, а ты об этом забыла, предпочтя запереть себя в душной комнате.

– Я ходила по дому, – возразила Силь.

– Послушай, девочка. Ты не в тюрьме. Да, за ворота тебя не пустят. Потому что пока твое место в этом обществе... неопределенно. Сбежишь отсюда – последствия будут жуткие, и Нейт или я тут будем ни при чем. Ты не представляешь, как тебе повезло встретить в ту ночь именно детективов.

– Возможно, – поморщилась Силь. – Почему ты сказала, что мой обморок не имеет никакого отношения к здоровью? Может, это от духоты? Ты права, я не выходила на воздух, вот и...

– Нет. Дело не в этом, – жестко прервала ее Лейни.

Они прошли под сень высокого вяза, и Силь засмотрелась на его ветви, покрытые серебром изморози. Ветер пока что был просто ощутимым, но скоро он спустится с небес, неся за собой снег. Много-много снега.

Можно надеяться, что сегодня ночью никого не убьют. Погода не позволит. Судя по расположению солнца, Сиэлла провела без сознания не больше часа.

– Тогда что со мной? – спросила Силь.

Лейни прислонилась к стволу и улыбнулась. Опять – со странной смесью жалости и восхищения.

– Скажи мне: ты слышишь гул?

Сиэлла непонимающе нахмурилась, подумав, что ослышалась.

– Гул? Какой гул?

– Значит, не слышишь... а когда прикасаешься к предметам – тоже ничего?

– Я не понимаю, о чем ты! – воскликнула Силь.

Лейни покачала головой, и теперь в ее взгляде было сочувствие.

– В тебе проснулся дар, девочка. Омирша тем и славится, что здесь каждый третий – менталист. И ты, дорогая, теперь одна из них.

Силь улыбнулась и почувствовала, как шов на щеке немного растягивается.

– Это хорошая шутка, – заметила она. – Я даже на миг перестала чувствовать себя никчемной дурой.

Лейни расхохоталась.

– Это не шутка. Ты действительно обладаешь ментальной магией. Судя по всему, дар слабый, да и пробудился поздно, но твой обморок – это всего лишь последствия. Ты сопротивляешься тому, что для тебя естественно.

– И что же это? – продолжая глупо улыбаться, спросила Сиэлла.

Она – ментальная ведьма? Что за чушь? В ее роду никто не обладал подобным даром. В среде аристократов это вовсе считалось дурным тоном – ведь обладающие властью над духами или мыслями были обязаны отдавать свой долг Хортеллу в рядах магполиции, администрации мэра или еще где-то!

– Ты сопротивляешься собственному дару. Слышишь его, но не слушаешь. Ты – сильнейший интуит, все остальные аспекты дара, очевидно, тебе недоступны. И раз ты его не слышишь – он пытается достучаться до тебя видениями, снами... и обмороками. Вот почему ты так слаба. Вот почему ты выглядишь как сумасшедшая.

Силь покачала головой. Улыбка сползла, осталась лишь горечь.

– Если бы у меня был дар, он оградил бы меня от ошибок, – ответила она. – Я стала содержанкой того, кто предал меня не раздумывая. Я... сбежала из-под венца, и это привело к жутким последствиям. Посмотри на меня, Лейни. Я – никто. Вы держите меня здесь из милости, и мне страшно подумать, что будет, когда ваша доброта закончится. Я изуродована. Я... – Она в последний момент прикусила губу, чтобы не проболтаться о ребенке. – Ты ошиблась. Я не менталист.

Лейни покачала головой и прижала ладонь к стволу вяза, под которым они стояли.

– Я не могу ошибаться. Раньше я просто не думала об этом, но сегодня все проверила. Твой дар не так уж и силен. Но он есть. Что до Криса Винтспира, то он – заклинатель. Против них ментальная магия бессильна. Она просто не работает в их сторону. Все остальное – последствия этого бессилия. А что до побега... я так думаю, что твой дар начал просыпаться незадолго до него. А вначале вам всегда сложно. А особенно тем, кто не понимает, что происходит.

Сиэлла нахмурилась.

– Почему ты так уверена в своей правоте? – спросила она. – Или ты тоже – ментальная ведьма?

Лейни покачала головой.

– Нет, я не менталистка. И не заклинательница, – ответила она и отняла ладонь от ствола.

Сложила пальцы в причудливый знак и провела рукой сверху вниз. Снег под ногами Сиэллы зашевелился и рассыпался. А потом пошел вверх, возвращаясь на небо.

Силь посмотрела на то место, где на стволе лежала рука Лейни. Там остался выжженный след.

– Небеса... ты – белый маг?

Лейни озорно подмигнула Сиэлле, щелкнула пальцами, и снег осыпался, попал Силь под плащ, обжег шею холодом и оставил на ее ресницах капельки влаги.

Ничего себе! Теперь Сиэлла понимала, почему ее оставляли одну, не боясь, что она совершит глупость. Почему никто не обращал на нее внимания.

Ей дарили иллюзию свободы. Но на самом деле она не была свободна. В доме был белый маг... редчайший дар. Сильнейший дар. Почти бесценный.

– Кто ты, Лейни? – спросила Сиэлла.

Та прислонилась спиной к стволу.

– Официально я работаю здесь экономкой. Уже четыре года. Такой ответ тебя устроит?

Она говорила правду, не сказав ни слова истины. Силь это прекрасно осознавала.

Теперь понятно, почему она так уверена в способностях Сиэллы. Говорили, что белые маги чувствуют ментальную магию и они же могут определять способности заклинателей.

Она действительно получала жалованье экономки, в то же время ее отношения с Тинклером не были похожи на отношения служащей и хозяина.

А это значит, здесь есть что-то еще.

– Я видела, как из его глаз вытекает тьма... – бездумно прошептала Сиэлла, глядя на место, где ладонь Лейни оставила выжженный след. – Я боялась этой тьмы...

Лейни нахмурилась.

– Чьи глаза?

– Ти... Тинклера...

Ей почему-то было важно это сказать. Если это ее интуиция – так тому и быть.

– Нейта? Погоди... что? Ты видела в его глазах тьму? Когда?

– С... с тех пор как отец объявил о помолвке, – пролепетала Силь. – Я боялась, я очень его боялась, Лейни. Я была уверена, что, если он ко мне прикоснется, я умру. Это так страшно... тьма, которая липнет к тебе, обволакивает... я только недавно... в тот день, когда рояль увидела, перестала это испытывать, понимаешь? Это и есть хваленая интуиция менталиста? Он желал мне смерти, а потом перестал? Или я чего-то не понимаю?

Лейни посерьезнела. Отойдя от ствола, она шагнула к Сиэлле и положила руки ей на плечи.

– Ты перепутала страх с интуицией. На первых порах это бывает. Чувства обостряются, и происходит всякая ерунда. В такие моменты менталист очень уязвим. Ему нужна помощь более опытного колдуна. Тебе же не повезло. Мало того, твоя жизнь трещала по швам и без внезапно проснувшегося дара. У Нейта совершенно простые глаза. Они не сочатся тьмой, поверь. И никогда не сочились.

– Но почему я видела только его? Почему никто другой меня не пугал так сильно? – Силь обнаружила настоятельную потребность заплакать. А лучше – вцепиться в драповый плащ Лейни и громко разрыдаться. Потому что она знала ответ. Потому что никто, кроме Нейтана Тинклера, не имел жуткую репутацию.

Она перепутала страх с интуицией...

Неужели все так просто?

Лейни, кажется, поняла, что нужно делать. Она первая обняла Силь, и ту будто прорвало.

Пожалуй, впервые за долгое время слезы облегчали душу, а не рвали ее. Ветер трепал волосы, залезал ледяной рукой под плащ, заставляя подрагивать от озноба, но руки Лейни были теплыми.

– Спросишь потом. А может, сама поймешь. Иногда наша фантазия... играет злые шутки. А уж фантазия только что проснувшегося менталиста... прости меня, девочка. Я ошибалась насчет тебя. Ты совсем не жалкая дура. Пожалуй, мало людей смогли

бы пережить все одновременно, сохранив разум. Проснувшийся дар – это серьезно.

Сиэлла почувствовала, как по ее телу разливается уютное тепло. Она плакала, Лейни гладила ее по спине, и впервые за много времени Сиэлле было понятно: все, что происходит, – правильно.

Осталось только найти книгу. Интуиция говорила, что тогда она поймет, как жить дальше. А теперь Силь знала точно: надо слушать то, что говорит ей Старуха.

* * *

Надо объясниться с Тинклером. Поговорить. Так откровенно, как только можно.

Хватит прятаться. Если уж она внезапно оказалась ментальной ведьмой, дар которой ждал двадцать три года, чтобы проснуться, то...

Хватит.

Иначе Старуха опять придет к ней во сне. А Сиэлла решила, что теперь будет слушать ее наяву.

Как странно. Она немало лила слез в последние месяцы, но впервые после слез ей было спокойно. Хорошо. Разум очистился, и теперь Силь чувствовала одновременно опустошение и желание действовать. Возможно, все дело в том, что теперь она не думала о себе, как о никчемной идиотке? Пока Сиэлла рыдала на ее плече, Лейни многое рассказала о ментальных колдунах, чей дар неполон. О тех, кто не знал, что происходящее вокруг них – всего лишь проделки магии. О тех, кто сейчас находился в приюте для умалишенных, потому что не смогли справиться. Ей повезло. Пусть ее теперь и можно назвать ментальной ведьмой, но ее дар неполон. Она не слышит эха мыслей людей вокруг. Она не читает мысли вовсе: ни при прикосновении, ни на расстоянии. Это ей недоступно. Она не может воздействовать на разум, внушая человеку собственное видение. Лейни назвала эту способность «поводок». Ничего этого Сиэлле недоступно. Только сверхинтуиция. Сиэлла горько хихикала над этой самой сверхинтуицией и тем, куда она ее завела, но Лейни напомнила, что в начале пути, когда дар неуправляем и непредсказуем, никто не застрахован от ошибок.

А потом еще раз рассказала о несчастных, кто в отсутствие тех, кто мог бы помочь разобраться, просто-напросто сошли с ума.

Силь это пережила. Пусть и не безболезненно.

Вернувшись из сада, Сиэлла почувствовала невероятный аппетит и попросила у кухарки хлеба с сыром, потому что ждать обеда не было сил. К сожалению, ее не поняли и отвели в столовую, где ее ждал полноценный обед с куриным супом, тушеными овощами, ростбифом (порезанным на мелкие кусочки, чтобы Силь могла жевать аккуратно) и паштетом из гусиной печени.

Был подан кофе и бокал вина.

Сиэлла съела все. Желудок радостно урчал, сообщая, что ему нравится, когда его кормят вкусной и питательной едой. К вину Силь не прикоснулась, помня о том, что алкоголь ей противопоказан. Она беременна. Не стоит об этом забывать.

И не стоит медлить.

Нужно разобраться со своей жизнью и найти заработок прежде, чем ее положение станет заметным. Теперь Силь знала, что может. Нужно найти начальный капитал и уехать из Омирши туда, где менталистов не так много.

И использовать внезапно открывшиеся возможности.

Поев, Сиэлла вышла в холл, намереваясь поискать хозяина дома в библиотеке, а потом в гостиной. Судя по времени, он еще не должен уйти, а значит, где-то отдыхает. Или работает у себя в кабинете.

Пусть ее глаза опухли от рыданий. Она все равно больше никогда не сможет выглядеть прилично из-за шрама на щеке, так какая разница? Тем более после того, как Тинклер обнаружил ее скрючившуюся в осколках в доме на улице Синих Ветров, она вряд ли уже его чем-то удивит.

В холле оказалась Лейни. Она была полностью одета и как раз натягивала перчатки, очевидно собираясь уходить.

Силь открыла было рот, чтобы спросить, куда это экономка собралась в такую погоду, но вовремя вспомнила, что Лейни хотя бы экономка. А вот Сиэлла – никто.

– Там... там же метель, – вышла из положения Силь.

Метель действительно постепенно накрывала Омиршу. Пока что ветер был не слишком сильным, да и снежинки, что падали с неба,

были еще редкими, но не пройдет и часа, как за окном не останется ничего, кроме снежной завесы и воя ветра.

– Я успею, – бросила Лейни. – Мне нужно кое-что выяснить. Вернусь завтра. Мой дом находится неподалеку от места, куда я иду, так что пережду непогоду там. Да и надо иногда ночевать в собственном доме...

Силь моргнула. Она была уверена, что Лейни живет в доме Тинклера, да и обязанности экономки такое предполагали.

«Официально я работаю здесь экономкой».

А неофициально?

Силь решила, что не хочет знать правду. Попытавшись прислушаться к шепоту Старухи, она осознала, что действительно понимает, что хочет сказать дар.

Лейни очень ей помогла. А еще Старуха уверяла, что Силь скоро узнает правду.

Не Старуха. Интуиция.

Кажется, Сиэлла все-таки сошла с ума, просто этого никто не заметил. Потому что избавиться от восприятия собственного дара через призму божества степняков не получалось. С другой стороны: а надо ли?

Какая разница, кто шепчет ей ответы, если эти ответы – истина?

Никакой.

– Аккуратнее, – напутствовала Лейни Сиэлла. – И поторопись. Скоро метель станет сильной.

Лейни с веселым изумлением посмотрела на Силь.

– Жаль, что я не обнаружила твой дар раньше. По правде говоря, я просто подумать не могла, что он у тебя есть. У аристократов он очень редко появляется. Может, потому, что они слишком хорошо живут?

Силь улыбнулась в ответ. Грубоватый юмор Лейни начинал ей нравиться.

– Я думаю, что ты права, – ответила она.

Лейни подошла к двери и взялась за ручку, но прежде, чем повернуть ее, обернулась к Силь.

– Ты хоть представляешь, как выглядишь сейчас, девочка?

– Хм... плохо? – весело предположила Силь. – Это не важно...

– Уверенно, – поправила ее Лейни. – Впервые со дня нашего знакомства передо мной стоит личность. Личность, которая скоро поймет, что она дорого стоит. И я не о деньгах. Удачного вечера, Сиэлла Ремур.

И она ушла, оставив Силь одну.

Сиэлла улыбалась. И была счастлива оттого, что это действие больше не приносит ей боли.

Но и это было не самое прекрасное. Теперь она могла не только говорить.

Она могла петь.

В гостиной Тинклера не оказалось. Зато рояль стоял во всем своем белоснежном великолепии, маня к себе Силь.

Теперь она может петь. Может. И, судя по всему, никто не собирается ей этого запрещать. Стоит ли воспользоваться возможностью?

В этом доме слишком тихо. Слишком.

Уже открыв крышку, Сиэлла поняла, что именно в этом и загвоздка.

Тишина.

А если Нейтан отдыхает? Если даже Холеру отправили домой, то он все равно смог бы лечь спать не раньше двух-трех часов назад. Из своей комнаты она слышит возню кухарки, а если она начнет музицировать, то точно разбудит хозяина.

С сожалением закрыв клавиатуру, Силь направилась в библиотеку.

Ветер за окном усиливался, а из-за снега было совсем темно, будто уже наступили вечерние сумерки, но здесь было уютно. Потрескивал огонь в камине, напоминая Сиэлле о Старухе, что вяжет дым, огоньки свечей подрагивали от сквозняка, а на шахматном столике расположился огромный рыжий кот. Положив голову на передние лапы, он свесил пушистый хвост вниз, издали напоминая забытый в неподходящем месте кусок ткани.

Откуда он тут взялся?

Раньше Силь и не подозревала о том, что в этом доме живет кот.

И понимала почему.

Животным, которых заводит прислуга, не место в библиотеке.

Кот был настолько наглым, что, когда Сиэлла протянула к нему руки, открыл только один глаз. Хмуро посмотрев на нее, он широко

зевнул и устроил голову поудобнее, намереваясь продолжить спать.

А когда Сиэлла схватила его, чтобы отнести на кухню (судя по широким бокам, он обретался именно там), лишь недовольно клацнул зубами, но вырваться или царапаться не стал, позволив Силь его нести.

Кухарка, увидев Сиэлла с котом на руках, выронила половник, а потом поспешила взять рыжего наглеца к себе.

– Он очень красивый, – заметила Силь, улыбаясь. Создавалось впечатление, что кухарка ждет нагоняя, и хотелось ее разубедить. – Мне очень жаль, что я не встретила его раньше. Он часто убегает, чтобы поспать в библиотеке?

Кухарка испуганно замотала головой.

– Почему вы все время молчите? Вам хозяин запретил со мной разговаривать?

Кухарка опять отрицательно покачала головой.

– Тогда почему?

Женщина опустила кота на пол и прижала ладонь сначала ко рту, а потом и к горлу.

Силь почувствовала, как по ее спине бегут мурашки.

В этом доме прислуга не разговаривает. Никогда.

– Вы немая? – спросила она.

Кухарка кивнула.

Страшная догадка поразила Силь.

– А садовник? Горничные? Вы все... не можете говорить?

Кухарка кивнула и улыбнулась. А потом еще раз благодарно склонила голову.

– Вы накормили меня великолепным обедом, а я всего лишь вернула вам кота, – ответила Сиэлла.

И вышла из кухни.

Теперь она знала, почему в этом доме так тихо, и это объяснение ей совсем не нравилось. Оно снова напоминало Силь о том, кто такой Нейтан Тинклер.

Репутация... сейчас, пользуясь милостью Нейтана, ей хотелось верить в то, что его репутация всего лишь происки завистников, которым пришлось не по душе, как он выкрутился, потеряв наследство.

Но Старуха шептала, что репутация на пустом месте не возникает. А еще упрямо напоминала о том, что нужно найти книгу.

Ну что же, наверное, легче всего найти книгу в библиотеке? По этому поводу Старуха-интуиция молчала, и Силь, слушая вой ветра за окном, вернулась туда, где нашла пушистого наглеца.

Пожалуй, до вечера она здесь точно провозится. И только когда она подступила к первому шкафу, Сиэлла поразила странная мысль.

Лейни ушла.

В этом доме все слуги – немые.

А хозяин дома – здесь. И он – обманутый ею мужчина.

«Брось. Вряд ли Лейни стала бы ему мешать, вздумай он учинить расправу», – насмешливо шепнула Старуха.

И Сиэлла хмыкнула в ответ.

Разговаривать с собственной интуицией было забавно...

Поиск книги настолько захватил ее, что Сиэлла не заметила, как на улице стемнело уже не оттого, что снежная буря накрыла город, а оттого, что скрытое тучами солнце покинуло небо до утра.

Перерыв последний шкаф, Силь обессиленно села на удобный мягкий диванчик, обитый кремовым атласом, и заключила: она ищет не там. Возможно, стоит поискать в комнате Лейни?

Или в спальне Нейтана?

Или в его кабинете.

Да, именно там. Но сначала стоит поискать там хозяина. Нужно поговорить. Пока она чувствует себя готовой к этому разговору.

Сиэлла точно знала, что Тинклер запирается в кабинете, поэтому нужно быть готовой к тому, что сегодня от разговора он может уйти. Да, она постучится. Да, попросит его уделить ей время. Но это не значит, что он захочет тратить свое время на нее. Он и так потратил на нее достаточно.

Как минимум – десять тысяч золотянок.

Несколько раз выдохнув, Силь расправила плечи и отправилась в кабинет хозяина. Хватит тянуть. Она должна быть готова к будущему, что ее ждет.

И она будет готова.

Постучав три раза в дубовую дверь, Сиэлла замерла, стараясь дышать глубоко, потому что где-то внутри упрямо поднималась паника.

Но ответа так и не дождалась.

Интересно, а Тинклер там или она стучится зря? Что там по этому поводу Старуха шепчет? Но интуиция отказывалась работать ради таких мелочей.

Сиэлла постучала еще раз.

Не дождавшись ответа, она с досадой толкнула дверь, и та, к изумлению Силь, открылась. Совершенно бесшумно. Впрочем, здесь уж точно не забывали смазывать петли.

Силь осторожно заглянула в кабинет. Он был пуст. Нейтан, очевидно, еще не проснулся.

А если проснулся и через пару минут будет здесь? Ситуация будет неприятная. Она же хочет поговорить с Тинклером, а не рыться в его вещах! И если она сейчас же не уйдет отсюда, закрыв дверь, он обязательно так и подумает!

Оглядевшись, Сиэлла обнаружила, что в кабинете действительно есть книжная полка. Она висела прямо над письменным столом.

Может, попробовать успеть? Много времени это не займет, полочка-то одна! Сиэлла обернулась, убеждаясь, что поблизости никого нет. А потом взяла подсвечник с ближайшей тумбы и шмыгнула в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Книги на полке не оказалось. Там были лишь старые расходные книги некоего Гордона Финиана. Это настолько обескуражило Сиэллу, что она просмотрела каждую книгу по два раза.

Кто такой Гордон Финиан?

Повернувшись к столу, она отметила, что на нем царит абсолютный порядок, будто никто не пишет здесь десятки писем каждый день. Повинуясь любопытству, Силь подошла к столу и взяла в руки идеально сложенную стопку бумаг.

Все листы были чистыми.

Чистая гербовая бумага. Ни пылинки, ни соринки, ни одной смятой бумажки, будто Тинклер всегда писал письма с первого раза.

В чернильнице не было чернил. А перо на подставке никто не трогал много времени, потому что вытащить его из зажима было просто невозможно.

Когда Сиэлла открыла верхний ящик (он был заперт на ключ, который находился там же, в замочной скважине), у нее сердце ушло в пятки.

Опять стало страшно.

Ящик был почти пуст. Ничего, что указывало бы на то, чем тут занимается Тинклер. Ничего.

Кроме серебряного браслета с изумрудами да записной книжки с обложкой из крашеной кожи и маленькой закладочкой-тесьюмой.

У Силь задрожали руки. Как? Почему? Почему он не отдал ей эти вещи? Почему они лежат здесь, в этом столе, на котором стоит чернильница без чернил, пересохшее перо и пачка пустых бумаг?

Она протянула руку, чтобы взять браслет, но тут же ее отдернула.

Нет. Потом. Если она заберет свои вещи сейчас, Тинклер это обязательно заметит.

Как он посмел прятать подарки Элджа от нее? Кто он такой, черт возьми?

Она посмотрела перед собой. Напротив стола на стене висело огромное зеркало в позолоченной раме. В нем отражалась Сиэлла. Бледная, с горящими от страха и гнева глазами. Волосы растрепались, а шрам уродливой полосой пересекал левую щеку, напоминая о том, что она совершила уже достаточно глупостей.

Силь с силой задвинула верхний ящик и повернулась к двери, чтобы уйти отсюда прочь, но внезапно осознала, что в кабинете кое-что изменилось.

Зеркало ушло внутрь стены, а потом сдвинулось в сторону, открывая проход. И Силь видела, что это не темная комната.

Она весело ухмыльнулась, понимая, почему в кабинете ничего не было. У Тинклера был второй кабинет.

А потом горько усмехнулась, сообразив, что крупно влипла. Она не знает, как вернуть зеркало на место. Нейтан точно узнает, что она здесь была.

Вновь открыв ящик, она взяла браслет и книжку, сунула их в карман и шагнула к проходу.

Погибать, так с музыкой.

Она не ошиблась. Комната, что она случайно обнаружила, была точной копией кабинета. Но здесь стол был завален бумагами. Какие-то папки, обрывки записок, справочник по медицине, талмуд, обложка которого выглядела настолько хлипкой, что к нему прикасаться было страшно... пузатый бокал, к которому прислонили колоду карт – тоже потрепанную.

Он здесь сам с собой в карты играет?

Заглянув в одну из папок, Силь обнаружила, что в ней – отчет мастера смерти, проводившего вскрытие тела Динара Крейна. Она уже видела этот отчет, когда переписывала данные с документов Криса.

Холера... Марианна закрывает дела за деньги. За деньги Тинклера. А что, если... что, если Нейтан Тинклер знает, кто именно стал кошмаром Омирши? Что, если он вместе с Холерой прикрывает маньяка? И чтобы знать, в каком направлении движется расследование, он собирает материалы дела...

Неужели она так близко?

В этом кабинете тоже была книжная полка. И Силь сразу поняла, что все было не зря. Старуха не обманула ее. В этом доме действительно были «Лабиринты Той Стороны». Корешок был новым, а прикоснувшись к нему, Силь почувствовала тепло. Конечно, это было всего лишь внушение. Это во сне книга может быть теплой. В реальности такого не бывает.

Стояла книга плотно между «Справочником ядов» и «Песками Омирши» – за авторством некоего... Гордона Финиана. Полка была забита под завязку, и Сиэлле стоило немалого труда вытащить одну книгу, не уронив все остальные и не повредив новенький корешок.

И что в ней особенного? Повертев книгу в руках, Сиэлла открыла первую страницу. Она уже читала это! Неужели в этот раз интуиция пошутила? Конечно, подсознание не умеет шутить... но что насчет интуиции менталиста, которой она, оказывается, обладает?

Перелистав еще несколько страниц, Сиэлла обнаружила, что у ее ног лежит сложенный вдвое листок бумаги. Наверное, выпал из книги. Нагнувшись, Силь подняла его и, положив книгу на стол, развернула.

И пожалела, что перед этим не села.

Это был документ, наверху которого стоял неизвестный Сиэлле знак – чем то похожий на комету магполиции. Это была восьмиконечная звезда, внутри которой был нарисован глаз.

«Тайная Канцелярия г. Омирши» – гласила надпись под знаком.

А потом шел текст документа. И с каждым прочитанным словом Силь становилось все хуже. И хуже. И хуже. Дочитав до конца, она закрыла глаза, выпустила листок из рук и обессиленно прислонилась к стене, слегка ударившись головой о полку.

– Мне вот интересно, как ты догадалась, с какой силой нужно закрывать ящик, чтобы открыть потайную дверь? – раздался хриплый голос.

Накатило полнейшее безразличие. Она знала, что ей достанется – ведь способ закрыть комнату она не знает. Пожалуй, даже хорошо, что он застал ее здесь.

Сиэлла открыла глаза. Тинклер стоял в проеме, сложив руки на груди, и изучал ее насмешливым взглядом. Поверх рубашки и брюк был накинут домашний халат бордового цвета. Он наверняка только с постели поднялся. Метель же, ему сегодня никуда не идти, вот он и дал себе отдохнуть.

Силь открыла рот, но, не найдя слов, снова закрыла. Сейчас она как никогда сильно хотела быть немой. Просто опустить взгляд и сделать виноватый вид.

Нейтан подошел к ней, нагнулся и поднял упавший лист бумаги. Горько усмехнулся и сел за стол.

Нахмурился, закусил губу, и Сиэлле показалось, что он, как и она, не может подобрать слова.

Тишина, поймавшая этот дом в свои сети, стала звенящей. Стеклопанной. Казалось – даже самый тихий вздох может разбить ее. Превратить в шум и гвалт. А потом стало легче: снова подул ветер за окном, ударил в стекло, завыл и рассыпался острыми гранями мелких снежинок.

– Ты должна была узнать об этом после свадьбы, – тихо сказал Нейтан.

Сиэлла судорожно вздохнула, хватая воздух ртом. Оказывается, она не дышала, пока ветер не разбил тишину.

Тинклер сложил документ и положил его между страниц «Лабиринтов».

– Запомни это ощущение, – посмотрев на нее, проговорил он.

– Не... не понимаю, – тихо пропищала Силь.

Ей казалось, что она куда-то падает. Реальность кружилась вокруг нее в водовороте красок, расплывалась и снова становилась нормальной.

– Что ты хотела найти? Какова была твоя цель? Зачем ты шла сюда?

Силь нахмурилась. А потом поняла, о чем он спрашивает.

– Я х-хотела найти книгу. Она мне п-приснилась. И я...

– И ты ее нашла, – закончил Тинклер, усмехнувшись.

В его глазах не было злости. Не было досады. Он как будто был рад, что она влезла сюда. Теперь, когда ей не чудилось, что из его глаз вытекает тьма, она видела это отчетливо.

Но Сиэлле все равно было плохо. Она хотела провалиться сквозь землю от стыда. Теперь, когда она знала правду, ее вина возросла в несколько раз. Ей хотелось упасть перед ним на колени и просить прощения. Ей хотелось, чтобы он кричал. Злился. Ударил.

Он имел на это право. Злиться. Но злости не было, и оттого Сиэлле становилось еще хуже.

– Запомни эти ощущения. В этом и есть твой дар интуита. Ты была одержима целью, и твои действия, вроде бы случайные, привели тебя к ней. По сути, здесь не видно магии. Но она есть. Ты обладаешь именно такой, невидимой глазу, да и самой себе, магией интуита. Ты не просто чувствуешь. Ты делаешь.

– Откуда ты знаешь? – спросила Силь.

Станный разговор. Он должен злиться. Он не должен был выхаживать ее. Почему он разговаривает так спокойно?

– О твоём даре? Лейни рассказала, конечно.

– Я не об этом. Ты... – Силь опустила глаза. – Прости меня. Я... я очень виновата перед тобой.

Молчание опять стало звенящим. Сиэлла боялась шелохнуться, продолжая опираться на стену и глядя в пол. Нейтан тоже сидел не шевелясь. Смотрел на нее. Она чувствовала этот взгляд.

Было щекотно.

В этот раз тишину разбил звон колокольца. Силь вздрогнула и подняла взгляд.

– Будешь кофе? – спросил Нейтан. – Потому что я очень хочу выпить кофе.

Глядя на него во все глаза, Сиэлла неуверенно кивнула.

– Может, сядешь? – предложил Тинклер, кивая в сторону стула напротив него. – Или тебе удобнее подпирать стену?

Силь медленно подошла к стулу и села, продолжая смотреть на бывшего жениха не отрываясь.

– Прекрасно! – Он лучезарно улыбнулся. А когда в проеме появилась одна из горничных, приказал: – Принеси-ка нам с моей

невестой кофе. А после него я не откажусь от виски.

Когда служанка, кивнув, скрылась, он пододвинул к Силь книгу, в которой прятался листок с правдой. И попросил:

– Поставишь ее на место? Честно говоря, я очень устал сегодня. Просыпаться на закате – то еще удовольствие. Никогда так не делай.

Сиэлла прерывисто вздохнула, снова ища в его глазах злость или досаду, послушно поднялась, взяла книгу и поставила ее на полку.

А потом спросила:

– Кто такой Гордон Финиан?

Повернувшись к нему, она обнаружила, что он взял в руки колоду карт и ловко тасует ее. Судя по отсутствующему взгляду, это занятие его успокаивало.

Сев на стул, она заворуженно наблюдала за его быстрыми движениями.

– В детстве я очень любил строить карточные домики, – глядя куда-то мимо Силь, сказал Тинклер. – Они получались очень красивыми. Но ненадежными. Дунешь – и вот труд последних часов превратился в руины.

Силь не знала, что на это сказать. Казалось, он и вовсе забыл о ее присутствии. Но нет. Оказалось – он просто ждал служанку с кофе. Когда она поставила поднос на стол и удалилась, он выдвинул и задвинул средний ящик стола, и проем закрылся.

Силь почувствовала себя в ловушке.

– Ты забыла, наверное. Меня лишили наследства. И этот дом я купил на выигранные деньги. Его прежний хозяин мнил себя гением. Он считал, что этот город обладает характером. Но гением был не он, а его дворецкий. Именно этот человек точно знал, что Омирша, как и парочка других городов Хортелла, действительно дышит. Он написал об этом целый труд. Жаль, что дворецкий был слишком стар. Он умер пять лет назад. Его звали Гордон Финиан.

Силь кивнула, принимая ответ. Тинклер снова начал изучать ее взглядом, и ей было неуютно. Но теперь дело было не в том, что этот мужчина внушал ей отвращение или пугал.

Дело было в шраме на пол-лица. Силь испытывала потребность прикрыть свое уродство, ведь оно свидетельствовало о ее глупости.

В полном молчании Нейтан разлил кофе и пододвинул одну чашку к Сиэлле.

– Прости, что сразу не отдал твою книжечку и браслет. Хотелось дождаться твоего выздоровления.

Аромат свежесваренного напитка щекотал ноздри, наполняя душу внезапным покоем. Маленькой частичкой покоя, о котором она так мечтала.

И поэтому смысл этих слов дошел до нее не сразу. А когда дошел – она смогла только благодарно кивнуть. Пригубив из своей чашки, Сиэлла достала из кармана браслет. Последний подарок Элджа... к которому тот, кто ее предал, подарил серьги.

Серьги.

Их не было на Сиэлле в то утро, когда Крис проиграл дом на улице Синих Ветров. Они лежали там же, где и браслет.

Дрожащими руками вернув браслет в карман, Силь уставилась на бывшего жениха. Опять кружилась голова, но слабость тут была ни при чем.

– Книжку и браслет мне подарил мой слуга, – ничего не выражающим голосом сообщила она.

Нейтан прищурился. Он продолжал смотреть на нее. Изучал? Может быть.

А может быть, и нет.

– Я любила его. Я любила Элджа всем сердцем, – продолжила Сиэлла.

Он поставил чашку на стол. Вой ветра за окном снова стал сильным.

– Я знаю, – коротко бросил он. – Именно поэтому я сохранил его подарки.

– Откуда... откуда ты мог это знать? Даже моя семья не знала о том, что меня связывает с Элджем. И откуда ты мог узнать, что именно он подарил мне эти вещи?

Сиэлла знала ответ. Он был очевиден, если вспомнить о содержании бумаги, спрятанной между страниц «Лабиринтов Той Стороны». Но она хотела услышать.

Она во все глаза смотрела на бывшего жениха, пытаясь спрятать стыд и желание провалиться сквозь землю.

Он, кажется, это понял. Понял, что она знает. Понял, что она хочет. И поэтому просто ответил:

– Потому что я – менталист. Как и ты.

Силь на миг закрыла глаза.

– Я рада, что ты не стал обманывать меня, – прошептала она. – Ты ведь все обо мне знаешь. И знал с самого начала. Ты... Лейни говорила, что полноценные менталисты могут накидывать на людей «поводок» и заставлять их делать что-то против воли, воздействуя на сознание. Внушать... Почему ты этого не сделал? Почему не внушил мне любовь к себе? Или хотя бы заставил меня перестать себя бояться. Это бы очень помогло, знаешь ли!

Нейтан грустно улыбнулся.

– Все очень просто, Сиэлла. Я не мог. И не могу. Как и тебе, мне доступна лишь часть дара. Я неспособен внушать. Неспособен чувствовать, у меня нет твоего дара интуита. Я способен лишь читать мысли или их эхо, прикасаясь. Больше ничего.

А Силь вдруг подумала, что все время надевала перчатки на их встречи. Знала?

Нет.

Об этом знала ее интуиция.

Его глаза были черными. Из них вытекала тьма. И если подумать, все это начало ей казаться в то время, когда, как предположила Лейни, ее дар только пробуждался. Может, все дело в этом? Нейтан Тинклер – менталист, читающий мысли. Может, именно это и пытался показать ей неуправляемый дар?

Он хотел ее предупредить. А вместо этого – испугал. И она, поддавшись страху, внушила себе кучу вещей и наделала просто невероятное количество глупостей!

– Прости меня, – глухо сказала Силь. – Прости. Я так виновата перед тобой...

Тинклер внезапно откинулся на спинку своего стула. Его лицо приобрело хищное выражение, а губы кривились в гримасе отвращения.

– О да... твоя вина неоспорима... – яростно прошипел он.

Нейтан взял с подноса бутылку и плеснул виски в бокал. Его руки дрожали, и Сиэлла была уверена, что это гнев.

Ну что ж, давно пора. Силь поняла, что ей становится легче. Как будто чувство вины разбавляется этим гневом. Ей не было страшно. Теперь она точно знала, что зла этот человек ей не причинит.

Она это знала. Ведь об этом ей шептала Старуха.

Взяв бокал, Нейтан поднялся на ноги и подошел к окну, за которым бушевала метель. Сделал большой глоток. А потом заговорил, вглядываясь в танец снега, и песни ветра аккомпанировали ему.

Снегу или голосу Тинклера? Сиэлле было все равно.

– Я знал, что ты меня боишься. До дрожи в коленях. До самозабвения боишься, – начал он. – Но я не придавал этому значения. Я знал, что ты изменишь свое отношение потом, когда я тебе все расскажу. Повторюсь, во мне нет дара интуита, а это значит, я не мог предсказать случившееся. Если я правильно понимаю, именно в этот момент твой дар начал пробуждаться, и ты начала чувствовать, что я – не простой человек. Ты все время отстранялась, надевала перчатки... не давала мне прикоснуться к коже. Я не настаивал. Твой страх можно было почувствовать без всякой магии. Я не хотел пугать тебя еще больше. Я ждал свадьбы. Тогда бы я все тебе рассказал. Потом убили твоего... слугу. И в то утро, когда я нес тебя, кричащую от горя, прочь с места убийства, я узнал, что ты собиралась бежать. В глубине души даже порадовался, что твоего... Эджда убили. Теперь у тебя не было выбора. Я знал, что ты не решишься сбежать одна. Кто же мог подумать, что ты умудришься сбежать совершенно случайно...

Силь сжалась на стуле. Она не представляла, что бы сделала на месте Нейтана. Что бы она чувствовала? Разочарование? Злость?

– Ты исчезла, Сиэлла, и в этом был виноват я. Мне нужно было понять, что в таком состоянии люди делают глупости. Но ты не знала о даре, и я не знал о нем вместе с тобой. Ты сходила с ума, но я этого не видел. А потом ты исчезла.

Понимание накрыло Сиэллу волной.

– Ты поэтому за сведения обо мне такую цену назначил, да? Потому что думал, будто виноват? Но ведь ты не был виноват...

– Я назначил такую цену, Сиэлла, потому что знал, что такой, как ты, не место на улице, – жестко перебил ее Тинклер. Он глотнул виски и продолжил: – Я знаю об изнанке этого города все. Ты и представить себе не можешь, насколько она уродлива. Я назначил ту сумму, которая могла бы перебить твою стоимость в самом дорогом борделе, если бы ты попала туда. К сожалению, таких, как ты, не выставляют на всеобщее обозрение сразу.

– Таких, как я? – тоненько пискнула Силь. Она начала понимать, до какой степени ей повезло. Она встретила Криса и Эрика, а не кого-

то другого.

– Да. Невинных. Чистых. Свежих. Красивых.

Силь обняла себя руками. Стало зябко.

– Да, потом тебя бы вытащили наружу, но... знаешь, потасканные шлюхи все, как одна, полусумасшедшие. Тебя бы уже было не спасти. А я хотел успеть. И поэтому спустя некоторое время удвоил цену. Жадность, Сиэлла. Именно жадность правит изнанкой этого мира.

– Прости меня, – в который раз повторила Силь. – Прости меня за все. Как видишь, я попала не в бордель. Да и на изнанку не попала.

– Я этому рад, – негромко сказал он.

– Рад? – Силь горько рассмеялась. – Ты рад тому, что я предпочла отдаться другому мужчине? Ты рад тому, что все это время я была уверена, что ты – Туз? Ты рад тому, что я... я должна была понять...

– Ты всего лишь запутавшаяся девочка, которой пришлось нелегко, – тихо ответил Тинклер. – Твоя семья погрязла в нищете, отец – почти не показывал те крохи любви, что он к тебе испытывает, тебе навязывали брак с тем, кого ты боялась, твой слуга... тот, кого ты любила, был зверски убит. В это же время в тебе просыпался дар... о, я знаю, что это такое! Да, Сиэлла. Я рад. Я рад, что тебе так повезло и ты отделалась лишь шрамом на щеке.

Силь почувствовала, как слезы жгут глаза. Ну уж нет! Она не будет реветь! С чего ей плакать? Ей только сообщили, что... не будут прощать, потому что не считают виноватой!

Осталось простить саму себя.

Они снова помолчали. Нейтан вглядывался в снежную тьму, цедя виски мелкими глотками, а Силь пила кофе.

Покой наполнял душу теплом, хотя в кабинете было холодно: камин никто не разжигал. К покою примешивалось беспокойство – Силь долго перебирала в памяти короткие встречи с Тинклером, пока она была здесь. По всему выходило, что он к ней не прикасался, а значит, о беременности не знает.

Это хорошо. Значит, дело за малым. Нужно попросить его отпустить ее восвояси. Помочь с документами. Она все ему отдаст, когда устроится. Если он не держит на нее зла – это замечательно! Она сможет спокойно жить. И он тоже.

Повертев в руках пустую чашку из-под кофе, она внезапно даже для себя самой спросила:

– Как ты думаешь, у меня есть шанс стать такой, как ты?

Нейтан отвернулся от окна и посмотрел на нее с улыбкой.

– Ты уверена? – слегка прищурившись, спросил он. – Боюсь, быть агентом Тайной Канцелярии на дне города – не самый лучший выбор.

– Почему? Мне кажется, со шрамом я буду уместна. Главное, научиться постоять за себя. Но ведь всему можно научиться, правда?

Он смотрел на нее, и в его взгляде Сиэлла видела огоньки газовых рожков, сожаление и восхищение.

– Лучше не думай об этом. Твое место на вершине, а не на дне.

Силь налила себе еще кофе.

– Почему ты выбрал меня? Почему захотел жениться именно на мне? В Омирше много знатных незамужних девушек, и я – не самая красивая из них.

Он усмехнулся.

– Это длинная история. Ты уверена, что хочешь ее знать?

Силь улыбнулась в ответ. Пожалуй, впервые с момента их знакомства.

– Хочу.

Нейтан вздохнул. Потом сел за стол и налил себе еще виски.

«Все менталисты любят виски».

– Я хочу, чтобы ты поняла. В моем выборе никаким образом не замешаны эмоции. Я именно выбирал. Рассчитывал. Понимаешь?

Силь пожала плечами. Ей не нужны были свидетельства чувств. Она хотела понять причины. Она тоже связалась с Крисом даже без намека на любовь.

Тинклер сделал большой глоток. Потом отставил бокал и сплел пальцы рук между собой.

– Моя работа, Сиэлла, предполагает полуправду. Если ты заметила, на документе, что ты обнаружила, стоит дата – в этот день меня лишили наследства. Меня действительно лишили наследства. Но не потому, что я был ублюдком. А потому, что мне нужно было стать ублюдком. Я действительно скотил состояние с нуля. Игрой. Ставками. Нелегальными сделками и небеса знают чем еще. Моя репутация – истина. Я тот, кем меня считают. С оговоркой. Я делал все это на благо города. Не буду страдать лишней скромностью: с того дня, когда я спустился на дно, это дно стало намного чище. Приходится работать медленно, чтобы никто не связал меня с некоторыми

событиями, но лучше медленно, зато наверняка. Я горжусь тем, что за годы работы все-таки смог полностью уничтожить банду, занимающуюся продажей детей степнякам.

– Детей? – Силь стало дурно.

– Да, девочка. Еще не так давно в этом городе были люди, продающие маленьких девочек и мальчиков в рабство. Сейчас их нет. Я уничтожил их всех.

Силь сглотнула горькую слюну.

– Я... я... Продолжай, – взяв в себя в руки, попросила она.

При мысли о том, что в ее прекрасном городе жили люди, продающие детей в рабство, ей становилось плохо. Она очень надеялась, что Нейтан их всех убил.

Всех.

Их печень надо запихнуть в глотку. Именно им, а не несчастным игрокам, которые виноваты лишь в собственном азарте.

Кажется, ее лицо стало жестким, потому что в глазах Тинклера промелькнул интерес.

– Ты уверена? – спросил он. – Кажется, тебе уже не так важно, почему я выбрал именно тебя.

Он смотрел на нее как на величайшее сокровище. Не было в его глазах вождения, там было что-то большее. Любовь? Нет. Не настолько большое. Он смотрел так, будто она была идеальна. Но ведь он видел изуродованную падшую женщину, отдавшую свою честь за кров.

Предавшую его. И пусть он сам считал себя виноватым, Сиэлла не могла избавиться от собственного чувства вины.

– Расскажи мне. Я хочу понять.

Он сделал еще один глоток виски. А потом откинулся на спинку стула, держа в руках бокал, и начал говорить.

– Когда я согласился на эту работу, я и подумать не мог, что вся моя жизнь превратится в фарс. Все вокруг меня было правдой и неправдой одновременно. Я ведь не ошибаюсь? Ты видела нас утром? Меня и Марианну? Я услышал эхо прикосновения твоих рук, когда дотронулся до перил.

Понимая, что скрывать что-то от чтеца мыслей смысла нет, Сиэлла кивнула.

– Я не хотела подслушивать, правда... – попыталась оправдаться она, но Тинклер качнул головой.

– Все в порядке. Я не запрещаю тебе ходить по дому, если помнишь. Знаешь, я ведь в глубине души очень хотел, чтобы ты сама все поняла. Чтобы перестала бояться.

Силь внезапно захотелось прикоснуться к нему. Сжать руку в своей ладони. Поддержать. Но вместо этого она положила руки на колени и сжала кулаки.

Она беременна. Он об этом не знает. Скорее всего, это известие изменит все. Да, он может простить ей многое. Он уже простил ее. Винит себя за то, в чем виновата она.

Но ребенок от другого мужчины – это слишком. Даже для такого, как Тинклер.

– Марианна – мой связной. Для поддержки легенды мне лучше не иметь контактов с полицией. Но Холера – исключение. Как ты могла догадаться, ее репутация – тоже фарс. Она действительно закрывает дела за деньги. Отправляет за решетку и на виселицу невиновных. Невиновных в тех преступлениях, в которых их официально обвиняют. Но поверь: истинно невинного человека Марианна ни разу не оклеветала.

– Я верю... – прошептала Силь.

Нейтан сделал глоток и посмотрел в окно.

– Моя жизнь – сплошное притворство. Да, я действительно люблю играть. Но когда увлечение становится работой, оно теряет множество привлекательных черт. Но я знал, на что иду. Я не жалею, Сиэлла. Я сам это выбрал. И я пойду до конца. Но иногда хочется быть... самим собой, понимаешь? Именно поэтому мои слуги – немые. Более того, ни один из них не умеет читать или писать. Дома я хочу быть просто человеком. Снимать маску, что приросла к моему лицу. Лейни же... это тоже долгая история. Пока что скажу только то, что она была моим первым связным. Нет, она мне не родственница. Впрочем, это не важно...

Он вздохнул. Силь подумала, что Нейтан слишком долго подходит к сути. Наверное, он хочет рассказать обо всем, а история, очевидно, длинная.

Жизнь состоит из мелочей. Но о мелочах он рассказывать не хотел. Потому что иначе им не хватит ночи. Именно об этом шептала

ей Старуха.

– Операция по уничтожению группировки, что отправляла детей степнякам, была столь успешной, что меня заметили в Шивале. Столичному отделению Тайной Канцелярии понравилось изящество исполнения. И мне предложили работу. Не в Омирше. Предложили – это мягко сказано. Отказаться я не мог. Не могу. Нужно внедриться в окружение одного человека, все разузнать... уничтожить его и его паутину. Проблема в том, что объект предпочитает иметь дело исключительно с семейными людьми. Я думаю, ему нужны рычаги давления. Более того, почти все его люди женаты на знатных леди. И поэтому Лейни мне не подходила. Мне приказали жениться. Я рассудил, что дело закончится, а жена – останется. Вся моя жизнь – это фарс, основанный на правде, Сиэлла. Меня действительно лишили наследства. Я действительно игрок. Я действительно время от времени вынужден делать не самые лучшие вещи. И жениться мне нужно было по-настоящему. На леди. И я понял, что мне нужна женщина, которой я смогу все рассказать. Рядом с которой я смогу снимать маску. Ты права: в Омирше достаточно незамужних леди. Но из всех мне подошла только ты.

– Чем? – тихо спросила Силь. Ей было жутко жаль этого человека. Он ведь пожертвовал своей жизнью ради справедливости. Ради лучшей жизни других он играет роль подонка.

Нейтан вздохнул.

– Ты молчалива. Не склонна к сплетням. У тебя сильно развитое чувство справедливости. Ты всегда хотела быть полезной обществу, оттого и странная увлеченность делом Туза... когда я прочитал тебя впервые, я был буквально счастлив. Ты помнишь? На одном из званых вечеров у маркизы Ройн я пригласил тебя на танец. Ты мне отказала, но поцеловать твои пальцы я смог. Тогда я все и прочитал. И понял: ты идеально мне подходишь. Молодая. Красивая. Неразговорчивая, даже молчаливая. Леди. И при этом – равнодушная к деньгам. Я понял, что однажды мы сможем стать хорошими супругами. Потому что рядом с тобой я смогу быть настоящим. Не всегда, но ты поддержишь мою игру. Потому что поймешь, насколько она важна. Я не учел только одного. Свою репутацию, которая очень сильно тебя пугала. Я действительно хотел все рассказать после свадьбы. Надо было раньше, но сработала привычка: единственное место, где я

настоящий, – это дом. Именно поэтому я не открылся тебе раньше. Ты понимаешь?

Силь кивнула.

– Я понимаю... – ответила она. – Думаю, кроме той бумаги, что я видела, где-то существует и подписка о неразглашении. Или ты забыл, с чего мы начали наш разговор?

Тинклер выпрямился на стуле, а потом поднялся, поставил пустой бокал на стол и подошел к окну.

– Не забыл. Кстати, мне дали отсрочку. Сейчас, как и многие, я занимаюсь делом Туза, – глядя на окно, сказал он. – Сиэлла...

– Что? – Она посмотрела на его спину.

Он занимается Тузом... Он. Занимается. Тузом.

– Ты до сих пор мне подходишь.

Силь усмехнулась. Было приятно и горько одновременно.

– Ты хорошо меня разглядел? – спросила она. – Я уродлива. Шрам никуда не исчезнет. К тому же я порченная.

Он отвернулся от окна и одарил ее ласковым взглядом. Покачал головой.

– Девочка, ты, кажется, меня не поняла. Я выбрал тебя не за внешность. А за то, что у тебя внутри. Что до твоей «порченности», то... поверь, я ожидал, что будет хуже. Ты ведь помнишь, я был уверен, что ты попала в бордель. Мне нужна жена. Настоящая. Женщина, рядом с которой я смогу быть собой. Которая сохранит мои тайны. И поверь: ты действительно единственная, кто мне подходит.

Сиэлла сжала кулаки так сильно, что ей показалось, что ногти порвали кожу. Интересно, а кровь идет? Но она не смела оторвать взгляда от его черных настороженных глаз.

– Есть... еще кое-что, – после долгой игры в гляделки сказала Силь, решившись.

– Что? Поверь, я знаю о тебе все...

– Ты не можешь этого знать, потому что не прикасался ко мне после того, как я сама это узнала, – устало перебила его Сиэлла. Нужно сказать, пока она может.

Нужно сказать.

– О чем ты? – нахмурился он.

Силь глубоко вздохнула и выпалила:

– Я беременна.

Глава 9

Утро играло всеми оттенками белого. Улица за окном сверкала, будто кто-то на небесах щедро рассыпал бриллиантовую крошку в награду тем, кто пережил ночную метель.

От туч не осталось и следа, и солнце раскрашивало Омиршу, улыбалось ей.

Улыбалось Сиэлле.

Силь разглядывала улицу сквозь морозные узоры. Утро выдалось холодным, но этот холод не казался пронизывающим. Было уютно.

Тепло.

Завернувшись в пушистый махровый халат, она пила травяной чай, наслаждаясь этим утром. Наслаждаясь покоем. Пожалуй, она была почти счастлива.

Почти.

Вчера вечером, когда она сказала Тинклеру о ребенке, она ожидала чего угодно. Разочарования. Отвращения. Горечи. Но не того, что он замрет на несколько секунд, глядя на нее совершенно шальными глазами, грустно, обреченно усмехнется, потом резко окажется рядом и схватит ее за руку.

Сиэлла так и не поняла, зачем ему понадобились ее мысли: ведь она и так сказала ему правду, но, кажется, то, что он услышал, Нейтана удовлетворило.

Он открыл проем и попросил Сиэллу уйти, не сказав ничего по поводу своего отношения к тому, что она ждет ребенка. Его лицо оставалось бесстрастным, голос – тоже. Таким же скрипучим, как и обычно.

А Силь не решилась настаивать. Старуха была права: найдя книгу, Сиэлла узнала истину. Поняла причины. И почти поняла, что делать дальше.

То, что Тинклер информацию все-таки воспринял, стало ясно утром, когда ей принесли завтрак. Вместо кофе – чай из ромашки, липового цвета и листьев смородины.

С одной стороны, Сиэлла почувствовала прилив огромной благодарности. С другой – досаду. Кофе она любила.

Сделав еще глоток, Силь поставила чашку на столик и снова повернулась к окну.

Забота бывшего жениха тронула ее, да и интуиция говорила, что в этом доме ей никогда не причинят зла, но все равно где-то на задворках сознания зудела трусливая мысль: сиди в комнате и не попадайся никому на глаза.

Теперь, когда Силь знала о своих способностях, она не стала слушать свой страх. А прислушалась к другому.

Глядя на белоснежное покрывало, укывшее Омиршу, Сиэлла вспоминала давний кошмар, который снился ей в доме Криса. Там, где Нейтан Тинклер сидел за карточным столом, а потом смотрел на нее своими черными глазами и сообщал: «Я найду тебя». Этот сон был попыткой Старухи до нее докричаться, теперь Силь знала это наверняка. Но эта попытка смешалась с ее тогдашним страхом. А ведь все очевидно.

Что-то ей пытались показать.

Что?

Может, именно в этом игорном доме Туз находит своих жертв? Нет, точно нет, это уж первым делом проверили.

Тогда что именно ей хотели показать?

Нейтана.

Он играл. А ведь он сказал, что, как и многие, занимается Тузом. Он соврал? Нет. Но когда он все успевает? Ведь его ночи все, как одна, проходят за игорным столом!

«Он играет, – шептала Старуха. – Но он играет неправильно...»

Дубовые полы, изумрудная ткань столов, карты... дамы, короли, двойки...

Он играет.

Выигрывает. И проигрывает.

Кажется, Сиэлла поняла, в чем заключается его работа. Он – наживка. Крючок для большой рыбки по имени Туз.

Вот только рыбка не клюет. Что-то Тинклер делает не так. И дело не в том, что крючок слишком блестит, заставляя добычу насторожиться. Приманка не та.

Почему Туз, который, судя по всему, наказывает своих жертв за азарт, ни разу не попытался убить Нейтана Тинклера, того, кто по легенде живет за счет игры?

Чем тот же торговец рыбой или... Эдж провинились больше?

Трусливая мысль убежала, спряталась и больше не появлялась. Сиэлла привела себя в порядок и смело вышла из комнаты.

Ей нужно поговорить с Тинклером. И не о себе и своем будущем.

Она хочет быть причастной к делу Туза. А потом, когда они его найдут, можно будет разобраться со всем остальным.

Эдж должен быть отомщен. Сиэлла прекрасно понимала, что не сможет спокойно жить, пока этого не случится.

Теперь, когда она знала причины, тишина этого дома ее не пугала. Наоборот, было в этом некоторое очарование. Хозяин, проводящий много времени в шумных местах, заслуживает тишины. Герой, носящий маску подлеца, заслуживает кого-то большего, чем глупая девчонка, пустившая свою жизнь под откос.

Подойдя к двери кабинета, Силь подняла руку, чтобы постучать, но в этот момент дверь открылась. Тинклер был одет в то же, что и вчера. Он всю ночь здесь просидел? Его глаза покраснели и запали, а еще от него сильно пахло виски и кофе.

Выспавшаяся и встретившая снежное утро в хорошем настроении Сиэлла почувствовала себя неуютно. Ей обеспечили покой, позаботились... а кто позаботится о нем самом?

«Лейни?» – усмехнулся внутренний голос. Нет, это была не Старуха.

А где Лейни?

– Д-доброе утро, – опустив глаза, пролепетала Силь.

– Доброе, – буркнул Нейтан.

Силь поджала губы. Она не знала, что сказать. Да, они смогли разобраться... во всем разобраться, и, по сути, между ними больше не было недомолвок, но новость, которую она ему сообщила в конце разговора, будто откинула их к началу.

Чужой ребенок – это слишком. Но изменить уже ничего нельзя. Силь точно знала, что ее не выкинут на улицу без документов и средств к существованию, и пока этого было достаточно. Сейчас она хотела сосредоточиться на Тузе.

Тинклер застыл, видимо ожидая, что она скажет.

– Я... можно я немного почитаю те папки по Тузу? – неуверенно спросила Сиэлла, подняв глаза.

Его взгляд был тяжелым. Не будь их вчерашнего разговора, он бы здорово ее напугал. Но теперь Силь не боялась бывшего жениха.

– Можно, – тихо ответил он, скривив губы. – Я не запрещал тебе ходить по дому. Открыл тебе все карты. Делай что хочешь.

Он протиснулся мимо нее и шагнул к лестнице.

– Прости меня! – выпалила Сиэлла. – Пожалуйста, прости!

Он остановился. А потом обернулся, и в этот раз в его взгляде плескалась ярость.

– За что ты просишь прощения? За что? Все, что с тобой произошло, – это следствие. Следствие того, что я оказался слеп и не увидел, до какой степени ты боишься. Следствие того, что мне было некогда хотя бы попытаться понять, что с тобой происходит. Хватит извиняться за то, в чем ты не виновата.

Силь сглотнула.

Открыла рот, чтобы снова попросить прощения за то, что она все время просит прощения, и поняла, что это глупо.

Если бы не ребенок – она бы согласилась. Он говорил, что она до сих пор ему подходит, а значит, даже порченная во всех смыслах этого слова, она его вполне устраивала.

Но не с чужим ребенком под сердцем. Это – слишком.

Надо что-то сказать. Может, стоит пожелать ему хорошего отдыха? Он же опять не спал всю ночь!

Но в этот момент открылась дверь и в холл зашла Лейни. От нее веяло морозом, свежестью и усталостью. Сиэлла подумала, что, кажется, она единственная, кто спал в эту снежную ночь. В руках Лейни держала толстую папку.

– Нейт! – поглядев на хозяина дома, ужаснулась экономка. – Ты еле на ногах стоишь! Что произошло?

– Ничего, – бесцветным голосом ответил Тинклер, а Сиэлла подумала, что он бессовестно врет. Возможно, самому себе. – Удалось что-нибудь узнать?

– Да. Мне дали материалы. А еще я по дороге домой встретила Марианну, так что вот! – Она потрясла папкой.

– Ей отдай. Пусть изучает, раз так хочет. – Нейтан кивнул на Сиэлла.

Лейни приподняла брови:

– Даже так? Объяснились наконец? Ну что ж, добро пожаловать в команду, Сиэлла Ремур!

Силь беспомощно растянула губы в некоем подобии улыбки.

– Я спать, – буркнул Тинклер и, быстро поднявшись по лестнице, скрылся на втором этаже.

– Хм... что происходит? – протягивая Силь папку, спросила Лейни. – Я была уверена, что после того, как вы нормально поговорите, между вами не будет... так искрить.

Сиэлла прижала папку к груди в защитном жесте.

– Я смогла его удивить, – горько вздохнув, сообщила она.

– И чем же? – непонимающе спросила Лейни.

– Я жду ребенка.

Лейни издала звук, похожий на кряканье.

– Да уж... – справившись с собой, протянула она. – Я и не думала, что у вас с ним может стать еще сложнее.

Сиэлла кивнула.

– Ты только не думай, что тебя выкинут отсюда, ладно? Нет, он...

– Я не собираюсь делать глупости, – твердо ответила Сиэлла.

Лейни улыбнулась.

– Хорошо. Я, пожалуй, тоже пойду отдохну. Дома было так холодно, что я толком и не спала. Так что если захочешь поиграть на своем рояле...

– Это не мой рояль...

– ...если захочешь поиграть на чужом рояле, подожди, пока все проснутся, хорошо?

Силь кивнула. Она и не собиралась играть.

Она хотела понять, почему Старуха твердит, что Тинклер играет неправильно.

И она поймет. Обязательно поймет.

Проводив Лейни взглядом, Сиэлла зашла в кабинет. А потом и во второй.

Положив папку на стол, она подумала, что неплохо было бы попросить служанку принести сюда кофе... ладно, травяной чай.

Если уж ее несостоявшийся муж заботится о том, чтобы не убить ее ребенка, то она уж точно не будет этому сопротивляться.

Несмотря на смутные опасения, работать с бумагами было легко. В прошлый раз ее тошнило от мысли, что сделали с Элджем, и читать отчеты, где в подробностях описывалось то, что с ним случилось, было трудно, но в этот раз все было по-другому.

Она свыклась с мыслью, что любимый мертв? Или это оттого, что она не открывает отчеты мастера смерти?

Изучив все доступные материалы, включая содержимое папки, принесенной сегодня Лейни, Сиэлла выяснила следующее: последнее оставшееся совпадение, которое можно было принять за связь, оказалось пшиком. Маркиз Жан Норей позапрошлой ночью выиграл, следовательно, отрубленные пальцы означали не выплату карточного долга, а что-то иное.

Позапрошлой ночью Туз убил только двоих, еще двое оказались не такими... свежими. Убийца где-то спрятал два тела, чтобы в следующую ночь разложить все четыре трупа вокруг ратуши.

Что он хотел этим сказать?

Предупреждение для мэра?

Она сейчас в доме его брата...

Или Туз хочет, чтобы его заметили?

Четыре человека вокруг главного здания города. Четыре масти. Но почему раньше он убивал по одному? Почему был такой большой перерыв? Перерыв – и триумфальное, громкое возвращение.

И где связь между жертвами?

Знатные и простолюдины, мужчины и женщины, заядлые игроки и те, кто посещал игорные дома не так уж и часто... что их всех связывает?

Почему Туз не клюет на Нейтана?

Почему Старуха настойчиво твердит: «Он играет неправильно». А как тогда правильно?

Если отрубленные пальцы – не символ выплаты долга, то что?

И что же все-таки означает печень во рту?

Этим делом занимался весь первый участок магполиции, и работа была проделана огромная. Были собраны досье на каждую жертву: мужа, жены, родственники. Враги. Последние партнеры по игре.

Связи не было.

Туз... а почему именно туз? Сильнейшая карта, бьющая все остальные. Что она символизирует? Что убийца бьет туза?

Бьет.

Туза.

Сиэлла, разволновавшись, махнула рукой, и одна из папок, наваленных кучей на столе, упала, и из нее выпал листок.

Досье Элджа. Его Силь не хотела читать. Она ведь и так знает все о том, кого любила, правда?

Дрожащими руками подняв листок, Сиэлла вчиталась в содержимое. Элдж действительно не был игроком и, по данным магполиции, сел за карточный стол всего пять раз.

Двойка бьет туза.

Пять раз. И все эти пять раз были известны.

«Он играет неправильно».

Первый. Элдж выигрывает небольшую сумму. Наверное, в первый вечер он боялся больших ставок.

«Я – пас...»

Второй. Элдж в тот вечер выигрывает и проигрывает, в итоге не потеряв и не обретя ни медянки.

Сильнейшая карта...

Третий. Элдж выигрывает крупную сумму, проведя за карточным столом всего час.

«Он играет неправильно...»

Четвертый. Еще один выигрыш – настолько мелкий, что не стоит внимания. Элдж попал на какого-то юнца, у которого в принципе не было денег.

Двойка бьет туза...

Пятый. Небольшой проигрыш. И убийство.

Сиэлла уставилась на досье Элджа. Перечитала еще раз про вечер накануне его смерти.

И поняла.

Туз – это не только сильнейшая карта.

Туз – это единица.

Меньше единицы в карточном мире просто ничего нет.

Как и нет связи между жертвами. Ее действительно нет! Туз не выбирает своих жертв.

Он ищет виновных.

Поэтому первые убийства были частыми. Поэтому был перерыв, потом убийство, а потом... потом он уезжал из города, не иначе...

поэтому, когда он вернулся, виноватых было уже четверо.

И он разозлился. Показал главе этого города, что вокруг него одни подонки.

Печень – это не благородство.

А – подлость.

Кажется, Сиэлла поняла, почему Туз не клюет на наживку.

Потому что Нейтан Тинклер действительно играет неправильно...

Досье на других жертв частично подтвердили догадку Сиэллы. Торговец рыбой, Элдж, маркиз Жан Норей, старший Крейн. Четверо из десяти действительно были «виновны». А что, если и остальные шестеро – тоже? Возможно, в этом направлении детективы просто не копали, ища связь между жертвами.

Потому что связь нужно было искать не там.

Она есть. Но ее и нет.

Спокойно, Сиэлла, спокойно. Ты можешь ошибаться. Твоя версия подтверждается в четырех случаях из десяти. Ты не можешь быть умнее всего первого участка магполиции!

«Они устали. Они все устали заниматься этим безнадежным делом», – шепнула Старуха.

Силь сложила папки обратно, постаравшись, чтобы на столе Нейтана был такой же порядок, как и до ее прихода, и вышла из кабинета.

Только оказавшись в холле, она обнаружила, что просидела над бумагами почти весь день и пропустила обед. Из кухни слышался голос Лейни, и Силь недолго думая отправилась туда.

– Соль. Спаржа. Молотый перец и куркума. – Лейни стояла посреди кухни, наполненной ароматами жареного мяса и приправ, и что-то отмечала карандашом в толстой тетради. Силь поняла, что это – нечто похожее на расходную книгу. – Мясо? Рыба? Чеснок?

Немая кухарка кивала или мотала головой после каждого слова, и Силь поняла, что Лейни занимается своими прямыми обязанностями экономки. По-другому понять, что требуется, очевидно и нельзя – ведь слуги в этом доме не могут говорить и не владеют грамотой.

– Ты откуда такая бледная? – подняв глаза, спросила Лейни, бросив взгляд на Силь. – Погоди... ты что, все это время в кабинете просидела?

Сиэлла кивнула, только сейчас ощутив, что голодна. А еще голова немного кружилась, но это оттого, что она много часов просидела над бумагами.

Лейни хихикнула.

– Да уж... Нейт все время говорит, что его окружают исключительно сумасшедшие женщины. Жену он себе под стать выбрал. – Она снова захихикала.

Силь попыталась улыбнуться в ответ. Выбрать-то выбрал, только вот степень сумасшествия, кажется, даже для него оказалась чрезмерной.

– Голодная, наверное? – Лейни с сомнением посмотрела на кухарку. – Подашь что-нибудь? А мы потом закончим...

– Нет-нет-нет, – замахала руками Силь. – Я не хочу вас отвлекать. Я... не голодна. Лучше прогуляюсь.

– Хорошая идея, – пожала плечами Лейни. – В твоём положении полезно.

Сиэлла почувствовала, что краснеет. Экономка явно не имела в виду ничего такого, но ей все равно послышался упрек.

Хотя бы жалкой дурой не называет, и то хорошо. Теперь-то Силь понимала: Нейтан дорог Лейни, они, очевидно, давно знакомы, раз уж она была его первым связным, а Силь своими действиями доставила бывшему жениху достаточно проблем. Вот Лейни и злилась.

А сейчас – нет. По сути, о Силь сейчас заботятся. Ей действительно лучше погулять.

Обед она пропустила, и пусть в животе урчит, Силь потерпит до ужина.

Кивнув кухарке, Сиэлла направилась к себе в комнату, где надела плащ и – зачем-то – браслет Элджа.

Он жег руку, но Сиэлла поняла, что не сможет выкинуть его, даже зная его истинную цену. Не сможет.

Элдж виноват. Но он все делал ради Сиэллы. Именно ради нее он сел за карточный стол. Его вина лишь в том, что он ее любил и хотел обеспечить им будущее.

Его вина лишь в том, что он хотел быть с ней.

Завернувшись в теплый плащ и надев сапожки, Сиэлла подошла к зеркалу. Сейчас она была способна признаться самой себе: если бы она знала о том, кто такой Нейтан Тинклер, она бы ни за что не решилась

на побег с Элджером. Потому что в глубине души понимала: он ей не пара. Он ей не ровня. А вот Тинклер...

Стоит признаться – он тоже ей подходит. Он выбрал ее за молчаливость и способность хранить тайны. Она ценила в нем ровно то же самое. Спокойный, уверенный в себе и своих действиях мужчина. Немногословный, не стремящийся заполнить тишину. Умеющий слушать. И слышать. Сейчас, когда она понимала, что все ее видения насчет него были лишь выходками просыпающегося дара, она осознала, что он ни разу не сказал ей плохого слова. Если подумать, он готов был принять ее такой – с уродливым шрамом на щеке и порченой.

Он ей подходит. Жаль, что теперь, с чужим ребенком под сердцем, она не подходит ему.

Шрам бросался в глаза. Он настолько сильно выделялся на белой коже, что не замечать его не получалось.

Но ведь ей снилось, что она будет счастлива, несмотря на шрам. Снилось, что она будет замужем.

Лучше об этом не думать. Надежда – жестокое чувство. Когда она умирает – не остается причин жить.

А Сиэлла хочет жить. И она не позволит безумной надежде на лучшую жизнь все испортить! Нет.

Иногда легче жить, ни на что не надеясь.

Поправив волосы, Силь вышла из комнаты, намереваясь немного прогуляться по саду, где Лейни открыла ей, что она – белый маг. Просто подышать морозным воздухом заснеженной Омирши, надеясь (опять это глупое чувство!), что этой ночью снег не окрасится в красный цвет.

В холле она обнаружила Нейтана. Облаченный в неизменную белоснежную рубашку и костюм-тройку, он стоял перед зеркалом и поправлял шейный платок. Плащ и цилиндр лежали рядом.

Выглядел он, если честно, неважно: глаза еще больше запали, а кожа была бледна. Он точно спал?

– Ты... уходишь? – спросила Силь.

Было неловко с ним разговаривать. Ей казалось, что она вызывает у него брезгливую жалость.

– Я не могу пропускать больше одной ночи, – ответил Тинклер, бросив на нее взгляд через зеркало. – Изучила бумаги?

Силь кивнула. А потом подошла к нему и тронула за рукав.

– Я... я хочу... то есть...

Да уж, ее желания сейчас не самое главное. Ей нужно попросить.

Он повернулся к ней, терпеливо ожидая, когда она справится с собой. Его взгляд был абсолютно бесстрастным, а губы сжались в тонкую ниточку. Брезгливая жалость. Вот и все, что она теперь заслуживает.

– Я... Ты ведь играешь сейчас чаще, чем обычно, правда? Ты – наживка для Туза, я права? – кое-как найдя слова, пролепетала Сиэлла.

Тинклер кивнул, и Силь показалось, что его взгляд немного потеплел.

– Ты... я кое-что обнаружила, – продолжила Силь.

Послышались шаги. В холл вошла Лейни.

– И что же? – тихо спросил Нейтан.

– Я... я думаю, что Туз... что карта, которую Туз кладет в карманы своих жертв, кое-что значит. Он... Только пойми, это всего лишь мои догадки... Я не думаю, что детективы первого участка хуже меня, понимаешь?

Нейтан слегка склонил голову набок.

– Давай по существу, – попросил он.

Сиэлла вздохнула. А потом быстро заговорила, боясь потерять мысль:

– Туз – это единица. Не самая старшая карта, а самая младшая. Убийца пытается сказать нам, что его жертвы – ничтожества. Он кладет печень им в рот, показывая, насколько эти люди подлые. Он... он отрубает пальцы рабочих рук. Именно этой рукой эти люди держали карты, когда совершали то, за что он их наказывает.

Нейтан нахмурился.

– Дальше, – коротко бросил он, буравя ее своим черным взглядом.

– Я... я нашла кое-что. Как минимум, четверо из десяти жертв совершили якобы «подлость». Возможно, остальные – тоже. Просто в этом направлении не копали. Потому что... потому что оставить человека ни с чем можно и без больших сумм... Я... прости, сбиваюсь... – Силь снова набрала воздуха и быстро продолжила: – Эдж... он накануне смерти выиграл. Сумма была совсем небольшой, однако это не помешало ему оставить своего партнера по игре полностью нищим. Он отобрал у него все, понимаешь? Тот парень,

у которого он выиграл, пошел ва-банк и... проиграл. Я думаю... я думаю, что именно это и есть связь между жертвами. Они все выиграли, когда другие – проиграли все.

Тинклер моргнул. Потом переглянулся с Лейни. А затем снова уставился на Сиэлла.

– Ты хочешь сказать, что связь – это выигрыш. И не просто выигрыш, а выигрыш ценой полного разорения противника. А ведь в этом направлении действительно не копали. Суммы маленькие.

– Но ведь за карточным столом собираются не только богачи, – быстро закивала Сиэлла, воодушевленная, что ее идею не высмеяли. – Есть и такие, как Элдж. Кто хотел просто немного денег. А в итоге... ты же так не делаешь, да? Ты не раздеваешь своих партнеров?

– Я играю много лет, – напомнил Нейтан. – Если бы я выигрывал таким образом, со мной никто бы не хотел иметь дела.

– И я о том. Ты играешь неправильно. То есть... если моя версия подтвердится... можно же как-то узнать, остальные шестеро тоже совершили этот «грех»? Я ведь могу ошибаться...

– Свежий взгляд, – подала голос Лейни. – А версия хороша.

Силь обернулась и благодарно кивнула экономке.

– Да... – кивнул Нейтан. – Завтра свяжусь с Марианной. Пусть проверит. Если подумать, таких «грешников» в Омирше действительно не так уж и много. В основном потому, что те, кто видит, что карта не идет – останавливаются. Если Сиэлла права, то Туз болен. Он наказывает не тех. Никто и никогда не заставляет обезумевших игроков идти ва-банк. Никто.

– Я думаю, мало кто в этом городе способен назвать Туза психически нормальным, – заметила Лейни.

Силь почувствовала, как внутри поднимается волна благодарности к этим двоим. Ее выслушали. И даже приняли всерьез.

– Может... если ты веришь мне, то... тебе не стоит сегодня идти играть? – спросила Силь. – Ты же не спал опять всю ночь. Мне кажется, тебе нужно отдохнуть... Прост... – Она прикусила язык. Ей же уже сказали, чтобы она перестала все время просить прощения.

– Она права. Все равно толку нет. А мороз на улице неслабый. Утром свяжешься с Холерой, пусть разведает, – поддержала ее Лейни.

Нейтан моргнул. Посмотрел сначала на Лейни, потом на Силь. А затем все равно надел плащ.

– Хорошо. Тогда... прогуляемся? – Он протянул руку Сиэлле.

Та сглотнула.

– Я... не хотела выходить дальше сада, – слабым голосом сказала она. – Но если ты хочешь, то давай, я...

«Не могу тебе отказать».

«Крису ты уже отказать не смогла...»

– А мы дальше и не пойдем, – позволив улыбке тронуть свои губы, ответил Тинклер. – Но ты бледна. Свежий воздух тебе не повредит. Заодно и поговорим.

Силь хотела сказать, что он тоже не выглядит выспавшимся. И тоже бледен.

Но промолчала. Сделав все, чтобы ее рука не дрожала, она вложила свою ладонь в ладонь Тинклера, порадовавшись, что не забыла надеть перчатки.

Она не хотела, чтобы он слышал ее мысли.

А ведь, если подумать, это его самый главный недостаток. От него нельзя скрыть мысли. Даже те, за которые потом будет стыдно.

– Я с вами точно не пойду, – заявила Лейни таким тоном, будто Нейтан и Сиэлла ее уже час уговаривали. – Прошлой ночью так намерзлась, что мне все время хочется завернуться в плед. Или забраться в камин. Так что я, пожалуй, распоряжусь насчет ужина, а потом залезу в горячую ванну.

– Удачи, – хмыкнул Нейтан.

Они вышли на крыльцо, и Силь вдохнула полной грудью.

На улице было холодно. А на душе, несмотря на всю неопределенность, – тепло.

Снег скрипел, разбивая тишину, а Силь думала о том, как жалко осквернять белое убранство следами. Она не хотела сходить с дорожки, как они с Лейни это сделали вчера. Нейтан, кажется, тоже. Когда они спустились с крыльца, Сиэлла отобрала свою ладонь и взяла его под руку.

Держаться за руки – это больше подходит влюбленным. А они... кто они?

Сиэлла все еще никто. У нее есть собственная могила, в которой лежит безымянная девушка. И в свете того, что она теперь знает... Тинклеру, наверное, было трудно хоронить ее. Он ведь думал, что она

действительно мертва. Он винил себя за побег, возможно, ее «смерть» его тронула.

Но спрашивать об этом Силь не стала. Зачем?

Скрип снега напоминал его голос. Возможно, если бы она не сбежала, вышла бы за него замуж, она бы привыкла к этой дисгармонии. В конце концов, обладающий мелодичным голосом Крис оказался... не самым лучшим человеком.

Сиэлла решила, что не будет держать на детектива зла. Он просто был увлечен. Его увлечение оказалось коротким, но он был искренен поначалу.

Тина предупреждала ее... но Силь тогда было некогда об этом думать. Или она просто не хотела.

– Сиэлла... – Когда они обошли сад по кругу, Нейтан наконец решил заговорить. – Я хочу, чтобы ты поняла: в моих силах вернуть тебе твою жизнь. И объявить твою смерть ошибкой. И когда придет время – я это сделаю. Если хочешь, я это сделаю уже завтра.

Силь подняла на него взгляд.

Она даже до побега видела, что у него глаза – усталые. Ночная жизнь оставила на нем свой отпечаток... он слишком мало спит. А тут еще она со своими проблемами...

Опять жутко захотелось попросить прощения.

– Не надо... – Сиэлла поджала губы. – Если ты не против, я хотела бы... остаться здесь. Я хочу найти Туза. Я хочу, чтобы убийца Элджа получил по заслугам. Если, конечно, ты не против.

Нейтан тихо хмыкнул.

– Я не против, – ответил он. – В этом доме слишком тихо. А ты – одна из тех, с кем можно поговорить.

Беспомощно улыбнувшись, Силь спросила:

– Может... может, пойдем в дом? Мне кажется, лучшим для тебя будет поужинать и поспать. Ты ведь всю ночь не спал опять... это я виновата. Не надо было говорить о ребенке.

– Может, еще один круг? – спросил он в ответ.

Силь пожалала плечами.

– Давай... – не стала спорить она, хотя мороз щипал щеки.

Скрип снега под ногами звучал умиротворяюще. Нейтан же собирался поговорить... вот почему он предложил продолжить прогулку. Тогда почему он молчит?

Как же хочется перестать все время думать, что она перед ним виновата!

– Нейт... Нейтан... можно спросить? – нарушила молчание Сиэлла, когда они прошли половину второго круга. Надо узнать, сможет ли он сделать ей новые документы. Домой нельзя, а значит, нужно перестать думать о себе как о Сиэлле Ремур.

– Можно. – Он хмурился.

Она что-то делает не так?

«Он просто ищет слова», – прошептала Старуха.

– Вчера вечером, когда я сказала о том, что беременна... что ты искал в моих мыслях? – выпалила Сиэлла, хотя хотела спросить о другом.

Нейтан хмыкнул, а Старуха радостно заворчала. Силь поняла, что ее дар сработал. Тинклер хотел поговорить именно об этом, но не мог найти слова.

Теперь придется.

– Что ты искал? – повторила Силь.

Он нахмурился, а потом остановился, заставив остановиться и ее. Повернувшись к Силь, он поймал ее взгляд и ответил:

– Изъян.

– Что? Какой еще изъян? – прошептала Сиэлла, не в силах освободиться. Нет, из его глаз не сочилась тьма, но отвести взгляд решительно не получалось. – Я полна этих изъянов, – попыталась пошутить она.

Она чувствовала себя кроликом в силках.

– Нет, – тихо ответил он, качнув головой. – Я так его и не нашел...

– О чем ты? – прошелестела Силь, чувствуя, как мороз отступает под натиском жара, прилившего к щекам.

Его взгляд был тяжелым, но, несмотря на это, Сиэлла видела, что он... восхищен.

Восхищен? Чем?

– Ты узнала о том, что я менталист, умеющий читать мысли, только вчера, – сказал он. – А о своей... беременности намного раньше. Знаешь, я думал, что таких, как ты, не бывает. Даже выбирая тебя, я не знал, до какой степени ты прекрасна.

Стало совсем жарко. Они сейчас точно на улице стоят?

– Я... не понимаю...

– Я не знаю ни одной женщины, включая Лейни, которая бы была похожа на тебя.

Силь сглотнула. А потом быстро-быстро замотала головой.

– Я просто дурочка, поддавшаяся своим страхам. Я очень подвела тебя... – Она зажмурилась и продолжила: – Я подвела Эджда, и поэтому он мертв. Я ничем не отличаюсь от других. Нет во мне ничего особенного, понимаешь? Я всегда это знала, поэтому и сторонилась остальных.

– Ты не права. – Его шепот не был скрипучим. Скорее – бархатным. – Если бы ты была как все, я бы никогда не захотел видеть тебя своей женой.

Сиэлла открыла глаза и, опустив голову, уставилась на носки своих сапог, выглядывающих из-под подола.

– Ты не прав, – прошептала она.

– Прав, – возразил Тинклер. – Ты знала, что беременна. Но не знала, что я – менталист. Любая на твоём месте и в твоём неопределённом положении попыталась бы затащить меня в постель, чтобы выдать этого ребенка за моего. Но тебе это в голову не пришло. Ни разу. Я... я действительно восхищён этим, Сиэлла.

Силь моргнула, а потом подняла взгляд на Нейтана. Он улыбнулся.

– Но... как бы я могла... я ведь тебя боялась...

– Не до такой степени, чтобы хотя бы не рассмотреть этот вариант. Но ты просто не подумала об этом. Ты честно рассказала мне обо всем, ни разу не допустив мысли меня обмануть. Я действительно восхищён.

Неуверенно улыбнувшись, Силь пожала плечами. Она не знала, что на это ответить. В любом случае чужой ребенок – это слишком.

– Свадьбы у нас не будет, – внезапно сказал он.

Силь усмехнулась. Она об этом и не думала. Какая уж тут свадьба...

– Когда ты попала сюда, я кое-что сделал, – продолжил Тинклер. – И сейчас я хочу, чтобы ты решила: теперь, зная, кто я, зная, что тебя ждет, если ты согласишься, ты готова стать моей женой?

– Ты с ума сошел? – вырвалось у Силь. – Я жду ребенка от другого!

Тинклер вздохнул. Его взгляд стал... виноватым? Почему виноватым?

– Сиэлла... я выбирал тебя потому, что только ты из всего высшего общества мне подошла. С тобой я смогу хотя бы дома быть собой. Но для остальных, в том числе для того, кого мне предстоит раскрыть, я буду счастливым семьянином. Он будет использовать тебя как рычаг давления, понимаешь? Он будет думать, что поймал меня в ловушку, не зная, что ловушка расставлена на него. Не подумай, что я собираюсь дать тебя в обиду, но... он будет меня шантажировать. Угрожать мне твоей смертью. А ты беременна. Он будет уверен, что я в его руках, а мне... мне будет легче сохранить хладнокровие...

– ...потому что чужого ребенка не жалко, – закончила Силь.

– Нет. – Тинклер поморщился. – То есть да, был бы он моим, было бы трудней, но ты должна понять, что я в любом случае не дам тебя в обиду. Я многое передумал за эту ночь. Да, ты меня огорошила. Но это не значит, что ты перестала мне подходить. Поверь, Сиэлла, для такого, как я, ты – просто находка. Особенно в свете твоего дара.

Силь почувствовала, как ее разум заполняется вязким спокойствием. Апатией.

Горечью.

Чужого ребенка не жалко, и только на таких условиях она сможет устроить свою жизнь.

Сделав шаг назад, Силь сложила руки на груди, только сейчас заметив, что пальцы замерзли, и твердо посмотрела на Нейтана.

– Ты сам говорил: дело закончится, а жена останется. Но и ребенок тоже останется. И он не будет твоим. Я не хочу верить в то, что ты собираешься сделать так, чтобы его не осталось, – сказала она.

Тинклер покачал головой.

– Сиэлла, я хоть раз причинил тебе зло? Обидел словом? Позволил тебе подумать, что я хуже, чем обо мне говорят? Я рассказал тебе о том, что уничтожил группировку, продающую детей в рабство, неужели ты думаешь, что я способен убить ребенка?

– Нет... я так не думаю. Я просто хочу понять, что будет, когда «дело закончится». Я... я не против твоего предложения. На самом деле оно – просто подарок судьбы. Но я хочу знать, что будет потом.

Он вздохнул.

– Сиэлла, ты ведь понимаешь, что Тайная Канцелярия каждый месяц платит мне жалованье? Деньги каплют на счет, которым я ни разу не пользовался. Вот уже много лет. Я в два раза богаче, чем

приписывают мне слухи. Да, я предполагал и предполагаю, что, если ты станешь моей женой, у нас будут дети. Ты ведь об этом думаешь, да? Что я захочу сделать наследником своего ребенка? Ты боишься, что я начну тебя упрекать? Сколько раз я должен повторить, что все твои ошибки – следствие моей вины?

– Ты не сможешь признать моего ребенка, – вздохнув, сказала Силь. – Я подозреваю, что срок беременности уже почти месяц, так что...

Нейтан внезапно подался вперед и обнял ее за плечи.

– От тебя требуется только согласие. – Склонившись, он обжег ее изуродованную щеку своим дыханием. – Но помни: даже если ты согласишься, свадьбы у нас не будет...

Силь не знала, куда девать руки и куда смотреть. Не знала, что думать. Она и представить не могла, что после всего он все еще будет готов ее принять.

Такую. Изуродованную. С чужим ребенком. Да и еще смотреть так, будто все, что она натворила, совершенно не важно.

Ну что же, возможно, ей повезло. Она нужна ему как та, кто не будет докучать ненужными разговорами. Как та, кто не выдаст его тайны другим. Как та, с кем можно будет говорить откровенно. Наверное, это действительно важно для него.

Она ошиблась. В этом доме действительно тихо. Но хозяину это не нравится.

Было страшно соглашаться. А еще Силь не могла понять, что шепчет ей Старуха. Интуицию невозможно было разобрать сквозь пелену страха и сомнений.

Надо сосредоточиться. Понять.

– А что будет, если я откажусь? – спросила Силь.

Он перестал сжимать ее плечи и сделал шаг назад. Она чувствовала его взгляд, но не смела поднять глаза.

– А ты хочешь отказаться? – Его скрежещущий голос звучал глухо, и ее пальцы мгновенно замерзли.

Точнее, она поняла, что они давно уже замерзли.

Каково же Тинклеру без перчаток?

Внезапно вспомнилось, что раньше ее мнения никто не спрашивал. Он просто пришел к ее отцу и... купил. Нет, просто предложил хороший выкуп, но смотрелось это некрасиво. Тогда. А что

изменилось сейчас? Почему он дает ей этот выбор сейчас, когда она полностью в его власти?

«Он совершил ошибку, – шепнула Старуха. – И не хочет совершить ее еще раз...»

Сцепив руки в замок, Сиэлла неуверенно предложила:

– Может, пойдём в дом? Я... я замерзла.

– Хорошо, – отрывисто ответил Нейтан. – Иди.

Все еще глядя на снег под ногами, Силь обняла себя за плечи и спросила:

– А ты? Ты ведь тоже замерз...

Он немного помолчал.

– Если ты откажешься, я смогу тебя устроить. Но не в Омирше. Здесь тебя могут узнать, – сухо сообщил он, и Сиэлла кожей почувствовала его разочарование.

Ощувив себя совершеннейшей свиньей, она подалась вперед:

– Нейт...

– Иди в дом, – резко сказал он.

Понимая, что она сейчас несправедливо обидела того, кто, по сути, предлагал ей идеальный выход из ситуации, Силь подняла глаза и сделала еще один шаг вперед, снимая перчатки.

Неуверенно подняв руку, она прикоснулась дрожащими пальцами к его щеке, стараясь, чтобы в мыслях не осталось ничего, кроме благодарности.

Ему не нравится, что она чувствует себя виноватой. Он винит себя в ее ошибках.

Он должен понять. Должен.

Она не собирается ему отказывать.

Ей просто нужно время, Совсем немного времени.

Его взгляд стал теплым.

– До конца ужина тебе времени хватит? – усмехнувшись, спросил он.

Сиэлла ничего не сказала. Он и так слышал ее ответ.

Прищурившись, Нейтан предложил ей руку.

Они вернулись в дом в молчании, и Сиэлла подумала о том, что им обоим нужно научиться говорить.

Он слишком долго мог быть откровенным лишь с Лейни...

Она слишком долго молчала...

Нужно перестать терзать себя чувством вины. Ведь благодарность намного более достойное чувство.

Лейни встретила их в столовой, возле накрытого стола.

– Вы долго, – недовольно заметила она. – Между прочим, я очень голодна!

Силь виновато улыбнулась, понимая, что Лейни говорит не всерьез. Судя по всему, в этом доме нечасто садились за стол все вместе, и поэтому Лейни могла бы поужинать и без них.

Да и не место экономке за хозяйским столом, однако Тинклер, очевидно, частенько ужинал именно в ее компании. Это Силь нравилось. Ей всегда казалось бессмысленным собираться вместе за столом три раза в день. Вспомнить хотя бы ее завтраки, когда она голодала. То, что остальные как ни в чем не бывало поглощают пищу, казалось ей издевательством. А им наверняка не нравилось, что она упрямо не прикасается к еде.

Быть проще. Иногда простота – лучший выход. За пределами этого дома Нейтан Тинклер выглядит богатым ублюдком, игроком и нечистым на руку подлецом. Он прав: его маска приросла к лицу, и именно поэтому Силь было трудно понять, насколько же все не так.

За ужином говорила только Лейни. Жаловалась, что ее собственный дом выстыл. Что он пуст уже несколько лет. А потом внезапно радовалась этому же.

– Я все равно не смогу туда вернуться... – сказала она, и Силь поняла, что Лейни кого-то потеряла. Кого-то, с кем жила в том доме.

Очень хотелось выяснить последнюю тайну: что же связывает Лейни и Тинклера, но Старуха настойчиво шептала, что лучше завести этот разговор позже. Интересно, почему?

Но Сиэлла послушала свою интуицию и не стала спрашивать. Под аккомпанемент болтовни Лейни хорошо думалось, благо Нейтан, пусть и бросал на нее выжидающие взгляды, продолжать тяжелый разговор, начатый в саду, не спешил.

Она должна согласиться. Это будет лучшим вариантом. Теперь, когда страх немного отступил, Сиэлла прекрасно слышала Старуху, которая говорила именно это.

Став женой Тинклера, она решит сразу две большие проблемы: снова станет «живой», и страх позора больше не будет преследовать ее. Однако беременность все равно была проблемой. Даже если

Нейтан и назовет этого ребенка своим (при мысли об этом неизменно накатывала волна благодарности), срок почти месяц. Пойдут разговоры. С другой стороны, если Сиэлла правильно понимает, к этому времени они будут далеко.

В другом городе. И она вместе со своим ребенком будет наживкой. И их жизнью будут шантажировать Нейтана.

Он обещал, что не даст ее в обиду, и Сиэлла верила ему. Если бы было по-другому, он мог выбрать любую знатную дурочку... хотя нет. Не мог бы. Теперь Силь точно знала, что Тинклер ценит чужую жизнь.

Смешно: она подошла ему именно тем, что никогда не блистала на званых вечерах, избегая глупых сплетен и предпочитая молчать.

– Ну что, решилась? – спросила Лейни, внезапно закончив тираду о том, что свой дом она продать все равно не сможет.

Силь повернулась к ней, не сразу поняв, что экономка имеет в виду.

– Ты знаешь, о чем мы разговаривали? – нахмурившись, спросила она. – Откуда?

Нейтан, как раз пригубивший бокал легкого белого вина, усмехнулся, наткнувшись на непонимающий взгляд Силь.

– Лейни давно меня знает, – напомнил он. – И догадалась, что я попробую завести этот разговор.

Силь поджала губы. Ей очень хотелось кофе. А еще – хоть немного вывести из равновесия Нейтана, который, кажется, избавился от сомнений и был уверен, что она точно согласится после ужина.

Ужин подошел к концу.

– Ты говорил, что свадьбы у нас не будет, – слегка прищурившись, сказала она. – И это большая проблема.

– Проблема? – нахмурился Тинклер. – Я не верю в то, что ты хочешь пышное торжество, Сиэлла. Я знаю, что тебе это не нужно.

– Да, проблема, – приосанившись, подтвердила Силь. – Потому что я хочу получить подарок. На свадьбу. А если ее не будет, то не будет и подарка, так?

Кажется, у нее ничего не получилось и ее раскрыли. Потому что Нейтан широко улыбнулся и откинулся на спинку стула, держа в руках бокал с вином. Его глаза смеялись.

– И что же ты хочешь получить? – едва сдерживая смех, спросил он.

Сиэлла улыбнулась в ответ. Где-то в душе поднималось ликование. Если они смогут вот так разговаривать, научатся шутить, может, им действительно удастся стать хорошими супругами.

– Я хочу, чтобы ты подарил мне тот рояль, – ответила она. – Я хочу иметь право на нем играть. Не потому, что ты разрешил из милости. А потому, что он будет моим. Прости, в ответ подарить ничего не получится. Только проблемы.

– Кажется, кое-кто осмелел, – заметила Лейни, поднимаясь из-за стола. – Поздравляю, Нейт, эта птичка наконец пришла в себя. Разбирайтесь сами, а я спать. Сообщите мне, когда поженитесь, ладно?

Лейни вышла из столовой, оставив Силь и Нейтана наедине.

– Хм... а это идея, – продолжая смотреть на нее смеющимися глазами, сказал Тинклер. – Раз уж мы с тобой смогли понять друг друга, то ничто не мешает нам это делать и дальше, да?

Силь пожала плечами. Она упивалась этим чувством. Она не боялась, сомнения ушли, даже Старуха не шептала ничего. Сиэлла чувствовала себя нужной. Чувствовала себя в силах идти дальше. Даже браслет Элджа больше не жег руку. Будто тот, кто его подарил, остался за чертой сомнений и страха.

– Я думаю, продолжить разговор лучше в гостиной, – заметил Нейтан. – Как ты на это смотришь?

– Мне нравится эта идея, – ответила Сиэлла.

Тинклер галантно открыл перед ней дверь гостиной, пропустил вперед, но, когда Силь подошла к роялю и обернулась сказать, что уже давно мечтает сыграть на идеально настроенном инструменте, его в комнате не оказалось.

На миг позволив себе испугаться сама не зная чего, Сиэлла потрянула головой и открыла крышку.

Занесла руку над клавишей до-диез первой октавы, предвкушая чистейший звук. Ощущая, что она действительно хочет петь.

Не потому, что нужно заполнить душу, а потому, что душа наконец спокойна. Она радуется, как птица, которую выпустили из клетки. Расцветает прекрасной нежной орхидеей.

Хорошо, что не фиалкой...

Только с Элджем Силь чувствовала подобное. Он был ее защитой от злого мира высшего общества. Рядом с кем она могла быть просто

человеком. Не знатной леди. Не дочерью обнищавшего графа, которая должна удачно выйти замуж.

А просто человеком.

Она так и не решилась опустить руку на клавиатуру. Пока этот рояль еще не принадлежит ей.

Дверь открылась, и в гостиную вошел Тинклер, державший в руках тонкую кожаную папку. Он был в кабинете? Сиэлла нахмурилась. Она вроде бы не видела такую папку, когда копалась там сегодня.

– Что это? – спросила она и добавила с мягким упреком: – Ты бы хоть предупредил, что собираешься исчезнуть, я даже немного испугалась.

– Чего? – приподнял брови Нейтан.

– Что ты запрешь меня в этой комнате, – серьезно ответила Силь. – Ты ведь помнишь, что я довольно долгое время считала тебя убийцей?

Тинклер усмехнулся.

– У тебя в голове довольно милый бардак, – сообщил он. – Но наводить там порядок я не буду. Еще выкину что-нибудь нужное.

Он подошел к роялю и положил на него папку. А потом вытащил из внутреннего кармана сюртука миниатюрную чернильницу и перо.

– Подойди. И открой.

Он сделал шаг назад, чтобы освободить для нее пространство.

Совершенно не понимая, что происходит, Силь повиновалась. И обомлела, прочитав содержимое единственного листка бумаги, лежащего в папке.

– Это... это...

– Это страница из книги регистраций, как видишь. И моя подпись уже стоит.

– К-как?

– Просто. Я же брат мэра, в конце концов, – усмехнулся Нейтан. – Именно поэтому у нас с тобой не будет свадьбы. Если ты поставишь свою подпись, мы будем официально женаты уже как три недели.

Сиэлла замерла. А потом посмотрела на него прищурившись. Эйфория спала, а вот гнев и разочарование – остались.

– Ты... ты... ты ведь и не собирался принимать отказ, да? Если бы я не согласилась, ты все равно бы добился своего, верно? Лаской,

манипуляциями... а потом? Запер бы меня в подвале и морил голодом?

У Силь в голове не укладывалось то, что она увидела.

Тинклер усмехнулся.

– Точно, бардак, – беззлобно сообщил он. – Что еще тебе в голову пришло? Что я ем младенцев на завтрак и именно поэтому готов связать с тобой жизнь, несмотря на то что ты носишь под сердцем чужого ребенка?

Сиэлла покраснела.

– Но... но... что я еще должна думать? А если бы я отказалась? Ведь здесь не только запись о нашем браке. Здесь еще две записи о двух других.

– Страница бы считалась утерянной. И ее бы восстановили. Без последней, незавершенной записи.

Силь вздохнула. Вспышка угасла, и опять стало немного стыдно. Захотелось попросить прощения, но она вовремя вспомнила, что он этого не любит. Да и не выглядел он сердитым.

– А откуда ты знал, что это понадобится? Ведь ты не знал про ребенка... точно не знал!

Нейтан, видимо устав ждать, когда она перестанет сомневаться, шагнул вперед и оперся о рояль.

– Потому что, учитывая твою внешность и «смерть», тебе лучше бы воскреснуть как можно раньше. И лучшим объяснением этому будет то, что Нейтан Тинклер, жестокий ублюдок и обманутый жених, от которого сбежала невеста, обнаружил ее, скажем... не знаю, об этом я пока не думал... где-нибудь на задворках Омирши. Слепленный гневом, я изуродовал тебя, изнасиловал, а потом, сообразив, что ты – не уличная девка, а знатная дама, потащил в ратушу для регистрации брака. Конечно же под покровом ночи. – С каждым его словом глаза Сиэллы становились все больше, а его улыбка – все шире. – А потом я долго скрывал тебя в своем жутком доме, надеясь, что шрам заживет...

– Ты сумасшедший? Тебе никто не поверит! – воскликнула Силь.

– Уверена? – вкрадчиво спросил Тинклер. – Ты перестала меня бояться лишь вчера. Потому что узнала правду. А что насчет остальной Омирши?

– Это... это все равно звучит неправдоподобно, – упрямо буркнула Силь.

– Вполне соответствует моей репутации, – пожал плечами Нейтан. – Ты же сама меня Тузом считала до недавнего времени... а ведь всего лишь капельку крови на рубашке обнаружила.

– У тебя из глаз тьма вытекала, – напомнила Сиэлла. – Прости.

– За что? Я знал, что ты придумываешь какую-нибудь ерунду. Это пройдет. Ты просто еще не привыкла к тому, кто я есть. Ну что? Будешь подписывать? Или уже передумала?

Сиэлла покачала головой.

– Я подпишу. При одном условии. Ты не будешь все время читать мои мысли, ладно? Ты и сам знаешь, что я время от времени думаю о всяких глупостях, за которые мне потом стыдно.

Он улыбнулся.

– Я и так делаю это не все время, – ответил он. – Иногда, знаешь ли, и своих глупых мыслей хватает.

– Хорошо.

Сиэлла открыла чернильницу, обмакнула перо и быстро, пока еще какая-нибудь дурная мысль не заставила ее сомневаться в своем решении, вывела свое имя.

А потом поняла, что Старуха, как всегда, была права. Ей не быть Сиэллой Ремур.

Ведь согласно регистрационной книге города Омирши она уже три недели как Сиэлла Тинклер.

Глядя, как высыхают чернила, Силь замерла, пытаясь осознать этот факт.

Нейтан Тинклер теперь ее муж.

Ей вдруг подумалось, что она теперь хозяйка этого дома. А еще – что ее муж нечасто спит по ночам.

А еще – что заключение брака принято скреплять поцелуем. И не только. Однако она совсем не готова к этому «и не только»!

Повернув голову, она посмотрела на Нейтана.

– Ты смотришь на меня как кролик на удава, – заметил он.

Улыбка сползла с его лица, а запавшие усталые глаза вопросительно смотрели на нее.

Силь опустила взгляд, нервно теребя браслет на запястье. Наверное, ее мужу не нравится, что она его носит. Это подарок другого.

Нейтан шагнул к ней.

– Посмотри на меня, – попросил он.

Облизав пересохшие губы, Сиэлла подчинилась.

Он поднял руку и ласково провел по подбородку, прошелся вдоль шрама до виска, заправил за ухо выбившуюся прядь и, склонившись, легонько коснулся губами ее губ.

А потом отстранился и, озорно посмотрев на нее, спросил:

– Лейни, кажется, хотела, чтобы мы сообщили, когда поженимся. Я знаю удивительный способ. Ты споешь для меня прямо сейчас?

Глава 10

Когда она открыла глаза, первой мыслью было: «Я теперь жена Нейтана Тинклера». Изучив взглядом потолок с лепниной, освещенный рассветным солнцем, Сиэлла села на постели и посмотрела в окно.

И следующей мыслью было: «Это неправильно. Я не должна спать в гостевой комнате».

Это было абсолютно неправильно, но в то же время она была очень благодарна Нейтану за то, что он не стал ее торопить. Прочитал ее мысли? Понял, что она не готова быть его женой во всех смыслах этого слова?

В любом случае он дал ей время привыкнуть к своему новому положению. К тому, что она теперь хозяйка этого дома. К тому, что она теперь его жена.

Уже три недели как. Хорошо, что об этом пока никто не знает.

Она действительно для него спела. Наслаждаясь каждым аккордом. Чистейшим звуком. Немного фальшивя оттого, что давно не пела.

А потом пришла Лейни, кутающаяся в халат, и недовольно попросила не шуметь. А потом Нейтан сказал, что они поженились, а в такой вечер нельзя спать. А потом он и его экономка пили виски и легкое белое вино.

А Сиэлла пела. Наверное, даже не для него, своего мужа, а для себя. Руки порхали над клавиатурой, а музыка лилась, наполняя этот дом звуком.

Потом в гостиную заглянули слуги один за другим, и Нейтан радушно приглашал их остаться.

У них не было свадьбы, но вчерашний вечер действительно казался праздничным.

А потом Лейни, уже не в состоянии справиться с зевотой, попросила пощады.

Слуги тоже ушли.

Нейтан проводил ее до комнаты, пожелал спокойной ночи и ушел в свою спальню, не попытавшись даже снова поцеловать. Его усталые

глаза смеялись. А еще – были голодными. Сиэлла прекрасно видела, что он хотел бы большего. Но он дал ей время.

Умывшись и одевшись, Силь пошла в столовую, в глубине души надеясь встретить Тинклера или Лейни. Хотелось осознать, что вчерашний вечер, немного сумбурный, но тем не менее наполненный теплом и уютom, не был сном.

Но ни хозяйина дома, ее мужа, ни экономки не было.

На столе был накрыт легкий завтрак, судя по отсутствию кофе – именно для Сиэллы.

Возле чайника с травяным чаем лежала записка.

Они ушли. Оба. Нейтан – на встречу с Холерой, чтобы она проверила версию Сиэллы, а Лейни...

Как Силь могла быть настолько слепой? Конечно же! Тинклер – менталист. Ментальный колдун. Но его магия плохо вяжется с опасностями, что поджидают его, когда он работает на дне. Лейни – его прикрытие. Белый маг, который в случае чего сможет противостоять даже шаману духов. Она не всегда рядом с ним. Но ведь есть еще Марианна. Детектив, пожертвовавший своей репутацией ради дела. Заклинатель.

Она не просто связной. Скорее всего, она время от времени стоит за его спиной во время игры, обмахиваясь веером. Ей, детективу, закрывающему дела за деньги, не так уж и странно быть «любовницей» самого одиозного игрока Омирши.

И кажется, Сиэлла поняла, почему Старуха настойчиво твердила, что о прошлом Лейни лучше поговорить потом.

Ей придется к этому привыкнуть. Придется относиться к этому с пониманием. И она действительно на такое способна. Иначе бы Нейтан ее не выбрал.

В будущем Силь определенно придется играть роль обманутой жены. И не раз.

Будет ли она обманута на самом деле? Сиэлла была уверена, что Старуха подскажет. Да и если подумать, их брак – это расчет.

Расчет, который решил практически все ее проблемы.

Она знала, на что идет. В этот раз – знала. Она – жена человека, чья репутация – фарс и правда одновременно.

Потому что для того, чтобы этот мир стал лучше, кому-то приходится спускаться на самое дно.

Вспомнив озорную улыбку Нейтана, его настоящее лицо, она глубоко вздохнула, села за стол и принялась за еду.

Она была спокойна. Почти. Мысли о будущем, конечно, занимали ее. Но в большей мере их занимал Туз. Жуя хрустящий тост с маслом, Силь просила Старуху подсказать, что делать дальше. Даже если ее теория подтвердится, это ничего не даст.

«Кроме того что Нейтан наконец сможет стать лакомой добычей», – шепнула Старуха.

А Сиэлла поняла, что не хочет этого. Она должна найти Туза. Вычислить его. Потому что она не собирается смотреть, как ее... Тинклер рискует жизнью зря.

Она что-то упускает.

Что-то, что лежит на поверхности.

Очевидное.

Она обязательно поймет, что именно.

Сиэлла пригубила травяной чай и уставилась на желтоватую жидкость. Старуха тихо шептала, что ей нужно вспомнить какие-то слова Нейтана. И тогда она поймет. Поймет, насколько все очевидно.

Но какие именно слова она должна вспомнить?

Заканчивая завтрак, Сиэлла пыталась понять, как ей управлять своим даром. Нет, теперь она слышала то, что говорит ей интуиция, но как ей, например, почувствовать, что нужно делать, если она захочет наладить отношения с отцом? С Эви?

Нейтан говорил именно про это... что-то такое... именно про то, как работает ее дар...

Как ей направить интуицию в нужное русло? Как заставить Старуху ответить на вопрос, кто такой Туз?

Никак... Туз – заклинатель, а значит, против него ее дар не действует.

Но маленький червячок сомнения продолжал точить ее изнутри. Тинклер что-то такое говорил о ее даре... что-то очень важное. Просто в тот вечер было много неожиданного, и эти слова забылись. Она их вспомнит...

Вспомнит, чего бы ей это ни стоило!

Забыв про недоеденный завтрак, Силь отодвинула тарелки и чашку с чаем подальше, уставившись на белоснежную поверхность накрахмаленной скатерти.

В голове царил странная пустота. Ни одной связной мысли. Старуха тоже молчала. Или мыслей, наоборот, было слишком много, и поэтому она не может ухватить хотя бы одну?

Это ведь шум с улицы, а не гул сотен мыслей?

Да, это был шум с улицы. Звон колокольца у входной двери.

Кто-то пришел.

Сиэлла выпрямилась на стуле и испуганно посмотрела на дверь, что вела в холл. Она – жена Нейтана Тинклера. Однако об этом никто не знает. И как ей вести себя? Спрятаться? Выйти встречать?

Наверное, первое. Пока что никто не видел ту страницу. Пока что Сиэлла для всех мертва. Будет странно, если она «воскреснет» вот так.

Дверь хлопнула, и послышались тихие шаги. Кажется, горничная проводила гостя в гостиную.

Сиэлла с ужасом поняла, что ей жутко хочется сделать глоток... виски. Ну да, она же менталист...

Только вот виски ей нельзя. И кофе, по мнению ее мужа, – тоже.

Дверь открылась, и горничная знаками показала, что Сиэлле нужно встретить гостя.

– Кто там? – забыв, что прислуга в этом доме не может говорить, спросила Силь.

Девушка покачала головой, а потом ободряюще улыбнулась. И что это значит?

Может ли быть такое, что, несмотря на очевидный тщательный отбор, среди слуг завелся тот, кто играет против хозяина?

Сиэлла решительно поднялась на ноги и пошла в гостиную.

Гость стоял спиной, очевидно уставившись на рояль.

Когда он обернулся и посмотрел на нее, Сиэлла мгновенно замерзла.

Сжимая в руках цилиндр, на нее встревоженно смотрел Крис Винтспир.

Силь моргнула, пытаясь осознать увиденное, а потом приосанилась, нахмурилась и придала взгляду горечи.

– Его здесь нет, – сказала она.

– Я знаю, – тихо, почти шепотом, ответил Крис. – Видел этого ублюдка на беггах. Он сейчас очень занят.

– Тогда зачем пришел? – прищурилась Сиэлла.

Крис моргнул и нахмурился. Медленно, будто боясь, что она убежит, подошел к ней, не сводя взгляда со шрама на ее щеке.

– Я... я хотел узнать, все ли с тобой в порядке, – ответил он. Поморщился, будто почувствовал неприятный запах. – Прости меня. Я не должен был тогда уходить.

– Не должен был... – эхом отозвалась Силь, осознавая, насколько ей повезло, что Крис тогда поддался страху и покинул дом на улице Синих Ветров.

– Это... это он сделал? – Крис поднял руку и потянулся к шраму.

Силь отстранилась, шагнула назад и горько усмехнулась, пытаясь сообразить, как ей себя вести и что говорить. Подтвердить? Опровергнуть? Ведь они с Нейтаном еще не обсуждали детали легенды.

И стоит ли говорить Крису, что она уже три недели как Сиэлла Тинклер?

Если подумать, этот шрам оставил ей Винтспир. Случайно. Но именно его неосторожное движение привело к тому, что лицо Силь больше никогда не будет красивым.

Видимо, Крис что-то понял по ее лицу.

– Я... я вытащу тебя отсюда, – прошептал он.

Еще чего!

– Не вздумай, – покачала головой Сиэлла. – Он еще могущественнее, чем кажется, поверь! – Опустив глаза, она поджала губы, пытаясь выглядеть одновременно жалко и решительно. – Как ты узнал, что я здесь? Что я еще жива?

– Пару дней назад я случайно наткнулся на его любовницу. Она покупала какие-то травы и обронила фразу про тебя. То есть про живущую в доме девушку. Я понял, что это ты.

– Любовница? – нахмурилась Сиэлла.

– Лейни Брайт. Много лет назад у нее был сумасшедший роман с Тинклером. Потом она вышла замуж за другого, но после его смерти снова перебралась сюда. Нетрудно догадаться, в каком качестве.

Вот почему Старуха предупреждала Сиэлле, чтобы она не заводила разговор с ними обоими. Наверное, Нейтану и Лейни было бы трудно говорить. Но Силь почему-то была уверена, что после возвращения Лейни эти двое не стали возобновлять прежние отношения.

Или ей хотелось быть уверенной?

Нет. Старуха настойчиво шептала о том, что их отношения больше похожи на родственные. В них нет страсти или какого-то напряжения. Да и в противном случае Лейни не была бы так рада, что Нейтан и Силь смогли объясниться.

Вчера, когда страница из регистрационной книги была подписана, она искренне улыбалась. И не было в ее взгляде ни капли ревности.

Не было.

Молчание затянулось. Крис смотрел на Сиэllu не отрываясь, и под его морозным взглядом той было неуютно. Ей хотелось, чтобы он ушел. Оставил ее навсегда.

Она хотела забыть о том, что именно этот человек стал ее первым мужчиной. Она хотела забыть о том, что именно он подарил жизнь ее ребенку.

– Уходи, Крис, – попросила Силь, когда молчать было уже невозможно. – Того, что случилось, уже не изменить. И не исправить.

– Цветочек... – Он снова шагнул к ней, заставив попятиться.

– Я уже не цветочек, – покачала головой она. – Моя жизнь... превратилась в нечто иное. Не связывайся с Тинклером, Крис. Подумай о сестре и матери.

Винтспир замер. На его губах заиграла горькая улыбка.

– Мама умерла... – прошептал он.

Силь почувствовала, как ее накрывает волна горечи. Ей нравилась Аннет. Она была добра к немой и неумелой служанке. Она не заслужила вот так сгореть от неизвестной болезни.

Силь подумала, что, возможно, Крис ушел тогда с деньгами из-за матери. Возможно, думал, что сможет нанять для Аннет самых лучших докторов. Надеялся, что они смогут вылечить его мать.

А она, Сиэлла, была просто обузой для Криса, у которого и без нее была куча проблем.

– Мне жаль, – прошептала Силь. – Мне правда жаль, Крис.

Он невесело усмехнулся.

– После похорон, когда все ушли, я остался. Долго смотрел на могилу и думал, за какие грехи все это на меня свалилось. И понял, что все из-за тебя. Я бросил тебя. Пообещал защиту, а потом просто струсил. Я понял, что не смогу спокойно жить, зная, что ты попала в руки этого подонка. Ты знаешь, что он был связан с жуткой

организацией, которая занималась продажей детей степнякам? Когда лавочку прикрыли, этот змей умудрился выкрутиться, не иначе как с помощью своего могущественного брата. Фиалка, не спорю, я тоже не святой. Зная, кто передо мной, я все равно не раз садился с ним за один карточный стол. Возможно, за это меня и наказали небеса.

Силь вздохнула и опустила взгляд. Пожалуй, если бы она не видела той бумаги с печатью Тайной Канцелярии, где говорилось, что Нейтан Тинклер служит Омирше в качестве агента на дне этого города, она бы поверила словам Криса.

Тинклер годами работал над своей репутацией. Он доверился Сиэлле, рассказав правду. Она может его уничтожить одним словом, если подумать.

Хорошо, что он сделал правильный выбор, когда искал себе жену.

– Уходи, Крис. Моя жизнь ничего не стоит сейчас, – глядя в пол, прошептала Сиэлла. – Я... я попробую выжить. Я не желаю тебе зла, слышишь? И поэтому ты должен уйти. Помни про меня. Я... я постараюсь найти слабые места этого человека. И когда найду – я буду знать, к кому обратиться. Ты ведь сможешь мне уничтожить его, правда?

– Силь...

– Уходи, Крис. Твоя мать умерла, но ведь осталась еще сестра. Подумай, что Тинклер может сделать с тобой и Тиной, если узнает о том, что ты под него копаешь. Сейчас он слишком силен. Но мы найдем его слабые места. И ударим. Я надеюсь, что смогу дожить до этого момента. Ты прав: тот, кто продает детей в рабство, должен быть уничтожен.

Крис внезапно подался вперед и обнял Сиэлла, обдав шею горячим дыханием.

– Ты очень сильная, – прошептал он. – А еще – смелая. Прости меня за все.

Силь стало немного противно. Она осознала, что все благородные порывы Криса – это всего лишь попытки успокоить собственную совесть. И кажется, ей удалось ему в этом помочь.

– Я прощаю тебя, – шепнула она в ответ. – А теперь уходи. Пока есть шанс, что он не узнает о твоём визите. Служанка, которая открыла тебе дверь, немая. И я буду молчать. Уходи.

Легонько поцеловав Сиэлла в висок, Крис отстранился. Он смотрел на нее с восхищением.

– Если ты поймешь, что больше не можешь, дай знать. Клянусь, я вытащу тебя отсюда, – пообещал он.

Развернулся и быстро вышел из гостиной, оставив Сиэлла одну.

Он был искренен, как и в прошлый раз. Но надолго ли хватит его запала?

Силь подошла к роялю, открыла крышку и взяла минорный аккорд.

Она очень надеялась, что Нейтан правильно поймет те слова, что она говорила Винтспиру. Она очень надеялась, что он оценит ее попытку поддержать его репутацию...

Тоника.

...оценит ее попытку мирно нейтрализовать Криса...

Субдоминанта.

...поймет, что она лгала Винтспиру...

Доминанта.

...он – читает мысли...

Тоника.

...он поймет.

* * *

Несмотря на то что ни словом, ни мыслями Сиэлла не предавала Нейтана, на душе все равно было беспокойно. Визит Криса, неожиданный и неприятный, выбил ее из колеи.

Рояль не спасал: руки не слушались, и вместо музыки из-под пальцев лилась какая-то ерунда. Бросив бесполезное занятие, которое сейчас не успокаивало, а, наоборот, раздражало, Силь пошла в библиотеку.

Возможно, стоило отправиться в кабинет и снова просмотреть материалы по Тузу, но моральных сил не было даже на это. Поэтому она решила скоротать время до возвращения мужа за книгой. Надо найти что-нибудь легкое. Что поможет отвлечься.

Какую бы книгу она ни брала, ничего не нравилось. Слова расплывались, и нельзя было понять ни строчки. Поэтому оставалось

только бродить между стеллажами, лаская корешки книг, разглядывать золотые тиснения и думать. Старуха молчала. Уснула, наверное. Должна же интуиция иногда отдыхать.

Наверное, в этом и опасность. Если во всем искать следы дара, то можно принять желание за интуицию. Так, как она принимала за внутренний голос страх.

А интуиция, она спит. Или нет? Почувствовав тепло, исходящее от кожаной поверхности одной из книг, Силь схватила ее и потянула на себя.

«Беседы с духами».

Разве с этими безмозглыми тварями можно вести беседы? Кому-то это удалось... или же это очередные скучные и непонятные рассуждения о способностях заклинателей.

Несмотря на очевидные знаки, буквы все равно расплывались. Но ведь не зря эта книга бросилась ей в руки, так? Решив, что она почитает ее потом, Силь прижала книгу к груди и пошла к себе. Положив свою находку на прикроватный столик, она подошла к зеркалу. Волосы были в порядке, но Силь все равно расплела косу и заново причесалась. Чтобы забыть, как волос касалось дыхание Криса. Она действительно хочет его забыть. Не потому, что он причинил ей зло. А потому, что воспоминания о нем – это воспоминания об ошибках. Ее глупости. И пусть Нейтан считает иначе. Она должна была понимать, что в этом мире не существует людей с вытекающей из глаз тьмой.

Она хотела это забыть. Стереть из памяти. Сжечь в огне новых дней. Начать новую страницу.

Элдж ей уже и не снится. Он ушел, оставив после себя серебрянный браслет, записную книжку и ноющую боль в груди.

Крис... Крис никогда ей не снился. Наверное, потому, что он заклинатель?

Крис тоже ушел, оставив горький стыд и неловкость. Она не хочет его видеть. Она хочет его забыть.

Она теперь замужем. Она может быть полезна. Она хочет быть полезна.

Она будет полезна.

Проведя пальцем по проклятому шраму, Силь глубоко вздохнула и вышла из комнаты, намереваясь выпить чаю. Потом, если Нейтан к

тому времени не вернется, – прогуляется по саду.

Ей нужен воздух. Она беременна.

Уже почти спустившись по лестнице, Сиэлла услышала мельчайшие шаги горничной, а потом хлопанье двери. Потянуло легким сквозняком.

Это пришел Нейтан.

Силь зачем-то шагнула назад, хотя в этот раз у нее в принципе не было причин скрываться. А потом расправила плечи и твердым шагом, сохраняя решительное выражение лица, все-таки спустилась.

Нейтан снял плащ и перчатки и вручил их подошедшей горничной. Той же, которая впустила Криса в дом.

– Д-добрый день, – неловко поздоровалась Сиэлла, глядя, как горничная протягивает хозяину руку ладонью вверх.

– Привет, – слегка улыбнувшись, ответил Нейтан и непонимающе посмотрел на горничную. Пожал плечами и положил свою ладонь сверху.

И тут Сиэлла поняла, как она глупа. Слуги – немые. Но им и не нужно ничего говорить, когда их хозяин способен читать мысли. Почему ей ни разу не пришло это в голову?

Как же хорошо, что ей действительно нечего скрывать! Вздумай она предать Нейтана, он узнал бы об этом, даже не прикасаясь к ней!

– Мне нужно тебе кое-что рассказать, – твердо сказала Сиэлла, когда он повернулся к ней. Его глаза потемнели.

Ей нечего скрывать. И она не боится его взгляда.

Больше – нет.

Нейтан снова посмотрел на служанку.

– Поддай обед. Приготовь вечерний костюм. Сегодня я иду играть, – сухо сказал он. – И пусть кто-нибудь принесет мне стакан виски.

Служанка, кивнув, удалилась, оставив их наедине.

– Я... Крис был здесь, – выпалила Силь.

– Я знаю, – сказал очевидное Нейтан. – Пойдем в гостиную. Не хочу разговаривать на пороге.

Рояль буквально сиял, стоя на возвышении, заставляя Силь вспомнить вчерашний вечер. Спокойный. Наполненный музыкой и душевным теплом. Почти счастливый.

– Я... я не собиралась скрывать, что приходил Крис, – торопливо проговорила Силь, когда Нейтан устроился на диванчике.

Он нахмурился.

– Я и не думал, что ты утаишь это от меня. Что ему было нужно?

Сиэлла подошла к нему и протянула руку.

– Смотри сам.

Он усмехнулся и покачал головой. Его взгляд все еще был холодным.

– Я хочу услышать.

Сиэлла отвела взгляд и заговорила, стараясь быть краткой. Но получалось плохо.

– Его... его замучила совесть. Он хотел забрать меня... Нет, не так. Он сказал, что вытащит меня отсюда. А я постаралась отвертеться.

– Отвертеться?

– Да. Чтобы он ушел и оставил меня... нас в покое. Я... мы же с тобой так и не договорились насчет легенды... я хотела, чтобы он испугался... снова. Ты прости, если что не так, ладно? Я... я... я...

– Понятно, – ухмыльнулся Нейтан и, протянув руку, взял ее ладонь в свою.

Его рука была холодной, ведь он только пришел с мороза. А Силь, разволновавшись, немного вспотела, и ей казалось, что ему неприятно сжимать ее мокрую ладошку.

Наверняка она что-то сделала не так. Не стоило ей вообще разговаривать с Крисом. А что она могла сделать? Сбежать?

– Надо от этого избавляться, – тихо сказал Нейтан. Продолжая держать ее руку в своей, он поднялся на ноги и теперь возвышался над ней. От него пахло морозом, дорогим одеколоном и табаком.

– От чего? – не смея поднять глаз от пола, спросила Сиэлла.

– От бардака в твоей голове. – Она услышала в его голове смех, и ей стало легче. – Ты – умница. Ты сделала все настолько правильно, насколько это только возможно. Но ты все равно переживаешь, думаешь о всяких глупостях, изводишь себя понапрасну...

– Прости.

– Я... очень хочу в ближайшую вечность не слышать от тебя слова «прости». Ты можешь это устроить?

Силь подняла глаза, и ей стало совсем хорошо. Он улыбался. Переплетя свои и ее пальцы, он медленно склонился над ней и

поцеловал в висок. Туда же, куда и Крис, смывая воспоминания о детективе.

– Я постараюсь, – прошептала она, смутившись. – Ты... ты только не трогай его, ладно? Мне кажется, он больше нас не потревожит.

– Защищаешь его?

– Нет. Я просто не держу на него зла, – ответила Силь.

Тинклер разжал пальцы, заставив руку Сиэллы упасть, и легонько прикоснулся к шраму.

– Даже за это? – спросил он.

Он знал ответ. Но, кажется, ему нравилось разговаривать с Силь.

– Он не специально. Просто толкнул неудачно, – напомнила она. – Тебе, наверное, не очень приятно смотреть на меня, да?

– Какой же бардак! – простонал Тинклер и рассмеялся. А потом обнял ее лицо двумя руками и заставил смотреть на себя. – Я же уже говорил: я выбрал тебя не за внешность. К тому же твой шрам был не самой большой моей проблемой на пути... принятия ситуации. Вчера ты подписала бумагу. Сегодня эта бумага оказалась там, где и должна быть. Мы три недели как женаты. И это не ты настаивала, это я предложил. Запомни, осознай и прими эти слова. В противном случае я точно начну наводить порядок в твоей голове. Хотя мне очень хочется дать тебе время и возможность сделать это самой.

– Я... постараюсь, – чувствуя, как ее щеки начинают пылать, ответила Силь. И поспешила сменить тему: – Ты все-таки собрался сегодня играть?

В дверь постучали, и в гостиную вошла служанка, держащая в руках пузатый бокал с янтарной жидкостью. Вручив его Нейту, она показала на дверь, очевидно пытаясь сказать, что стол накрыт. Дождавшись его кивка, служанка бросила на все еще красную Сиэллу заинтересованный взгляд и удалилась.

– Да, – пригубив виски, ответил Нейтан. – Надо проверить твою версию.

– А если я не права? – спросила Силь.

– Тогда я ничем не рискую. А вот если твоя версия верна, то наживка наконец обретет притягательность.

– Но... – Силь поняла, что ей страшно. Не за себя, за него. – Как ты сможешь защитить себя? Ты же читаешь мысли, и только.

– У меня есть пистолет, – хмыкнул Тинклер и подошел к окну. – К тому же меня прикрывают. Или Марианна, или Лейни.

– Нейт... я хочу спросить...

– Да. Когда-то мы с Лейни действительно были любовниками, – все еще не глядя на нее, подтвердил он. – Но твой дар прав. Когда ее муж погиб, она постучала в мою дверь с просьбой наказать виновного. Я это сделал. А она взамен снова стала моими партнером. Другом. Но мы не возобновляли прежний роман. Он остался в прошлом. Но, если быть честным до конца, будь Лейни знатной дамой, я бы никогда не нашел тебя. Но мне нужна была леди.

Силь почувствовала тонкий укол ревности и настолько этому удивилась, что не смогла сдержать вопроса:

– Ты жалеешь об этом? Что она не из знати?

Тинклер вздохнул и повернулся к ней. Его глаза смеялись.

– Бардак, – напомнил он. И спросил: – Пообедаешь со мной?

Сиэлла улыбнулась ему в ответ.

– С удовольствием, – сказала она.

И подумала, что это – самое правильное, что она могла ответить.

После обеда Нейтан отправился к себе, попросив ее не играть: он хотел немного передохнуть перед тем, как отправиться в игорный дом.

Сиэлла же немного погуляла по саду, а потом, почувствовав усталость, тоже пошла в свою комнату. Может, эта утомляемость оттого, что она в положении? Силь мало знала о том, что нужно делать. Возможно, стоило попросить Нейтана вызвать ей доктора, но она не хотела напоминать о том, что носит чужого ребенка.

Конечно, он обязательно обнаружит эти мысли в ее голове, но, возможно, ей удастся их скрыть чем-то более значимым? Например, содержанием той книги, что буквально попросилась к ней в руки сегодня.

Но читать не получилось. Сняв плащ и опустившись на кровать, Силь не заметила, как задремала. И проспала до самого вечера, когда солнце покинуло Омиршу до утра и снова завыл ветер.

Нейтан уже ушел, а вот Лейни, напротив, вернулась. Чем она занималась, интересно?

Сиэлла обнаружила экономку во «внешнем» кабинете хозяина дома. Та сидела за столом и листала содержимое довольно толстой папки.

– Идиоты. Все – идиоты, – ворчала она себе под нос.

– Кто? – спросила Силь.

Лейни подпрыгнула, театрально схватилась за сердце, а потом ухмыльнулась.

– Детективы магполиции, кто же еще... Ты знаешь, что это такое? – Она потрясла папкой.

– Нет, – ответила Сиэлла, проходя в комнату и становясь перед зеркалом, скрывающим вход в настоящий кабинет.

Однажды она привыкнет к этому уродству. Перестанет каждый раз думать, что без него ее лицо было намного красивей.

– Это – досье на каждую жертву. Здесь распорядок дня каждого за месяц до смерти, представляешь?

– Это дело давно остается нераскрытым, – заметила Силь. – У них было время это собрать.

– А проанализировать и подумать – нет? Ты права, девочка. В девяти случаях из десяти. Все эти люди действительно однажды выиграли у тех придурков, которые не смогли остановиться вовремя!

Силь провела пальцем по шраму. Сначала от губ к виску, а потом обратно.

– Я думаю, все дело в том, что детективы магполиции все-таки нормальные люди, – заметила она. – Они тоже понимают, что виноват не тот, кто выиграл. А тот, кто, несмотря ни на что, поставил последнее.

– Они – профессионалы, Сиэлла! И среди них хватает менталистов. Настоящих, а не с ущербным даром, как у тебя или Нейта! Тем не менее именно ты, опираясь лишь на четыре совпадения из десяти, сделала правильный вывод! Честно говоря, у меня есть соблазн отправиться к Фессу и устроить ему разнос. Кажется, у него проблемы с кадрами!

Странно, но, когда Лейни назвала ее дар ущербным, Силь не почувствовала себя неловко или неполноценно. Может, потому, что она, дожив до двадцати трех лет, и не думала, что обладает даже слабой магией?

– Подожди... но ведь ты сказала, что совпадение девять из десяти. То есть получается, что одна жертва все-таки никого не обчищала до нитки.

– Не исключено, что Динар Крейн сделал это раньше. Невозможно проследить всю жизнь человека.

– Динар? – Силь нахмурилась и повернулась к Лейни: – Подожди... третья жертва?

– Да! – Лейни пожала плечами. – Он вообще не увлекался игрой. За месяц, который смогли проследить, сел за карточный стол всего два раза. Видимо, занимался этим, когда у него было плохое настроение. Или хорошее. Мы теперь и не узнаем.

Третья жертва. Не первая. Тогда бы можно было подумать, что Туз наказал давнего обидчика, а потом уже начал наказывать остальных, чтобы замести следы.

Или Туз умен и решил скрыть самое главное, или здесь что-то еще. И имеет ли значение то, что первой жертвой был брат Динара Крейна?

Лейни пошла ужинать, оставив Силь наедине с содержимым толстой папки. Просмотрев бумаги самостоятельно, Сиэлла решила, что Лейни была несправедлива к детективам. Закономерность можно было заметить, только если знать о ней. Четыре из девяти выигрышей были весьма скромными. Наверняка все смотрели на суммы, а не на способность партнеров заплатить.

Туз – сумасшедший. Теперь в этом нет никаких сомнений. Потому что виноват не тот, кто выиграл, а тот, кто проиграл. Поставил на кон последнее, зная, что может потерять. Не думая о себе. Не думая о своих близких. Не думая о завтрашнем дне.

Силь ненавидела игроков. И пусть ее мужем в итоге стал именно игрок, это воспринималось по-другому. Может, потому, что Нейтан никогда не терял голову? Ведь можно же наслаждаться игрой и без всеобъемлющего азарта?

При мысли о том, что ее муж отправился не просто играть, а стать лакомой добычей для ненормального убийцы, у Сиэллы опять стало беспокойно на душе. Аппетита не было, но очень хотелось пить. Оставив папку на столе, Силь пошла на кухню и попросила кухарку принести ей в комнату большой кувшин с водой или холодным мятным отваром. Ее то начинало знобить, то, напротив, бросало в жар. Она заболевает? Простыла? Или это опять странные выверты дара?

А вдруг это Старуха пытается ее о чем-то предупредить? Но ведь теперь Сиэлла и так ее слышит! Ее дару больше не нужно показывать

себя! Ему не нужно раскачивать все вокруг, чтобы что-то показать.

Это не Старуха. Возможно, причина в том, что Силь беременна. Или она простыла вчера. Они же с Нейтаном довольно долгое время провели в саду, а шляпку Силь не надевала.

Но беспокойно было все равно. Слишком мало времени прошло с тех пор, когда именно таким образом ее пробудившийся дар пытался дать о себе знать. Искать дурные знамения в том, что ее немного знобит... прав Нейтан, у нее полный бардак в голове.

И как же ей повезло, что он готов это терпеть.

Зайдя в свою комнату, Силь сменила платье на теплый халат и завернулась в одеяло. Может, она зря попросила именно холодное питье?

Хотя нет... озноб в который раз сменился жаром, и одеяло пришлось скинуть. Поэтому, когда горничная принесла хрустальный кувшин с водой, Сиэлла сразу же налила себе стакан и жадно его выпила.

Что с ней?

А если это и правда дар? Плохое предчувствие у интуита... наверное, его надо слушать?

Старуха молчала. Выпив второй стакан воды, Силь снова почувствовала озноб и опять закуталась в одеяло. Взгляд ее упал на «Беседы с духами». Взяв книгу, Сиэлла открыла ее и поняла, что в этот раз ее глаза видят. Несмотря на довольно скудное освещение, она прекрасно различала слова.

Видимо, время пришло.

Еще бы понять, что же это за чувство... Волнение? Возможно. И, кажется, она поняла, почему волнуется. Она только-только смогла найти общий язык с Тинклером. Она ощутила в себе готовность, силы и причины жить дальше. Ей очень хотелось, чтобы то взаимопонимание, которого они достигли (в большей степени Нейт, но и она разберется со своим бардаком), стало еще глубже. Они теперь муж и жена. И Силь действительно хочет стать для Тинклера надежным человеком, с кем он может быть откровенным, но кто не выдаст его тайны. Силь хочет попробовать стать ему именно женой. Может быть, потом, когда тень Элджа перестанет преследовать ее и воспоминания о нем перестанут отзываться глухой болью в сердце, она сможет подарить Нейтану нечто большее, чем благодарность?

Ее муж рискует своей жизнью. Давно.
Прямо сейчас.

Силь глубоко вздохнула, загадала, что, если она не заснет до утра, с ним все будет хорошо, и уткнулась в книгу.

До утра далеко, и у нее много времени, чтобы побеседовать с духами.

* * *

– Ты меня слышишь?

...

– Ты же слышишь меня, правда?

...

– Понимаешь?

...

– Ты меня понимаешь. Я это знаю. Я научусь говорить на твоём языке...

Прочитав первые несколько страниц, Сиэлла поняла, что эта книга вряд ли была хоть когда-нибудь востребована. Судя по всему, ее написал сумасшедший. Заклинатель, чей разум не выдержал. Этот человек слишком серьезно, слишком близко к сердцу воспринимал собственный дар. Его душа была тюрьмой для иных сущностей. И однажды он захотел понять их. Посочувствовать им. Стать им другом, а не тюремщиком.

– Этот мир жесток. Зря ты пришел сюда. Я уверен: то место, что мы называем Той Стороной, подходит тебе намного лучше. Там ты среди своих. Там ты можешь быть понят. А здесь... мы ловим вас. Закключаем в себе. И заставляем служить. Я никогда не заставлю тебя делать то, что ты не хочешь, Мийко. Обещаю.

Имя. Этот человек дал одному из своих духов имя. Или всем?

Крис тоже давал имя своим духам. Сиэлла познакомилась лишь с Арохом, но точно знала, что у Винтспира в душе заключен не только он.

А сколько?

Не значит ли это все, что Крис тоже не в своем уме? Или заклинатели все такие? Они все время от времени ведут беседы с чудовищами, что заключены внутри них?

Крис имеет позывной Туз. Но он не Туз-убийца. В ночь убийства Элджа он играл с Нейтаном до утра.

Может быть, стоит поговорить с Марианной? Она – прикрытие Нейтана, скорее всего, она скоро узнает о существовании Сиэллы. Или уже знает. Ведь этой ночью именно она находится неподалеку от Тинклера, прикрывая его.

Лейни дома. Значит, Нейтан с Марианной. Скорее всего, она изображает его любовницу.

А может, она ею и является? Ведь Силь появилась в жизни Тинклера не так давно, когда ему понадобилась жена. Но ведь это не значит, что у него не было женщины, правда?

Эта мысль показалась Сиэлле неприятной. И до того назойливой, что ей понадобилось несколько раз напомнить самой себе, что Нейтан Тинклер дал ей свое имя после того, как она легла в постель с другим. Он дал ей имя, зная, что она носит чужого ребенка. Она не имеет права думать о нем плохо.

В окно заглянул серебристый луч луны, когда Силь допила графин полностью и поняла, что ей нужно что-то покрепче.

Ей нужен кофе. Иначе она заснет. А когда проснется – узнает, что случилась беда.

Ведь от небольшого кофейника ей не станет плохо?

Надев ночную рубашку, Сиэлла снова закуталась в халат, сунула книгу под мышку и спустилась в кухню.

Там конечно же никого не было: часы в гостиной пробили час ночи.

Впервые за долгое время Силь порадовалась тому, что жила у Винтспиров в качестве служанки. Теперь она умела варить кофе.

– Знаешь, Мийко, иногда я думаю, что никто, кроме тебя, не сможет меня понять. Люди вокруг меня кажутся всего лишь куклами, сделанными из папье-маше. Они верят каждому слову, что пишут в газетах, каждой чуши, что выдается за правду. Они верят разоблачениям и сенсациям. Но истина им не нужна. Я ведь пытался

сказать этим людям правду. Заплатил газетчику, чтобы он написал обо мне. О нас. Но ничего не получилось. Правда никому не нужна.

И все в том же духе. Сварив кофе, Силь устроилась в гостиной, решив не возвращаться в спальню. В конце концов, она – хозяйка этого дома. Никто не скажет ей дурного слова, если она захочет выпить кофе в гостиной посреди ночи.

Никто и не скажет. Слуги немые, а Лейни наверняка сильно устала.

Книга была нетолстой, состояла из одних лишь диалогов, и поэтому Силь закрыла ее, когда часы пробили четыре.

Налив, кажется, уже третью чашку (Нейтан явно будет недоволен), Силь положила «Беседы с духами» на колени и задумалась.

Зачем эта книга бросилась ей в руки?

Судя по всему, ее автор не был сумасшедшим. Он просто хотел понять, что же за существо он держит в клетке своей души. Именно существо, а не существ. В книге не было других имен, кроме Мийко.

А значит, этот заклинатель был слаб. У него был только один дух.

Только. Один. Дух.

Один.

Смахнув книгу на пол, Силь дрожащими руками поставила чашку на столик. Несколько капель кофе упало на пушистый кремовый ковер, и ей стало стыдно, что из-за ее неуклюжести кому-то из горничных придется это очищать.

Потом. Она подумает об этом потом.

Сиэлла ринулась в кабинет Нейтана. В потайной кабинет. Целую вечность искала, где же в нем открывается подача газа в лампы, а потом...

«Лабиринты Той Стороны» стояли на своем месте. И документ из Тайной Канцелярии тоже был там.

Но Силь интересовал не документ, а содержание книги, которую, по словам Криса, стоило бы запретить. Ведь именно там было особенно много про тех, чья душа слаба. Про тех, кто может заключить в себя только одного духа.

Туз как раз из таких?

В «Лабиринтах» писалось о том, что слабая душа заклинателя могла в один прекрасный момент сдаться. И позволить твари с Той Стороны поглотить себя. Дать ей обрести столь желанное тело.

Снова вернувшись в гостиную, Силь дрожащими руками открыла последнюю станицу «Бесед».

– Знаешь, Мийко, я очень хочу, чтобы мы с тобой были едины. Я хочу тебя отпустить. Дать тебе свободу. Но не могу. Не могу, понимаешь? Тебя поймают кто-нибудь другой и снова заключит в себе. А во мне останется только пустота.

Иногда мне кажется, что у меня не осталось никого, кроме тебя.

Я хочу, чтобы этот мир понял: вы не просто безмозглые твари. Вы – духи. Вы – несчастные создания, вынужденные жить внутри других.

Хочешь, я подарю тебе себя, Мийко?

Хочешь?

Эту книгу издали. Перевернув страницу, Силь обнаружила, что автором является некто Майкон Кэнон. Мелким шрифтом внизу страницы было напечатано: «50 экз. Заказчик: Лир Экорн».

Майкон. Мийко.

Силь почувствовала, как жутко кружится голова.

А что, если завладевший телом дух пользуется навыками тела и отнюдь не выглядит сумасшедшим?

Один дух. Слишком мало. Слишком слабый дар для того, чтобы отправиться в сыскную школу и стать магполицейским.

Туз – заклинатель.

Но не стоит искать его среди заклинателей. Потому что никто не знает, что он носит в себе кого-то еще.

Выдохнув, Силь решила, что обязательно расскажет об этом Нейтану. Получается, что как раз таки заклинатели, менталисты и белые маги были вне подозрений.

Зато остальные...

О том, что Нейтан Тинклер – ментальный колдун с неполным даром, тоже никто не знает.

Возможно, с Тузом то же самое?

Потянувшись к кофейнику, Сиэлла обнаружила, что он пуст. Пожав плечами и рассудив, что ей уже нечего терять, она опять побрела в кухню. Сварить еще.

Когда кухня во второй раз за эту ночь наполнилась ароматом свежесваренного кофе, Силь услышала стук двери. Через минуту в кухню заглянул Нейтан.

Сиэлла почувствовала настоятельную потребность его обнять. А еще поняла, что уже полночи сидит в одной ночной рубашке и распахнутым халате, и ее не знобит. И в жар не бросает.

– Ты что здесь делаешь? – нахмурившись, спросил он.

Неловко улыбнувшись, Силь ответила:

– Варю кофе. Будешь?

Окинув ее неодобрительным взглядом, Тинклер проворчал, что ждет ее в столовой, и ушел.

Силь закончила и, поставив на поднос кофейник и две чашки, вышла в столовую.

– Я не обозначал этого вслух, – сухо начал он, когда она пододвинула ему одну из чашек, наполненную черным, как сама тьма, кофе, – но определенно знал, что ты меня поняла. Ты прекрасно понимаешь, что в твоём положении не стоит пить кофе... тем более такой крепкий.

Уже занеся кофейник над второй чашечкой, Сиэлла поняла, что выпить ей все равно не дадут. Усевшись напротив мужа, она подарила ему беспомощную улыбку. Слова оправдания на ум не шли, а говорить очередное «прости» не хотелось.

– Ты зачем так рано встала? – Так и не дождавшись от нее ответа, Нейтан пригубил кофе и одобрительно кивнул. – У тебя хорошо получается.

– Спасибо. Я рада.

– Ты не ответила на вопрос.

Втянув голову в плечи и отведя взгляд, Силь виновато сообщила:

– Я не ложилась.

– Почему? – Его голос стал холодным.

Причина «потому что иначе с тобой случилась бы беда» внезапно стала глупой. Это ведь никак не связано, правда? Она просто в очередной раз накрутила себя, придумала какую-то нелепость и опять все сделала не так.

– Я... я кое-что поняла. Нашла у тебя в библиотеке книгу и читала ее всю ночь. А потом вспомнила о том, что уже читала про подобное. Этот человек, Туз... он – заклинатель. Но скорее всего об этом никто не знает. Как никто не знает о том, что ты – менталист.

Нейт сделал еще глоток.

– Во-первых, это не оправдание. Во-вторых, твое открытие, прости уж, запоздало. Уже давно понятно, что среди известных заклинателей Туза не найти.

– Но... но этого не было в материалах! – воскликнула Силь.

Подняв на него взгляд, она ощутила потребность провалиться сквозь землю. Тьма из его глаз не вытекала, но взгляд был колючим. Почти злым. И усталым.

– А в-третьих, если ты будешь продолжать как одержимая заниматься этим делом, я запрещаю тебе доступ к нему, – жестко припечатал он. – Беременной женщине не стоит любоваться на фотографии распотрошенных трупов и вникать в грязные тайны этого города.

– Ты этого не сделаешь! Нет, только не ты! – Разволновавшись, Силь так резко поднялась из-за стола, что он подпрыгнул, и недопитая чашка кофе Нейтана опрокинулась. Темно-коричневая жидкость поползла к краю, угрожая его костюму. – Я сейчас все уберу...

Но она не успела кинуться на кухню в поисках какой-нибудь тряпки, как он поднялся на ноги, шагнул к ней и схватил за запястье.

– Оставь. Слуги уберут.

– Это моя вина, и я ее поправлю, – угрюмо ответила Силь, пытаясь вырваться. Его пальцы жгли ее кожу сквозь халат.

– Ладно. – Он отпустил ее и подошел к окну.

Было еще совсем темно, небо даже не начинало сереть. И, судя по всему, сегодня солнце не будет радовать Омиршу. Кинув мимолетный взгляд на улицу, Силь обнаружила, что за окном летают белые хлопья снега.

Значит, немного потеплело.

Найдя тряпку, она вытерла стол, налила еще кофе и неуверенно подошла к мужу, держа чашку в руках.

– Пожалуйста, – умоляюще прошептала она. – Не запрещай мне заниматься этим. Не запрещай мне думать об этом. Не один месяц никто не может его найти. Может, и я не найду. Но пока тот, кто убил...

Элджа, будет разгуливать на свободе, я не обрету покой. Ты... ты был очень добр ко мне. Теперь мы с тобой муж и жена. И я постараюсь быть тебе хорошей женой. Я буду ею, обещаю. Но мне нужно отпустить Элджа. Нужно, чтобы он отпустил меня. Пока его убийца на свободе, этого не случится.

Нейтан не ответил. Он продолжал смотреть в окно, а бодрящий аромат кофе так и манил.

– Скажи что-нибудь, – сделав глоток, попросила Силь.

В глубине души она понимала, что опять творит глупость. Хоть кофе-то можно было поставить на стол, раз уж ее муж не хочет на нее смотреть и не видит, что она стоит с чашкой для него?

– Если ты еще раз это сделаешь, я прикажу выбросить весь кофе в доме, – буркнул Нейтан.

Торопливо поставив чашку на стол, Силь снова повернулась к нему. Раз уж разговор пошел куда-то не туда, может, стоит развить его именно в том направлении?

– Ты можешь вызвать мне доктора? – тихо спросила она. – Может быть, кофе здесь ни при чем? Честно говоря, я сама не знаю, что делать. Мама умерла до того, как я начала задумываться обо всем этом, а Элис... она хорошая, в последние дни перед моим побегом только она относилась ко мне по-человечески, но...

– Вызову, – ответил Нейт. – Давно надо было, да голова была напичкана совсем другим.

Кажется, его голос немного потеплел. Почувствовав некоторое облегчение, Силь спросила:

– Как все прошло?

Он хмыкнул. Продолжая смотреть в окно, тихо ответил:

– Хорошо. Я кое-кого обчистил.

Сиэлла кивнула, забыв, что он ее не видит.

Повисло молчание. Тяжелое, разбавленное недовольством, недосказанностью и грустью.

– Тебе неприятно, когда я вспоминаю Элджа, да? – неловко спросила Силь.

Тинклер наконец оторвал взгляд от окна и повернулся к ней. Опустил взгляд на ее правую руку. Небеса, когда она успела надеть браслет?

– Это... это ничего не значит, – в отчаянии прошептала Сиэлла. Она действительно не помнила, как надевала браслет.

– Пойдем-ка в кабинет, – отрывисто сказал он и быстро пошел к двери.

Ничего не понимающая Силь последовала за ним, гадая, при чем тут Эдж и его подарок.

– Встань перед зеркалом, – бросил Нейт, когда они оказались во внешнем кабинете.

Силь подчинилась. И чуть не застонала от стыда. Как же она выглядит, а? Растрепанная, в ночной сорочке, домашних тапочках и распахнутом халате. Зато браслет с изумрудами сверкает на запястье. Да и шрам этот... Тени от свечей и газовых ламп, будто издеваясь над Силь, подчеркнули ее уродство.

Нейт тем временем достал из кармана сверток.

Встав за ее спиной – высокий, в безупречно сидящем костюм-тройке, с уставшими глазами, насмешливо смотрящими на Сиэлла через зеркало, он вытащил из свертка четыре вещи.

Совершенно сбита с толку Силь позволила ему отвести ее волосы и застегнуть на шее блестящее ожерелье. А потом – вдеть в уши серьги. А потом – застегнуть браслет на той же руке, где был подарок Эджа. А потом – надеть кольцо.

Изумруды и серебро. Они идеально подходили к тому, что подарил ей когда-то Эдж. Кроме второго браслета. Он был серебряной нитью. Совсем тонкой. И сверкающей бриллиантовой крошкой.

Закончив, Нейт обнял ее за плечи, оставаясь за ее спиной, и сказал:

– Он мне не соперник. Он мертв. И его подарок ты можешь носить хоть всю жизнь. Но я действительно был бы рад, если бы ты стала меньше о нем говорить. Запретить тебе думать я не могу. И не хочу.

С трудом оторвав взгляд от зеркала, Силь опустила глаза на запястье. Два браслета рядом. Должно выглядеть вульгарно, но только не в этот раз.

Что ей делать?

«Скажи спасибо», – ехидно предложила Старуха.

– С-спасибо, – прошептала Силь. И, решившись, повернулась к Нейтану лицом. – Ты не читал мои мысли сегодня?

Он покачал головой.

– Я делаю это не все время. А этой ночью я очень устал. Не сразу нашел того, кто готов просадить все в угоду азарту.

– Ты... ты не представляешь, как это важно для меня. Найти Туза.

– Представляю...

– Ты не запретишь мне заниматься этим делом, правда? – Это прозвучало совсем уж жалобно.

Он улыбнулся и ласково провел пальцами по ее щеке, убирая непослушную прядь за ухо.

– Ты по уши в этом деле. При всем моем желании я уже не смогу тебя оттуда вытащить.

Почувствовав, как с души падает огромный валун, Силь несмело положила руку на его предплечье. Как будто обнимая в ответ, но не решаясь сделать это по-настоящему.

– Сейчас ты окончательно убедишься, что я очень глупая, – заявила она. – В общем... все эти ночные размышления были оттого, что я решила не спать. Во что бы то ни стало.

– Ты о чем? – приподнял брови Нейт.

– Я... я загадала, что если не засну до твоего возвращения, то с тобой все будет хорошо. И поэтому... пила кофе.

Он уставился на нее восхищенно-удивленными глазами.

– Ты... что? Спасала меня... бессонницей? – Его губы дрожали.

Сначала Силь подумала, что он разгневан, а потом поняла, что он едва сдерживает смех.

– Это глупо, я понимаю, – суетливо пробормотала она. – Постараюсь больше не накручивать себя и... делать так, чтобы ты не волновался, обещаю!

– Это не глупо. – Его голос дрожал от рвущегося наружу смеха. – Это... хм... мило!

Понимая, что он сейчас все равно не сдержится и начнет над ней смеяться, Силь улыбнулась.

– Я рада, что смогла тебя развеселить. Мне кажется, тебе этого не хватает.

– О да! – Он тихо рассмеялся. От холода в его взгляде не осталось и следа. Теперь в нем сквозила нежность.

И кое-что еще.

– Ладно, пошли спать... спасительница.

Кажется, она сама дала своему мужу повод себя поддеть. Почему-то Силь была уверена, что он еще долго не забудет ей эту «милую глупость».

Когда они поднялись наверх и открыли дверь в ее комнату, на улице было уже немного светлей. Небеса стали темно-серыми. Скоро рассвет.

– Как пожелать человеку спокойной ночи, если он ложится спать на рассвете? – спросила Силь.

Нейтан не стал заходить в комнату, оставшись на пороге.

– Не знаю. Но тебе я пожелаю хорошего отдыха, – ответил он.

В его взгляде действительно не осталось холода. Кажется, ее заявление о том, что она его «спасала бессонницей», растопило тонкую корку недопонимания, что едва вновь не появилась между ними.

Силь была этому рада.

– Тогда и тебе хорошего отды... – Она осеклась, взглядевшись в его глаза.

Они были голодными.

Сиэлла замерла. А потом медленно подняла руку и коснулась ожерелья на своей шее.

Он подарил ей новую жизнь. Выходил ее. Дал ей свое имя, прикрыв позор. И ничего не потребовал взамен.

Но кое-что она может ему дать.

Стараясь ни о чем не думать, Силь шагнула к мужу, приподнялась на цыпочки, обвила его шею руками и прильнула губами к его губам.

* * *

Она очень боялась, что после всего он уйдет, оставив ее одну. В голову опять лезла всякая ерунда, и Силь не хотела, чтобы он слышал эту ерунду в ее мыслях. Но рядом с ним ей было бы легче принять последнее.

Он не ушел. Остался. А она почти сразу уснула, устроив голову у него на груди.

Ей снился Эрик, напарник Криса по прозвищу Ифрит. Он насмешливо смотрел на нее, а в его руках блестела трость.

Местность вокруг была Сиэлле незнакома. То ли чей-то заброшенный сад, то ли просто дикий сквер без дорожек и скамеечек.

– Ты очень добрая, цветочек, – сказал он, усаживаясь на поваленное дерево.

С неба падали листья – серые, красные и белые. Они падали, скользили по волосам Эрика, забивались ему под сюртук... он этого не замечал. Он смотрел на Сиэлла и улыбался.

Почему Старуха решила явиться ей в таком обличье? И зачем опять эти сны? Она же и так прекрасно слышит свою интуицию!

Это так странно: спать и понимать, что ты спишь. Так странно: чувствовать дуновение ветра в месте, которого не существует.

При чем здесь Эрик?

– Зачем мы здесь? – спросила Сиэлла. – И что это за место?

Он огляделся, и листья, падающие с небес, взметнулись и закружились вокруг них разноцветным вихрем. Ничего не осталось, кроме листьев, Эрика и Сиэллы.

– Ему очень повезло с тобой, – сказал Ифрит.

– Кому? Нейтану? – не поняла Силь.

Эрик усмехнулся.

– Я незнаком с Тинклером, цветочек. И поэтому я говорю о Крисе.

Это так странно: чувствовать неловкость во сне. Силь всегда казалось, что в мире грез доступны только самые сильные чувства – страх, отчаяние, радость...

– Он не сказал тебе? Я больше не живу на улице Синих Ветров. Да и как он может что-то скрыть? Ты же...

Силь осеклась. Листья перестали кружиться в вихре и опали мягким ковром. Переступив с ноги на ногу, Сиэлла посмотрела вниз и обнаружила, что она одета в то самое платье, в котором была в ночь побега из дома.

– Я никогда не мог читать его мысли, – пожал плечами Ифрит. – Он – заклинатель. Против них наш с тобой дар не работает, цветочек. Но ты молодец. Ты уже почти поняла. Остался последний фрагмент. Последний.

Ноги начали замерзать. Как в ту ночь. В ту ночь ей повезло. Она встретила двух детективов, а не кого-то другого. И пусть на ее щеке

теперь зияет уродливый шрам, пусть у нее под сердцем растет нежеланный ребенок, ей тогда повезло.

Нейтан выбрал ее не за внешность. А ребенок... может быть, однажды они оба забудут, что он от другого мужчины?

Даже во сне мысль о том, чтобы рассказать правду о ребенке Крису, вызывала тошноту.

Так странно: думать во сне. Или она не спит?

Почему интуиция опять играет с ней в эти странные игры? Зачем? Она же слышит Старуху наяву!

Или Эрик – не Старуха?

Почему ей снится он? Да, веселый и жизнерадостный друг Криси ей нравился. Но ведь она была почти не знакома с ним. А ведь именно он привел ее в дом Криси.

В этом все дело? Или в том, что Крис не может ей присниться?

Он не может ей присниться.

Он заклинатель, а она – ментальная ведьма.

– Почему ты сказал, что Крису повезло со мной? Ведь мы... ведь у нас ничего не сложилось... – спросила Сиэлла.

Эрик поднялся на ноги и шагнул к Силь. Выронил трость, и звук ее падения разнесся эхом по улице. Оглядевшись, Сиэлла с изумлением обнаружила, что они стоят возле входа в первый участок магполиции.

– Ты очень добрая. Простила. Скоро ты все поймешь... – шепнул Эрик, и теперь его улыбка стала грустной. – Последняя кровь уже пролилась.

Он отступил от нее и рассыпался серым пеплом, красным песком и белым снегом. А Силь поняла, что кричит.

Потому что пепел, снег и песок взметнулись и, обернувшись непроглядной тьмой, превратились в черную фигуру в плаще.

Страх завладел всем ее существом, и Силь могла лишь замороженно наблюдать, как за фигурой вырастает еще что-то более черное.

Что может быть чернее тьмы?

Сиэлла не знала. Но ей было очень страшно. И поэтому она бросилась прочь.

Прочь по мостовой, засыпанной песком, залитой кровью и заметенной снегом.

Ноги замерзли. Руки будто что-то сковало, а голос... голос исчез.
Нет! Нет-нет-нет-нет-нет!

Тьма догоняла ее. Силь чувствовала на затылке ее дыхание. Надо было позвать на помощь, но голос опять превратился в тихий сип.

Тьма догоняла, тянула к ней свои длинные щупальца, обжигала, обжигалась сама, шипела, но упрямо пыталась достать Силь.

А та вспомнила, что нечто подобное ей уже снилось. Давно. И там, в том кошмаре, тьма побеждала. Она убивала Силь, уронив ее на твердый песок.

Сиэлла не хотела умирать. Она хотела жить. Она хотела вырваться из этого сна и... проснуться.

Это – сон.

Сон.

Силь остановилась, выдохнула, а затем развернулась и, раскинув руки, встретила тьму, твердо глядя вперед.

А потом открыла глаза. По-настоящему.

Снег все еще падал, судя по всему, она проспала совсем немного.

Нейтан спал, неловко подвернув руку. Кажется, наяву она не кричала и не металась.

Хорошо. Не хотелось будить мужа и снова тревожить его очередными глупостями.

Расположив его руку так, чтобы она не затекла, она укрыла их обоих одеялом, устроилась поудобнее и закрыла глаза. Засыпать было не страшно. Она точно знала, что, если ей будет что-то по-настоящему угрожать, Нейт обязательно ее защитит.

Или хотя бы разбудит.

Но кошмары не вернулись, дав наконец Сиэлле отдохнуть. Когда она открыла глаза, небо уже было темно-серым. Голова немного болела, а еще была немного дурной. Силь сразу вспомнила слова Нейтана о том, что на закате лучше не просыпаться.

Он был прав. Состояние было странным.

Рука мужа обнимала ее, а пальцы нежно, почти невесомо, поглаживали живот, обводя контуры пупка. Шевелиться не хотелось. Пусть он думает, что она спит. Было так спокойно оттого, что рядом человек, которому от Силь нужно только одно: чтобы она была собой. Со своими недостатками, ошибками и глупостями.

– Ты очень хитрая, – шепнул Нейт, обозначив, что он знает, что она не спит.

Силь глубоко вздохнула и перевернулась на другой бок, лицом к нему.

– Почему? – спросила она.

На самом деле она никогда не считала себя хитрой. Ей казалось, она не обладает нужными качествами.

Нейтан криво улыбнулся и подул ей на нос.

– Потому что я жутко не хочу вставать и куда-то идти, – заявил он. – Ведь ты этого добивалась, да? Чтобы больше не спасать?

Силь, не сдержавшись, захихикала. Она очень боялась неловкости при пробуждении, ведь, по сути, сегодняшнее утро любви было некой заменой первой брачной ночи. Той самой, в которой она была уже не невинна.

– Ты меня такую выбрал, – напомнила она. – Видимо, тебе нужна была такая женщина, чтобы заставила тебя лениться.

Он прикрыл глаза, счастливо улыбнулся и тихонько фыркнул.

– Ты меня раскрыла, – заявил он, а потом потянулся к ее губам.

Они долго целовались, наслаждаясь друг другом. Прикосновения Нейта становились все откровеннее, и Силь была бы не против провести этот вечер в постели, но в тот момент, когда их дыхание стало уже совсем неровным, в дверь постучали.

Нейтан застонал.

– Скажи, что меня здесь нет, – попросил он.

Сиэлла, которая сейчас в принципе не была готова говорить из-за нахлынувших чувств, попыталась хотя бы кивнуть.

– Нейт! Я знаю, что ты там, я заглядывала в комнату, пока вы спали, – раздался из-за двери голос Лейни, встревоженный и злой.

Обреченно вздохнув, Нейтан в последний раз поцеловал Силь и сел на постели, прикрыв ее и свою наготу одеялом.

– Заходи, – буркнул он.

Лейни открыла дверь. Она действительно выглядела взволнованной, но, взглянув на них, немного повеселела.

– Я рада за вас, – искренне сказала она. – Но, возможно, Сиэлле стоит переехать в хозяйскую спальню, а не тебе – в гостевую?

– Сейчас не об этом, – сухо ответил Тинклер. – Что случилось? Опять Туз?

Лейни покачала головой.

– Нет. Марианна здесь. В общем, дело Туза отходит на второй план.

– Почему? – нахмурился Нейтан, а Силь подумала, что ее сон абсолютно точно связан с новостями, что принесла Лейни.

Она не права. Это снова Туз.

Что бы это ни было, это связано с маньяком...

– Узнаете. Одевайтесь. Холера плачет второй час, и я уже устала ее успокаивать...

Лейни ушла.

Переглянувшись, Сиэлла и Нейтан вскочили с постели и начали одеваться. Нейтану пришлось надеть несвежее, потому что идти к себе, чтобы выбрать новый костюм, он не стал. А Силь облачилась в самое простое из того, что было. На душе было тревожно.

Кое-как собрав волосы в хвост (совершенно неподобающую прическу для леди), Силь подошла к двери, где ее уже ждал Нейтан.

– Может, не пойдешь? – предложил он. – Вряд ли новости будут хорошими.

– Я пойду, – твердо ответила Силь. – И помни, Нейтан Тинклер, я не позволю тебе ограждать меня от своих дел. Я хочу быть тебе полезна. И я буду.

Он посмотрел на нее совершенно сумасшедшими восхищенными глазами, а потом склонился и прижался губами к ее виску.

– Ты – чудо, Сиэлла Тинклер. Со всеми своими ошибками. Помни это, хорошо?

Несмотря на нехорошее предчувствие, Силь ощутила себя по-настоящему счастливой.

– Хорошо, – шепнула она.

Они вышли из комнаты и спустились в гостиную.

Холера выглядела ужасно. Ее кудряшки обвисли неопрятными сосульками, будто она пыталась вытереть волосами слезы. Всхлипывающая и убитая, она совсем не была похожа на ту уверенную в себе женщину, какой Силь запомнила ее по первой встрече.

Они ведь и не были толком знакомы. Но, кажется, сейчас не самый подходящий момент знакомиться по-настоящему. Подойдя к заклипательнице, всхлипывающей, сидя за столом, Силь бросила взгляд на утреннюю газету.

Заголовок острым ножом врезался в ее сознание, заставив голову закружиться. Почти ничего не видя перед собой, она подошла к окну и тяжело оперлась о подоконник руками. На улице было уже темно. Редкие снежинки падали с небес, цепляя за себя взгляд. Казалось, они падают в строгом порядке.

Возможно, это было так.

А вот в мыслях Сиэллы царил хаос. Догадки, факты, сны и видения сталкивались между собой, кружились в собственном безумном танце, а потом складывались.

И складывались.

И складывались.

– В общем, пока ты единственный, кто будет заниматься этим делом, – услышала Силь голос Лейни. – Сегодня я тебя прикрою.

Сиэлла с прозрачной ясностью поняла, что за слова Нейтана про свой дар она никак не могла вспомнить.

Теперь же все было понятно.

Очевидно.

Теперь она понимала, почему ей приснилась та ночь, когда она сбежала из дома.

Это же очевидно!

Теперь она понимала, что нужно делать... Нет, не понимала. Знала.

– Не нужно... – прошептала Силь. – Не нужно никого искать...

– Что? Девочка, что с тобой? – встревоженно спросила Лейни.

– Не нужно никого искать, – уже громче сказала Сиэлла. – Я знаю, кто Туз. Знаю.

– Что?

Рука Нейтана обвила ее за талию, поддерживая, и Силь благодарно прислонилась к мужу спиной.

Она действительно едва не падала.

Оказывается.

– Я знаю, кто Туз, – повторила она.

А потом посмотрела на Марианну.

И громко, четко, уверенно и почти жестко назвала имя.

Ночь укрыла Омиршу черным покрывалом, украшенным бриллиантами. К полуночи небо очистилось, и лунный свет щедро поливал молоком те места, где никогда и не было фонарей.

Но здесь фонари были. И даже горели.

Игорный дом Жака Рейно возбужденно глазел на улицу ярко светящимися окнами, но ему не суждено было увидеть самое интересное. Потому что тот, кто убивал игроков, всегда делал это почти в полной тьме.

Нейтан Тинклер вышел из игорного дома. Недовольно поджатые губы и тяжелый взгляд говорили о том, что сегодня удача оставила его. Ну что же, этот ублюдок всегда умел останавливаться, иначе никогда не смог бы сколотить свое состояние.

Натянув перчатки, Тинклер перехватил трость, поправил цилиндр и двинулся в сторону своего дома. Конечно, он мог бы воспользоваться экипажем – на заднем дворе игорного дома всегда дежурила парочка, но один из самых известных игроков Омирши всегда ходил пешком.

И это было на руку фигуре в черном плаще, что наблюдала за ним из тьмы.

Это было на руку обоим.

Снег скрипел под ногами, но тот, кого знали под прозвищем Туз, не боялся быть обнаруженным. Потому что снег скрипел только под подошвами сапог Тинклера. Тот, кто следовал за ним, не касался мостовой.

А вот тот, кто нес своего хозяина, следы оставлял. Две узкие борозды. Когда снег еще не покрыл этот город, жертва могла что-то услышать. Тихое цыки-цыки-цыки-цыки-цык. Но не сейчас.

Когда Тинклер вышел на проспект Желтых Орхидей, Туз позволил себе торжествующую улыбку. Скоро, совсем скоро этот город освободится еще от одного нечистого. Того, кто позволяет себе убивать надежду. Того, кто выигрывает.

Он думает, что он Туз. Самая высшая карта в колоде. Но нет. Он – Туз. Он – единица. Ничтожество.

И скоро он это поймет.

Тинклер свернул в переулок Красных Ночей, и пора было начинать действовать. Опустившись на заснеженную мостовую, фигура в черном плаще вскинула руку, и ее друг, слуга и единственное

существо, с которым можно быть откровенным, бросился вслед за очередным игроком.

Сначала Тинклера ждет удар в живот. Потом переулочек Красных Ночей наполнится ароматом внутренностей. Отрубленные пальцы упадут в снег.

Он будет стонать. Кричать. Молить о помощи. Но зло недостойно милосердия. А те, кто живет в переулочке Красных Ночей, никогда не слышат криков. Или делают вид, что не слышат. Слишком толстые стены. Наглухо закрытые окна. Страх заставит замолчать каждого, кто ценит свою жизнь. И жизнь своих родных.

– Я очищу этот город от скверны, – прошептала фигура.

И медленно, торжествуя и предвкушая то, что будет в следующие минуты, пошла вперед.

Внезапно кто-то схватил ее за руку и дернул на себя. Это была девушка, в чьих глазах читалась ненависть, решимость и горечь.

Немая девушка.

– Хватит, – сказала немая. – Все кончено, Тина.

* * *

Туз откинул капюшон, и сестра Криса впиалась взглядом в лицо Сиэллы. Она была спокойна, будто ее и не раскрыли. Будто и не разоблачили.

Силь знала почему. Хорошо, что Тина не знала, что кроме Сиэллы за ней следила еще и Холера.

Убитая горем. Полная решимости убить.

Силь надеялась, что этого не случится. Нет, они не убьют эту несчастную. Они ее спасут.

– Фиалка? Вот ты дрянь, а притворялась дурочкой. Я смотрю, ты можешь говорить? – Губы Тины искривились в оскале, который трудно было назвать улыбкой даже с натяжкой. – Крис будет рад... он так переживал, когда ты исчезла.

Сиэлла нахмурилась. Значит, Тина до сих пор не знает, что именно Крис организовал ее побег... вместе с Эриком.

– Жаль, что я тебя разочаровала, – спокойно ответила Силь. – Ты меня тоже. Я всегда считала тебя хорошим человеком. А ты... зачем?

Зачем это все, Тина? Как ты могла поддаться уговорам того, что живет у тебя внутри?

Силь бросила взгляд за спину Тины. Нейтан зашел в переулок, там же скрылся и дух Тины – жуткое человекоподобное создание в платье из цепей, с лезвиями вместо рук и шипастой головой. Где они? Нейтана должен был прикрывать один из духов Марианны, а что, если он не успел?

Что, если Силь сегодня станет вдовой?

Нет... нет!

Отвлечшись, Сиэлла не сразу поняла, почему Тина так спокойна. Осознала она это, лишь почувствовав, как к ее животу приставили дуло пистолета.

Накатило безразличное спокойствие. Если она сейчас дернется – умрет. Сделает глупость – умрет. Где же Марианна?

И что происходит в переулке Красных Ночей?

Стараясь выглядеть спокойно, Силь холодно посмотрела на Тину. Если Нейт увидит эту сцену, он ее убьет. Нет. Сначала он убьет Марианну, которая должна их прикрывать. Ведь Силь убедила мужа взять ее с собой только с этим условием. Он уступил ее уговорам, понимая, как ей важно разоблачить Тину самой.

Стоит ли ее жизни возможность посмотреть в глаза убийце Элджа? И жизни ребенка.

Пожалуй, впервые за все время, что она знала о своем положении, Сиэлла по-настоящему поняла, что сейчас она несет ответственность не только за себя, но и еще за одну жизнь. А это значит – она выживет. Старуха торопливо нашептывала ей, что нужно говорить. Странно, ведь раньше в отношении Тины ее интуиция не работала...

У Тины только один дух. И сейчас она его выпустила.

Интересно. Знает ли кто-нибудь о том, что, когда заклинатель пуст, его можно почувствовать ментальной магией?

– Туз... тебе ведь никогда не нравилось, что газетчики окрестили тебя именно Тузом, правда, Тина? – спросила Силь, изо всех сил стараясь забыть про пистолет у живота.

Ухмылка ее собеседницы сползла с лица, исказившегося в гримасе отвращения.

– Придурки. Они так и не поняли, что я хотела сказать... не поняли ничего. Даже то, что я делаю этот город чище.

– Туз – это единица, – кивнула Силь. – Ты ведь это хотела сказать, правда? Что все игроки – ничтожества.

– Да! – выкрикнула Тина, и ее голос отразился от стен домов. Они в центре города. Неужели она об этом забыла? Раньше она уходила быстро, расправившись с очередным несчастным, но теперь...

Впрочем, если сейчас на проспекте появятся люди, Силь обречена. Именно возле ее живота дрожит дуло пистолета.

– Это ведь твой дух отрезал пальцы, да? У него очень острые руки, – продолжила Сиэлла, удивляясь спокойствию и безразличию к собственной судьбе. Сейчас ее интересовало только то, что происходит в переулке, где один на один остались Нейтан и дух с лезвиями вместо рук.

– Мой Тинко просто бесценен, – улыбнулась Тина, и ее улыбка показалась Сиэлле нежной. Она будто была влюблена в то уродливое существо. – Он все делал сам. И ни разу не испачкал меня кровью... ему нравится этот запах... а мне нет. Но ведь нужно мириться с недостатками тех, кого любишь, правда?

Она действительно любила своего духа! Крис всего лишь давал своим духам имена, а Тина своего полюбила.

Этот мир сходит с ума... или это только одна несчастная женщина, чей разум поразило горе и осознание несправедливости?

– Ты наказывала их, – прошептала Силь. – Наказывала тех, кто уничтожал других. Ведь тот, кто лишился всего, обречен... если только ему не помогут. И ты помогала. Ведь так? Организация, в которой ты работаешь секретарем... благотворительный фонд. И туда обращались за помощью те, кого оставили без средств к существованию. К сожалению, твой фонд не помогает жертвам собственного азарта. Но так ты находила своих жертв. А потом шла убивать. И отрезала подлецам пальцы в наказание за содеянное зло.

– Тинко нравится кровь... и я нашла тех, чья кровь ничего не стоит. – Взгляд Тины стал беспомощным. Она опустила взгляд и с удивлением посмотрела на пистолет, который держала в руке.

– Печень – это символ подлости. В твоем случае – да. Эти люди считали себя выше. Они позволили себе выиграть. А ты обнажила их грехи. И заставила их подавиться собственной подлостью.

Надо обязательно это донести. Может, об этом и не знает никто. Сейчас, когда единственный дух Тины покинул свое обиталище, Силь

прекрасно чувствовала эту женщину. Она будто читала ее с листа.

Нет, это были не мысли, ведь мысли Силь были недоступны. Но теперь она прекрасно понимала все. В том числе и то, почему Тина сошла с ума.

Тем временем сестра Криса сделала шаг назад. Рука, держащая пистолет, ослабла, и оружие упало на заснеженную мостовую.

Ударилось.

И выстрелило.

Силь отшатнулась от звука, зажмурилась, но боли не почувствовала. Однако облегченно вздохнуть не получилось. Открыв глаза, Силь увидела, как из переулка прямо на нее летит Тинко... Его руки-лезвия сверкали в свете луны, а платье-цепи оставляло на снегу две борозды.

– Твоя кровь ему понравится... Фиалка. – Глаза Тины были абсолютно пусты.

Но в тот момент, когда острый нож уже был готов впиться в ее горло, тому, кто давно уже захватил душу Тины в плен, помешали.

Оказывается, все три языка Ароха могли вылезать изо рта больше чем на метр. А еще хлестать и связывать противника словно плетью. Клешнями Арох вцепился в лезвия Тинко, а языки обвили платье-цепи.

Обернувшись, Силь с удивлением увидела за своей спиной Криса. Он был бледен, а в его глазах читались ужас и горе.

– Второго выпускай. – Из-за другого плеча Силь вынырнула Лейни. – Он ее поработил, а значит, сильнее твоих слуг в разы.

Увидев экономку, Силь вцепилась в нее.

– Нейт... он остался в переулке... Где Марианна? А что, если... что, если...

– Тина... – Голос Криса был тих, но в нем было столько эмоций, что на несколько секунд Сизлла забыла о своих проблемах. – Как... как?

Тина будто очнулась. Она напоминала куклу-марионетку своими дергаными движениями и пустыми глазами.

– Ты... ты... – захрипела она.

Не зная, куда смотреть и куда бежать, Силь глянула в сторону двух духов. Лейни была права: Тинко будто светился изнутри, а по клешням Ароха текла жидкость, черная и вязкая, как машинное масло. Именно так выглядело то, что было у духов вместо крови.

– Второго выпускай! – рявкнула Лейни, протягивая руку к духам. Снег с мостовой полетел вверх и окружил двух сражающихся созданий белым вихрем. – Слышишь, Винтспир? Выпускай!

– Кри-и-и-и-ис... – хрипела Тина. – У... у... у-у-у...

Она сжала свою шею руками, а в ее глазах появились эмоции. Страх. И боль.

– Ух... хо... ди... те...

– Одержимая, – сплюнула Лейни. – Винтспир, хватит стоять столбом, давай!

Вихрь рассыпался, и Силь увидела Ароха, чье тело плавилось и распадалось на фрагменты. С каждым мгновением он становился все прозрачней.

– Винтспир! – Лейни бросилась к Крису, и в этот же момент то же сделала Тина.

Пальцы ее правой руки были собраны в щепоть, и Силь знала, что это значит. Тинко светился все сильнее, и это Сиэлле совсем не нравилось.

Поэтому Сиэлла не нашла ничего лучше, как подставить сестре Крису подножку. Тина упала на колени, задев цепи Тинко.

Цыки-цыки-цыки-цыки-цык...

Лейни толкнула Крису и вlepила ему пощечину.

– Очнись! Забирай этого духа в себя, выпускай других! Он жрет ее душу! Она отдала ему последнее!

Крис моргнул, с отчаянием посмотрел на Лейни, потом на Сиэllu, а потом по примеру сестры сложил пальцы в щепоть. Арох исчез. Вместо него появились еще четверо чудищ. Трое походили на людей.

Один – на скрюченного старика, у которого вместо горба извивались склизкие щупальца, покрытые чем-то зеленым, а вместо бороды – пучок пружин. Руки у существа отсутствовали.

Второй – на черный скелет с острой лопатой вместо головы.

Голова третьего походила на голову жука, а вместо рук у него были серпы.

А вот четвертый был не похож ни на что. Разве что на вывернутое наизнанку тело Ароха. Внизу было нечто похожее на хвост, на котором это стояло, потом начиналось разверстое брюхо, из которого высывались сотни языков. Сверху брюхо смыкалось и заканчивалось

щупальцами спрута там, где должна быть голова. Но зато рук у этого было шесть.

Трое, включая вывернутого, бросились на Тинко, который по сравнению с ними выглядел даже почти симпатично. Силь поняла, что сходит с ума от вида такого количества духов. А еще ей было неудобно, что один – скелет с лопатой – встал перед ней. Видимо, защищая.

Неудивительно, что заклинатели когда-то были вне закона.

– Я к Нейту, – бросила Лейни. – Не нравится мне, что он не выходит.

Силь почувствовала, как внутри все оборвалось. Нет. Он не может погибнуть. Не может! Они только нашли общий язык! Обрели надежду на покой внутри.

На покой, который так сильно был похож на счастье...

Они не могут это потерять в самом начале!

Тело Тины изогнулось, пальцы, что она сжимала в щепоть, побелели. Тинко становился все ярче, и Силь с абсолютной ясностью поняла, что происходит.

Этого духа слишком долго кормили кровью. Он почти освободился. Почти пожрал душу той, что приютила его.

– Крис... Крис, прости... – Голос Тины изменился до неузнаваемости. Стал тонким и хриплым одновременно. – Прости...

Крис подошел к сестре и притянул к себе. Рядом с ними трое духов пытались сдержать одного, но заклинатель будто не замечал этого. Он ласково провел рукой по щекам сестры, поправил ей волосы, а потом попытался разжать ее пальцы.

– Ты должна его впустить в себя, – ласково сказал он. – Впусти его. Внутри ему будет лучше.

– Я не хотела... не хотела его убивать... – рыдала Тина, изгибаясь в его руках. – Не хотела... но он все узнал... понял... я не любила его, Крис... но я не желала ему смерти...

– Я знаю, знаю, – проворковал Крис. – Я думаю, Эрик знал, что ты не испытываешь к нему ответных чувств. Знал. Но думал, что его любви хватит на двоих. Впусти своего духа обратно, Тина. Так надо.

Силь посмотрела на выход из переулочка и с облегчением увидела, что Лейни выводит Нейтана. Его плащ был разорван, сюртук распахнут, а на рубашке блестела красная кровь. Но он был жив. В его правой руке был пистолет.

Более не в силах держаться, Силь осела на мостовую, прямо к ногам черного скелета с лопатой вместо головы.

Крис же продолжал гладить сестру по голове, уговаривая впустить Тинко обратно в себя.

– Ему лучше, когда он в тебе, – говорил он.

– Нет! – плачущим голосом ответила Тина, замотав головой. – Он не хочет.

– Разожми пальцы, родная. Это легко... Ради меня.

– Крис... прости меня, – опять зарыдала она.

Крис посмотрел за ее плечо. На Нейтана и Лейни, которые медленно приближались. А потом резко сдвинул руку сестры, силой заставляя ее разжать щепоть. Зачем-то кивнул, когда встретился с взглядом Тинклера.

– Я люблю тебя, сестренка, слышишь? Люблю...

Пальцы Тины разжались.

Тинко исчез.

И в этот же миг Нейтан поднял пистолет и выстрелил.

Тина, коротко всхлипнув, дернулась и обмякла на руках брата. Ее пустые глаза стали окончательно безжизненными.

Крис прижал тело сестры к себе, упал на колени и разрыдался.

Душа Тины ушла на Ту Сторону. Вместе с духом, что почти ее пожрал.

* * *

Поставив на серебряный поднос кофейник, бокал с коньяком и кружку с горячим шоколадом, Сизэлла подхватила его и вышла из кухни в тот самый момент, когда туда ворвалась запыхавшаяся Лейни в теплом плаще, покрытом снегом.

– А, ты уже все сделала... – протянула экономка. – Как Нейт?

Силь вздохнула.

– Он в гостиной, – ворчливо произнесла она. – Я так и не смогла его убедить остаться в спальне, как велел ему доктор. Как Марианна?

– Жить будет... но та тварь сильно ее потрепала. Хорошо, что мы с Винтспиром вовремя прибыли, иначе... Нейт бы меня точно убил.

– Снимай плащ. Если хочешь – переоденься, – распорядилась Силь. – Мы будем ждать тебя в гостиной.

Нейтан полулежал на диванчике возле камина и смотрел на огонь. Одетый в свободные домашние брюки и халат, он был бледен, а из-под распахнутой полы виднелись белоснежные бинты.

Ему повезло больше, чем Марианне. Ту Тинко едва не разорвал.

Поставив поднос на столик, Силь повернулась к мужу и строго сказала:

– Виски не дам. Тебе нельзя. Ты кровью истекаешь.

Он слабо улыбнулся.

– Уже не истекаю. А выпить сейчас самое время.

– Тебе сейчас самое время поспать!

– Тебе тоже.

В гостиную зашла Лейни. Посмотрела на Тинклера и покачала головой.

– Она права. Ты выглядишь восставшим из могилы мертвецом.

Нейт немного приподнялся.

– На себя посмотри. А моя беременная жена и вовсе постеснялась прислугу будить и сделала все сама. – Он строго посмотрел на Силь.

Но та не собиралась сдаваться.

– Если тебе не спится, мы могли бы собраться в твоей спальне.

– В спальне я предпочитаю спать, – буркнул Нейт.

Лейни взяла с подноса бокал с коньяком и подошла к окну.

– Когда уже ночь закончится? – проворчала она. – Эта оказалась уж очень длинной.

Силь подала мужу чашку с кофе и взяла кружку с шоколадом. Устроившись рядом с Нейтаном, она сделала глоток и уставилась в недра камина.

– Как Крис? – спросила она о главном. О том, что не давало ей покоя.

Лейни вздохнула:

– Ему не позавидуешь. Напарника убила его собственная сестра, оказавшаяся тем самым кровавым маньяком, которого он искал. Затаскают по допросам. Я сказала Фессу, что он нам помог.

– Он и помог. Заставил ее вернуть духа в себя, чтобы я мог отправить обоих на Ту Сторону, – нахмурившись, ответил Нейтан. Он

посмотрел на Силь. – Вечером мы очень торопились. А сейчас я хочу узнать, как ты поняла, что Туз – это Тина Винтспир. Расскажешь?

– А ты потом ляжешь в кровать?

Нейт улыбнулся.

– Договорились, – кивнул он.

Силь устроилась поудобнее, оглянулась на Лейни. Та продолжала стоять возле окна, потягивая коньяк.

– Знаешь, Нейтан, если бы не ты и... не смерть Элджа, я, наверное, никогда бы не поняла. А точнее, никогда бы не сделала нужное, – сумбурно начала Силь. Сообразив, что лицо мужа приобретает недоуменное выражение, попыталась выправиться: – Помнишь, ты сказал мне, что мой дар работает на достижение цели? Помнишь? Я... я хотела найти книгу, которая мне приснилась, и я ее нашла. Зайдя в твой кабинет и задвинув верхний ящик стола ровно с той силой, с которой надо.

– Предположим.

– Если бы мой дар проснулся раньше, если бы у меня был тот, кто объяснил, что происходит, я, наверное, нашла бы Тину раньше. Потому что, пожалуй, самой первой целью, которую я себе поставила, когда у меня уже был дар, но я еще не знала о нем, было найти Туза. И я его нашла. В следующую же ночь после того, как поставила эту цель. Я думала, что все это случайность. Но нет. Это была Старуха.

– Старуха? – Лейни повернулась и непонимающе посмотрела на Силь. – Какая еще старуха?

Нейт усмехнулся.

– Она так свою интуицию называет, – пояснил он, глядя на Сиэllu. – Ты думала, я не знал, что ты разговариваешь с собственным даром?

– Не думала. – Силь улыбнулась в ответ и продолжила: – Я пошла на место, где убили Элджа, и встретила Криса. И Эрика. А потом – Тину. В ту ночь я встретила двух Тузов, но лишь один из них был убийцей. Дар привел меня к цели. Но я этого не поняла. И начала совершать ошибки. А ведь еще в тот момент, когда Эрик вел меня в дом Винтспиров, я могла бы все понять. Ифрит был ослеплен любовью. Он любил Тину и не замечал очевидного: он, менталист, не мог читать мысли своей невесты. Возможно, он и не пытался.

– Ифрит рассказывал тебе о Тине?

– Да. Пока мы шли к дому, где мне предстояло стать немой служанкой, он развлекал меня разговором. Рассказывал о том, как добивался своей невесты. Он узнавал о вкусах Тины с помощью Криса. А ведь будь она просто человеком, он мог сделать это, просто коснувшись ее. Я тогда этого понять не могла, мне было не до того. Вчера днем мне снился Эрик. Он уже был мертв к этому времени, но именно он пришел ко мне во сне и напомнил о той первой ночи, когда я сбежала из дома. Жаль его. Мне он очень нравился. Но в конце концов он догадался, что Туз – это его невеста. И был обречен.

Лейни покачала головой.

– Марианне он тоже нравился. Она хотела его себе в напарники. – Лейни сделала еще один глоток коньяка и добавила: – Или в любовники.

Силь последовала примеру экономки и тоже сделала глоток.

Нейтан стал еще бледнее, но упрямо продолжал попивать кофе, глядя то на Силь, то на Лейни.

– Их же обыскивали. Всех заклинателей магполиции. И не только заклинателей, – тихо сказал он. – Но она знала про обыски. И спрятала все. Возможно, это был дух... вот почему в Омирше стало так беспокойно с духами... Я думаю, пока Тина выпускала своего погулять и вытряхнуть свой плащ, избавляясь от песка, он времени не терял.

Силь кивнула.

– Да. Она знала про обыски. И знала расписание патрулей. Нейт, если бы мой дар был более устойчив, я бы все поняла. Песок. В ее спальне всегда было много песка. Если бы я была умней, если бы не заикливалась на тебе... я же хотела найти доказательства именно твоей вины... будь я умней, несколько человек остались бы живы...

Муж поставил чашку на столик и обнял Силь за плечи.

– Не вздумай винить себя. Ты нашла истину. Пусть немного позже... но ты ее нашла. Первой.

Силь благодарно улыбнулась мужу и прижалась щекой к его плечу.

Лейни фыркнула:

– Я думаю, Тинко этот и трупы прятал, когда нашли сразу четверых. Эта дура чуть не устроила нашествие духов... Вы хоть представляете, что бы было, если бы этот Тинко обрел полную силу?

Силь еще сильнее прижалась к мужу.

– Ей было просто одиноко, – прошептала она. – Одиноко, понимаешь? Я ведь слышала, что год или полтора назад их семья едва не разорилась. Я думаю, что отец Криса и Тины проигрался. А потом... я не знаю. Его убили?

– Он покончил с собой, – буркнула Лейни. – Когда понял, что не сможет вытянуть семью.

Бедный Крис... бедная Тина... именно им пришлось работать, чтобы поставить семью на ноги.

– Она не любила его. Эрика, – прошептала Силь. – Мне кажется, она просто хотела заменить им своего отца... но не получилось.

– Потому что на арену вышел Тинко, – кивнула Лейни. – Именно поэтому слабые заклинатели самые опасные. Их душа слишком хрупкая, и в горестное время душа Тины была уязвима. Но она сопротивлялась. Почти год, получается. Интересно, кто-нибудь, кроме нее самой, знал, что она – заклинатель?

– Аннет, – тихо сказала Сиэлла. – Аннет знала. Я думаю, она сразу поняла, кто именно убивает игроков Омирши. Но не могла сказать. Боялась. Или... или это дух что-то делал. Аннет заболела примерно в то же время, как начались убийства. И никто не знал, что с ней. Даже Тина. Именно поэтому и был такой большой перерыв между убийствами, а потом сразу четыре. Тина ухаживала за матерью. А потом та умерла.

Лейни допила коньяк и подошла к диванчику, где сидели Нейтан и Силь.

– Я думаю, если хорошенько копнуть, то выяснится, что старший Винтспир проигрался именно младшему Крейну. Третьей жертве. Духу нужна была кровь, но он не мог поначалу управлять своим носителем. Он сыграл на ее слабости. На чувстве одиночества и ненависти к игрокам. Я думаю, если бы Тина не любила своего брата, первой жертвой стал бы он. Или одной из последующих. Ты знаешь, что, когда он выиграл дом на улице Синих Ветров, он тоже отобрал у своего противника все?

Силь покачала головой.

– Виноват не Крис. А тот, кто не мог остановиться, – сказала она.

– Я тоже так думаю. – Лейни снова вздохнула. А потом ухмыльнулась. – Кажется, нам придется тащить его наверх на себе.

Силь повернулась к мужу и поняла, что он спит.

– Упрямец... нужно было приковать его к постели, – проворчала она.

– Боюсь, единственный способ, которым ты могла это сделать, на пользу в его состоянии ему бы не пошел, – ухмыльнулась Лейни и широко зевнула.

Силь провела пальцем по изумрудам браслета, что подарил Элдж.

– Иди, – сказала она. – Иди спать, Лейни. Я побуду с ним, пока он не проснется, а потом помогу дойти до спальни.

Экономка покачала головой.

– За бдение он тебя по головке не погладит. В отличие от тебя он помнит о том, что ты носишь под сердцем ребенка.

Силь пожала плечами. Она не стала говорить Лейни, что Старуха абсолютно уверена, будто с Силь все в порядке.

Все в порядке.

Все закончилось.

Все так, как и должно быть.

Эпилог

В воздухе пахло горечью, углем, машинным маслом и пирожками. Откуда взялся аромат свежей выпечки, Силь не знала, но именно он раздражал ее больше всего. Почему-то все «радости» беременности, в том числе и тошнота, пришли только сейчас.

Вокзал уже почти опустел. До отправления оставалось всего десять минут, и большинство пассажиров поезда на Икерну уже заняли свои купе.

Нейтан и Сиэлла ехали первым классом. Якобы на последние деньги.

Весна потихоньку вступала в свои права: снег таял, сугробы становились ноздреватыми и черными от пыли, в воздухе явственно пахло степью.

Лейни их не провожала, поддерживая легенду.

Ровно две недели назад Нейтан Тинклер проигрался в пух и прах. Его дом теперь принадлежал другому, а экономка не стала хранить верность бывшему хозяину, предпочтя остаться в своем статусе при новом. Это, конечно, послужило поводом к громкому скандалу.

Газеты захлебывались ядом.

– Ты должна выглядеть несчастной, – напомнил Нейтан, поглаживая ее уже совсем заметный живот.

– Я стараюсь, – улыбнулась Силь.

– Плохо стараешься. Ты забыла, что я силой взял тебя в жены, а теперь тащу неизвестно куда без гроша в кармане, и черт знает с кем я свяжусь, чтобы поправить свое шаткое положение.

Сиэлла честно попыталась придать себе несчастный вид. К тому же по перрону к ним спешила Элис.

– Как ты думаешь, если я пойду в купе, она не попытается тебя похитить? – спросил Нейтан, убирая руку.

– Не знаю. Но я бы поговорила с ней. Наедине, – ответила Силь.

Нейтан зашел в поезд, оставив ее одну. Когда мачеха приблизилась, Сиэлла заметила на ее глазах слезы.

– Здравствуй, Элис, – грустно улыбнулась Силь. – Как поживаешь?

– Ты все-таки уезжаешь? Уезжаешь? С ним? Девочка, у меня есть немного денег. Вернись домой. Я что-нибудь придумаю. Ты не должна оставаться рядом с этим чудовищем! – Руки мачехи дрожали, а Сиэлла изо всех сил сцепила пальцы в замок, чтобы скрыть то же самое.

Ей очень хотелось признаться мачехе, что она счастлива как никогда. Что ее душа спокойна. Что ее муж – герой, много лет очистивший этот город от грязи. Что ее муж искренне заботится о ней. Что ей нравится заботиться о нем.

Но легенду надо было поддерживать. И для этого ей нужно обидеть одну из тех немногих, кому небезразлична ее судьба.

– А что я буду делать, Элис? – жестко спросила Силь. – Что? Посмотри на меня: я беременна, я изуродована. Кому я нужна? А где отец? Где Эви? Небось радуются, что мой муж успел выплатить им обещанное до того, как разорился?

– Не говори так... – прошептала мачеха.

– Так где они? – спросила Сиэлла еще жестче.

Элис поджала губы, сдерживая рыдания.

– Прости меня... – прошептала она. – Это я виновата. Он просто хотел обеспечить меня. Боялся, что не удержит...

– ...и продал собственную дочь. Не вини себя. Я выживу. Назло ему. Ты – очень хороший человек, Элис. Я буду вспоминать тебя с теплотой. Но от Тинклера мне никуда не деться. Пусть он разорен, но связи у него остались. Мне не скрыться. Тем более в моем положении.

Элис закрыла глаза, а потом крепко обняла Сиэлла.

– Если... если найдешь возможность... знай, я всегда тебе помогу. Чем смогу. Ты слышишь? И не держи зла на отца и сестру. Они просто... просто...

– Дорвались до денег, – закончила Силь. – Я не буду их проклинать. Я почти привыкла.

Элис отстранилась от падчерицы и посмотрела на ее шрам.

– Прости меня... я и не знала, до какой же степени он жесток.

Силь сцепила пальцы еще сильнее.

– Я больше не даю ему поводов меня наказывать, – ответила она. – Прощай, Элис.

Повернувшись, она кивнула проводнику, и тот открыл перед ней дверь. Оказавшись в купе, она первым делом убедилась, что шторы

закрыты и с перрона ничего не видно, а потом села к мужу на колени и обвила его шею руками.

– С каждым разом мне становится все тяжелее. Мне кажется, я однажды на весь мир прокричу, что этот шрам мне оставил не ты.

Нейтан потянулся и ласково чмокнул ее в нос.

– Не вздумай. Роль жестокого ублюдка мне еще понадобится. Ты же не хочешь испортить мне репутацию?

Положив голову на плечо мужа, Силь вздохнула.

– Ты видел? Он все-таки не сдержался.

– Видел. Хорошо, что хоть не подошел. – Нейтан погладил ее по спине. – Садись рядом. Слышишь колоколец? Поезд вот-вот тронется.

– Боишься, что упаду? – игриво спросила Сиэлла.

– Я не дам тебе упасть, – серьезно ответил он. – Но хотел бы раздвинуть шторы и посмотреть на Омиршу напоследок. Одни небеса знают, вернемся ли мы еще сюда когда-нибудь.

Силь кивнула. Она слезла с колен Нейтана и сама отодвинула шторы.

В этот момент поезд тронулся, и Нейтан торопливо схватил ее за талию, чтобы она не упала. Но Силь этого почти не заметила.

Она смотрела на одинокую фигуру у фонарного столба.

Потерявший всех – мать, сестру, напарника и друга – Крис Винтспир обозлился на этот мир. Со скандалом уволившись из магполиции, он три месяца беспробудно пил и играл в покер, почти не вылезая из игорных домов. Говорили, что он связался с преступным миром. Говорили, что у этого человека больше не осталось души.

Недавно именно его имя было во всех заголовках, ведь именно Крис Винтспир смог сделать то, чего не удавалось никому: разорить Нейтана Тинклера. Отобрать у него дом, акции, счета, все деньги.

Теперь Крис Винтспир жил в огромном доме, где еще недавно играла на своем белоснежном рояле Силь.

Нейтан уезжал. Пора было приступать к делу, что его ждало в Икерне.

А в Омирше оставался Туз.

– Как ты думаешь, он справится? – спросила Силь, когда перрон сменился видами города.

– Лейни ему поможет. Да и Марианна не останется в стороне, – ответил Нейтан. – Он молодец. Я думаю, через пару лет он сможет

обрести смысл жизни. И спасти себя.

– Это ты его спас, – возразила Силь. – Не спорь, я знаю, что именно ты предложил его себе на замену.

– Он идеально подходит, вот и все. Да и после того, как он, спасая город, дал убить свою сестру, трудно было бы сомневаться в его мотивах, – буркнул Нейтан. А потом склонился над ней и коснулся губами ее шеи. – Не боишься?

– Чего? – не поняла Силь.

– Новой жизни. Будет тяжело. Но ты должна помнить, что я не дам тебя в обиду.

– Я в этом не сомневаюсь. – Силь повернулась к нему лицом и подмигнула. – Знаешь, мне ведь когда-то снился сон. Там я была замужем, у меня был шрам на щеке, а еще – я была бесконечно счастлива. Он сбылся, Нейт. Что бы нас ни ждало впереди – я уверена, что мы с тобой все сможем.

Нейтан обнял ее лицо ладонями.

В его глазах читалось восхищение. И даже больше.

Его губы накрыли ее губы, и Сиэлла забыла обо всем. Слова любви не нужны тем, кто читает мысли, и тем, кто чувствует.

Она покидала этот город, возможно, навсегда. Но на душе было спокойно.

Она знала точно: Омирша осталась в хороших руках. И однажды Крис будет счастлив.

Она знала точно: однажды Лейни сможет забыть своего погибшего мужа. И тоже обязательно будет счастлива.

Она знала точно: однажды Марианна станет героем Омирши официально.

Она знала точно: их с Нейтаном впереди ждет немало трудностей. Но у них есть самое главное.

Они вместе.